

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Ноябрь 2022 Том 21 № 4

Специальная тема номера:
К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 21 No 4 NOVEMBER 2022

Special Theme of the Issue:

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka, EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 23.11.2022. Выход в свет 30.11.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,10. Тираж 500 экз. Заказ № 1224. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor K.V. Zenkin

Translation Editor E.A. Paymakova

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редактор перевода Е.А. Паймакова

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF THE USSR

- Olga Rusakova, and Vasiliy Rusakov.** Soviet Power Plus Rationalization of the Whole Country: Creating the Kingdom of Reason 452
- Aleksandr Vasiliev.** Commonly Used Turkic Language in the Declaration and Treaty on the Formation of the USSR 469
- Elena Mineeva, Alevtina Zykina, and Alexey Mineev.** Formation and Development of School Education of the Autonomies of the Middle Volga Region, 1920–1930s 484
- Galina Ivanova.** The Prisoner Camp System in the Caspian Region of Kazakhstan in 1932–1940 498
- Alexey Antoshin.** U.S. and Turkestan Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia 509
- Vladimir Egorov.** USSR: From Emergence to Collapse of the Great Power 526

ARTICLES

- Stepan Dzhundzhuzov.** Princess Anna Taishina, the First Ruler of the Stavropol Baptized Kalmyks, 1737–1742 541
- Gadilya Kornoukhova.** Russian Exporters to Iran vs Transcaucasian Transit of European Goods in the Early 1880s 556
- Zalina Plieva, Berta Tuaeva, Zalina Kanukova, and Ali Kalirad.** Activities of Iran's Consular Services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian Sources 568
- Oleg Milevsky.** Executed under the name of Antonov: Revolutionary Biography of Vladimir Sviridenko 581

REVIEWS

- Igor Orlov.** Phenomenon of Sovietness in Russian Historiographical Tradition 597
- Dina A. Amanzholova.** Review of *Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoiavshikhsia deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)] by Abylkhozhin, Zh.B. Almaty: KBTU Publ., 2019. 468 p. 608

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

- Ольга Русакова, Василий Русаков.** Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума 452
- Александр Васильев.** Общеупотребительный тюркский язык в Декларации и Договоре об образовании СССР 469
- Елена Минеева, Алевтина Зыкина, Алексей Минеев.** Становление и развитие школьного образования в автономиях Среднего Поволжья в 1920–1930-е гг. 484
- Галина Иванова.** Лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана в 1932–1940 гг. 498
- Alexey Antoshin.** U.S. and Turkestan Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia (США и «туркестанские» политэмигранты в холодной войне: информационная политика Радио Свобода в советской Центральной Азии) 509
- Владимир Егоров.** От рождения к краху великой державы СССР: деструкция реального социализма 526

СТАТЬИ

- Степан Джунджузов.** Княгиня Анна Тайшина – первая правительница ставропольских крещеных калмыков, 1737–1742 541
- Гадила Корноухова.** Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. 556
- Залина Плиева, Берта Туаева, Залина Канукова, Али Калирад.** Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам 568
- Олег Милевский.** Казнен под фамилией Антонов: революционная биография Владимира Свириденко 581

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Игорь Орлов.** Феномен советскости в отечественной историографической традиции 597
- Дина Аманжолова.** Рецензия на книгу: *Абылхожин Ж.Б.* Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с. 608

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Научная статья / Research article

Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума

Ольга Русакова ^a , Василий Русаков ^b

^a Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

^b Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

 rusakova_mail@mail.ru

Аннотация: Исследуется соотношение категорий рационального и иррационального в философии Просвещения и классическом марксизме, нашедшем свое воплощение в России в виде большевизма (ленинизм). Авторы выявили, что рационализм как своеобразная «мифология Разума» возник в эпоху Просвещения и достиг апогея в Великой Французской революции и немецкой классической философии. Несмотря на то, что в ряде работ классического марксизма были выдвинуты весьма эвристически ценные идеи переформулирования проблемы сущности и соотношения категорий рационального и иррационального, рационализм господствовал в осмыслении реальности и практиках первых лет Октябрьской революции. Это нашло выражение в работах В.И. Ленина, в общественно-политической и духовной атмосфере революционной России, что имело далеко идущие последствия для советского общества. Этот феномен проложил дорогу государственно-политической мифологии Разума и его фетишизации, мистификации науки (которая, как магия, – «все может»). Данные рационалистические схематизмы глубоко проникли во все формы массового сознания и породили культ Разума, на основе которого должны были быть преобразованы все сферы жизни советского общества.

Ключевые слова: ранний советский период, просветительский рационализм, массовое сознание

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

Для цитирования: Русакова О.Ф., Русаков В.М. Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Soviet Power Plus Rationalization of the Whole Country: Creating the Kingdom of Reason

Olga Rusakova ^a , Vasilii Rusakov ^b

^a Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

^b Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

 rusakova_mail@mail.ru

Abstract: The correlation between the categories of rational and irrational in the philosophy of the Enlightenment and classical Marxism, which found its embodiment in Russia in the form of Bolshevism (Leninism), is studied. The authors identify that rationalism as a kind of "mythology of Reason"

arose in the Enlightenment era and reached its apogee in the Great French Revolution and German classical philosophy. Despite the fact that in a number of works of classical Marxism heuristically valuable ideas were put forward to reformulate the problem of the essence and correlation of the categories of rational and irrational, rationalism prevailed in the understanding of reality and practices of the first years of the October Revolution. This found expression in the works of V.I. Lenin, in the socio-political and spiritual atmosphere of revolutionary Russia, which had far-reaching consequences for Soviet society. This phenomenon paved the way for the state-political mythology of Reason and its fetishization, the mystification of science (which, like magic, "can do anything"). These rationalist schematisms penetrated deeply into all forms of mass consciousness and gave rise to the cult of Reason, on the basis of which all spheres of life of Soviet society were supposed to be transformed.

Keywords: early Soviet period, enlightenment rationalism, mass consciousness

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with the support of RFBR grant No. 21-011-43023 "The official discourse of the Russian policy of memory of the Soviet past: interpretation strategies, actors, commemorative practices."

For citation: Rusakova, Olga, and Rusakov, Vasilii. "Soviet Power plus Rationalization of the Whole Country: Creating the Kingdom of Reason." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Введение

Обращаясь к истории возникновения советского общества, исследователи сталкиваются с необходимостью тщательного изучения духовно-идеологических контекстов, в которых рождалось новое общество, для чего столь же необходим адекватный методологический инструментарий, о чем справедливо пишут зарубежные и отечественные авторы¹. Одной из таких фундаментальных проблем, в контексте анализа которой мы адекватно можем понять целый мощный пласт политики и культуры отечественной истории советского периода является проблема сущности и соотношения категорий рациональное и иррациональное в классическом марксизме, ставшая мировоззренческой основой социальной революции и строительства социалистического общества в России. Данная проблема в той или иной степени получила свое освещение в ряде работ современных исследователей².

Проблема рациональности, как подчеркнула в своей книге П.П. Гайденко, одна из самых актуальных: «С самого начала надо сказать, что вопрос о природе рациональности – не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический вопрос. Индустриальная цивилизация – это цивилизация рациональная, ключевую роль в ней играет наука, стимулирующая развитие новых технологий. И актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации в целом, не говоря уже о дальнейших перспективах развития науки и техники. Кризисы, порожденные технотронной цивилизацией, и прежде всего экологический, – вот что в конечном счете стоит за столь широким интересом к проблеме рациональности»³.

¹ См.: *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017; *Машинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015; *Методологические вопросы изучения политики памяти.* сб. научн. тр. / под ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М., СПб., 2018.; *Поршинева О.С.* Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // *Дискурс-Пи.* 2020. № 2 (39). С. 128–141.

² См.: *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М., 1989; *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры: Традиция и современность. М., 2003; *Рациональность как предмет философского исследования.* М., 1995; *Патнем Х.* Разум, истина и история. М., 2002.; *Русаков В.М., Русакова О.Ф.* Проблема и категории рационального и иррационального в классическом марксизме // *Дискурсология: методология, теория, практика* 2018. № 11. С. 190–222.

³ *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 8.

Постановка проблемы рациональности в XVII – XX вв. прошла длительную и весьма интенсивную эволюцию – от рационалистической метафизики XVII в. с ее внеисторическим представлением о Разуме как силе, действующей не только в уме индивида, но и в объективном мире, – до философии науки XX в. с ее представлениями о плюрализме исторически сменяющих друг друга форм рациональности. Сформировалась идея отказа от сведения рациональности к научной рациональности и перехода к новому ее типу, что порождало исследования различий классического и неклассического типов рациональности⁴.

Историография проблемы рациональности отмечена постоянными попытками прояснения сущности и взаимосвязи рациональности и ее противоположности – иррациональности, стремлением сформулировать некоторые фундаментальные свойства, присущие рациональности, поскольку, по мнению М. Хоркхаймера,

Прогресс, связанный с рационализацией, – так как он понимается и осуществляется в нашей цивилизации, – <...> обнаруживает тенденцию к забвению самой сущности разума, именем которого этот прогресс освящен⁵.

Убеждение в том, что проблема рациональности вовсе не есть только проблема сознания и познания, т. е. гносеологии, а глубоко практическая (практической философии, практического разума), также становится общим местом множества исследований⁶, связывающих рациональное регулирование общества с возвращением к плановой экономике. Значительный этап в изучении рациональности (например, ее границ⁷ связан с теорией рационального выбора, в частности – рационального общественного выбора⁸. Но все это еще предстояло пройти нескольким поколениям исследователей.

Целью нашего исследования выступает анализ рационалистических представлений о преобразовании общества в первые годы Советской власти. Они сформировались в рамках марксистской идеологии, которой руководствовалась партия большевиков во главе с ее лидером – В.И. Лениным, попытавшимся придать новый импульс развитию марксизма в новых исторических условиях.

Предыстория вопроса

Идея о том, что человеческое общество должно быть преобразовано на основе принципов Разума, становится господствующей в эпоху Просвещения. Ф. Энгельс так резюмировал это движение:

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открывала посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху

⁴ Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004; Рациональность в действии. М., 2010. С. 11–13.

⁵ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011. С. 5–6.

⁶ Fondou Guillaume. *Une théorie marxiste de la planification est-elle possible? // La planification aujourd'hui*. Actuel Marx. 2019. № 65. P. 13–25.

⁷ Dupuy Jean-Pierre et Livet Pierre. *Les limites de la rationalité*. Paris, 1997. Vol. 1.

⁸ Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Сочинения / Дж. Бьюкенен. М., 1997. Т. 1. Гл. 4.

донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения⁹.

Однако классический марксизм позиционировал себя не просто в качестве наследника прогрессивной линии идеологии Просвещения, но и в качестве силы, преодолевающей ее ограниченность. Заявленная основоположниками марксизма радикальная смена самого способа философствования требовала ревизии всего комплекса философских понятий и категорий, что выливалось в изменение отношения к традиционным, доставшимся в наследство от прошлого, дилеммам – чувственное и рациональное, рациональное и иррациональное и т.п. Наряду с выдвиганием новых категорий (общественно-экономическая формация, производительные силы и производственные отношения, способ производства, базис и надстройка и т.п.) надо было «переформулировать» содержание старых категорий (материя, сознание, субъект, объект, сущность, явление и т.п.).

Было очевидно, что дилемма рационального и иррационального, до предела заостренная рационализмом и иррационализмом, была, с этой точки зрения, несовершенным выражением реальной проблемы, которую предшественники в лучшем случае только поставили. Еще Ф. Энгельс говорил о необходимости создать рациональную диалектику, демистифицировав положительное ядро гегелевской диалектики¹⁰. Употребление К. Марксом категорий рациональное и иррациональное в «Капитале» показывало стремление фундаментально размежеваться с просветительской традицией¹¹.

Все это В.И. Ленин застает в виде нереализованных тенденций, более или менее ясно артикулированных указаний. В ленинизм прочно входит связка: рациональное понимание сущности (природы, общества, мышления) – демистификация и дефетишизация их – разумный контроль над ними как форма господства над стихийностью социальных связей. Данная тенденция прослеживалась в учении Маркса и Энгельса, которые связывали построение нового коммунистического общества с демистификацией общественных связей и отношений и уничтожением отчуждения и овещствления. Новое царство свободы должно было стать не просто царством разума (в духе прежних рационалистических просветительских представлений), а царством «ассоциированных производителей», разумно контролирующих свое общественное бытие.

Все указанные в связке категории носили фундаментальный характер и требовали адекватной для практического применения артикуляции. Кроме того, нельзя забывать и о том, что не все работы К. Маркса были известны. Потребности повседневной политической борьбы в выработке программ по формированию субъекта революционных преобразований отягощали решение проблемы.

Анализируя работы В.И. Ленина и других создателей и руководителей Советского государства, необходимо раскрыть, насколько фундаментальные идеи марксизма о рациональном переустройстве общества в процессе социалистической революции оказались воплощены в практике строительства социализма в России.

⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 16.

¹⁰ Там же. Т. 20. С. 372.

¹¹ Русаков В. Второе крушение царства разума. Проблема рационального и иррационального в современной философии. Приложение: Предметный указатель по категориям рациональное и иррациональное и взаимосвязанным с ними в «Капитале» К. Маркса. Соч. 2-е изд. Екатеринбург, 1998. Т. 23, 24, 25, 26. С. 172–173.

Теория и практика разумного преобразования общества

1. Исходные основания

Разум революционных масс должен был творить разумно организованное общество. Такова была общая идея. Но что должно было означать «разумно организованное»?

Выдвинутый Марксом коммунистический идеал разумно организованного общества в самом общем виде звучал так:

Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем¹².

Неоднократно возвращаясь к этой идее, К. Маркс пытался максимально раскрыть ее содержание:

Коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль <...>, совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей¹³.

Ф. Энгельс также предпринимает попытку конкретизировать эту идею:

Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь попадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие им до сих пор как чуждые господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно творить свою историю сами, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают¹⁴.

Таковы были в общих чертах исходные теоретико-методологические основания социально-политических преобразований, которые были известны русским большевикам. И они настоятельно подчеркивали тот факт, что новые социально-экономические и политические отношения необходимо создавать в процессе сознательной целенаправленной работы, поскольку в отличие от буржуазного новый общественный строй в недрах предшествующего стихийно не возникает. Складываются только материальные предпосылки.

Отсюда вытекала одна из главных идей. Ленин писал перед приходом большевиков к власти:

Учет и контроль – вот главное, что требуется для наложения правильного функционирования первой фазы коммунистического общества¹⁵.

Более того, учет и контроль он рассматривает как сущность социализма¹⁶. Далее он поясняет их значение:

¹² Маркс К. Капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 90.

¹³ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 386–387.

¹⁴ Там же. Т. 20. С. 295.

¹⁵ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 33. С. 101.

¹⁶ Там же. С. 97.

Учет и контроль, *если* они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как верховной государственной властью, или по указанию, по полномочию *этой* власти, – учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный <...> – в этом *суть* социалистического преобразования...¹⁷

Как видим, «разум масс» начинает обретать плоть в виде государственной власти особого типа – массовых представительных организации. Начинается, таким образом, крайне сложный и рискованный путь нисхождения с высот теоретической идеи-схемы в гущу эмпирических феноменов политической организации и борьбы, – рискованный, потому что возможные недоговоренности, неясности в исходной схеме неизбежно выплывут на свет. А недоговоренностей и непроясненностей исходных оснований нового понимания разума и рациональности проблем было более чем достаточно.

Идея всенародно организованного планомерного и сознательно осуществляемого со стороны теперь уже не просто «ассоциированных производителей» (Маркс)¹⁸, а невиданной формой государственной власти в виде «советов» была положена Лениным в основу рационального переустройства общества:

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность...¹⁹

Это была старая социалистическая идея, возникшая еще в рамках утопического социализма Ш. Фурье, А. Сен-Симона и Р. Оуэна, М. Бакунина, П. Кропоткина и др.

2. Модификация исходных оснований

Вдумаемся в эволюцию представлений о разумности: классический рационализм помещал источник разума в некий «естественный свет», свойственный каждому нормальному человеку, и тем вступал в противоречие – поскольку еще классическая немецкая философия указывала, что рассудочное сознание не может постичь парадоксальность научных истин. Рассудок, в отличие от разума, сводит все дело к формально-логической правильности, непротиворечивости, в крайнем случае – к полезности и эффективности. Маркс же делал упор на сознательном контроле над способом деятельности.

Ленин акцент сдвигает на массовость, универсальность, всеохватность контроля и особенные свойства носителя: революционные массы, трудящиеся. Иными словами, все дело должен решить революционный инстинкт масс, что является носителем и критерием разумности в последней инстанции, а советы (организация представителей) выступают выразителями его – такова теперь схема. Но зазор в переходах от одного элемента к другому, та самая недоговоренность, уже возникла. Разумность действий масс обеспечивается всеобщностью универсальных законов, на основании которых строится их действие и гарантируется единством всеобщего интереса, их объединяющего.

Вместе с переходом к абстрактно-индивидуальным определениям носителя рациональности и критериев ее возникают и специфические вопросы: ведь согласно идее Маркса ассоциированные производители должны взять под контроль все условия объединения людей в общество. Это подчеркивалось неоднократно. Но *все* фун-

¹⁷ Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 199–200.

¹⁸ О сложности и разнообразии подходов русской социалистической мысли к определению того, что следует понимать под «элементарными ячейками» социалистического общества наглядное представление дают, например, работы М. Бакунина, П. Кропоткина.

¹⁹ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 36. С. 185.

даментальные устои жизни человека как социального существа возможно ли охватить? Скорее всего, ни Маркс, ни Энгельс, конечно, не знали доподлинно, в каком это виде возможно и осуществимо (не случайно идея конкретизировалась тезисом о контроле над «способом жизнедеятельности»). Ленин тоже не очень отчетливо представлял это себе, говоря о всеобщем, всепроникающем учете и контроле. Но логика государственно-политического управления и политической борьбы требовала полной определенности (вплоть до непосредственной институционализации).

Кроме того, делая упор на то, что разум масс реализуется в их революционном творчестве, нельзя было не видеть, что «разум масс» оказался силен в деле слома («весь мир насилья мы разрушим»), и весьма спорными оказались его способности в создании того, что с уверенностью и энтузиазмом провозглашалось в теории. В конце XIX – начале XX в. в социально-гуманитарном знании достаточно хорошо представлялись границы и пороки массового сознания (Г. Лебон).

Первоначальные поиски Лениным форм адекватного воплощения разумного способа организации жизни общества показывают всю сложность и трудность преодоления именно стихийно *рационалистических* первооснов понимания разумности и рациональности, вырвавшихся из устоев капиталистической индустриальной цивилизации.

Революционное преобразование общества шло под лозунгом превращения человека труда в подлинного хозяина своей судьбы, субъекта исторического процесса. Но нужен был механизм осуществления этого.

Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение государственного экономического механизма в единую крупную машину, – писал В.И. Ленин, отмечая особенности нового способа общественной жизнедеятельности, – в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, – вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи²⁰.

Во всей этой работе он видит, прежде всего, задачу обеспечения победы сознательного планомерного начала:

Борьба за *внедрение* в массы идеи Советского *государственного* контроля и учета <...> – эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности²¹.

Обратим внимание на то, что, видимо, разума самих масс для этого недостаточно (приходится *внедрять*). И еще одна существенная деталь заключалась в том, что подразумевался государственный контроль. Такие разные вещи как *разум масс* и *воля государства* незаметно отождествляются; все последствия такого отождествления вскоре проявятся.

В ленинских работах первых лет Советской власти мы постоянно сталкиваемся с попытками как можно более конкретно определить, сформулировать и разработать в деталях как предполагаемую «свободную ассоциацию производителей», так и механизм контроля. Первоначально крайне расплывчато представлялось это в виде неких «потребительско-сбытовых коммун», ячеек по месту жительства и т.п. В то же время в «Наброске плана научно-технических работ» В.И. Ленин пишет:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда <...> Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях²².

²⁰ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

²¹ Ленин В.И. Доклад об очередных задачах Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 185.

²² Ленин В.И. Набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. С. 228.

Но мы помним его мысль о том, что капиталистическая организация труда несовместима с рациональностью, а в этих рассуждениях пока нет ничего такого, что было бы сверх упорядоченности, организованности и эффективности, *обеспечиваемыми трестами и корпорациями*. Интенсивно проводится мысль, что

ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм – это, прежде всего, учет²³.

В разных вариантах настойчиво подчеркивается, что все общество будет «одной конторой и одной фабрикой» с равенством труда и равенством платы²⁴, что

всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма²⁵.

Как это возможно? Ведь это есть, в сущности, лапласовский взгляд на социально-экономическую вселенную: задать с предельной однозначностью и точностью исходные условия, чтобы вычислить любое наперед заданное состояние! Причем заметим характерную деталь: контроль мыслится прямой, непосредственный, а не опосредствованный, скажем – финансовыми, рыночными рычагами. Не забываем, что К. Маркс писал:

Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством²⁶.

Такой же подход диктуют ленинские директивы:

всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма²⁷;
организуйтесь до последнего человека, организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением²⁸.

Совершенно очевидно, что в основе подобных представлений могут лежать лишь типично рационалистические просветительские представления, где рациональность понимается как всеобщая калькулируемость и исчислимость, соизмеримость всего и вся, логически приводящие ко всеобщему, а, следовательно, по необходимости – формальному равенству (что было неприемлемо в марксистской традиции).

Поэтому всеобщая соизмеримость не могла быть отдана на «откуп» стихии рынка:

Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов...²⁹

Звучит все это как цитата из «Утопии» Т. Мора, которая, как известно, имела название более длинное – «Книга, столь же полезная, сколь и забавная...». Позднее В.И. Ленин скажет, оценивая этот период:

²³ Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

²⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

²⁵ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 155.

²⁶ Марк К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1946. Т. 46. Ч. 1. С. 101–102.

²⁷ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 155.

²⁸ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 263.

²⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 92.

Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению <...> полагая, что без периода социалистического учета и контроля подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя³⁰.

Первоначальные поиски Лениным форм адекватного воплощения разумного способа организации жизни общества показывают всю сложность и трудность преодоления именно стихийно рационалистических первооснов понимания разумности и рациональности.

Лапласовский характер («железный детерминизм») претензий на универсальность учета всех условий создавал фантастические трудности на уровне практики государственного управления: Ленин, будучи председателем Совнаркома, постоянно жалуется на то, что высшая исполнительная власть тонет в океане бесчисленных мелочей, что «заедает текучка», мешающая видеть общее. В последние годы его жизни эти жалобы становятся все более настойчивыми, и он начинал впадать в ярость по поводу «волокиты», «головотяпства», неисполнительности и непродуктивности работы контрольных органов госаппарата.

Н.Н. Бухарин вынужден был заметить:

мы строим контроль над контролем, и они исправляют 10 %, а прожирают 20, 30, 50; поэтому такой контроль представляет колоссальный балласт на всем советском организме... Мы создаем одни контрольные функции над другими, контроль в квадрате, контроль в кубе и в конце концов всюду стоит контроль, и в то же самое время воровство существует...³¹

Идеи всепроникающего универсального контроля, не оставляющего без своего внимания ни одного темного уголка жизни, становятся пафосом времени. На рациональных началах стремятся реорганизовать не только «Рабкрин», но и быт («дома нового быта»), питание («Общепит»), брак и семью, наконец, – природу. Более того, провозглашается необходимость «выведения» новой породы людей, создаются новые педагогические системы, нацеленные на формирование человека будущего коммунистического общества: толпы пилигримов устремляются в колонию имени Ф.Э. Дзержинского, где великий А. Макаренко производит «перековку» малолетних преступников и беспризорников в граждан нового мира.

Ученые, политики, поэты наперебой стали превозносить силу науки и научного планирования. А.А. Богданов в работе «Идеал и путь» писал:

Что видели в социализме до сих пор? Революцию собственности, смену хозяина в обществе – дело классового интереса и материальной силы масс. Что следует видеть в нем? Творческую революцию мировой культуры, смену стихийного образования и борьбы социальных форм их сознательным созиданием...³²

Как он это представлял себе?

Потребуется на пространстве во много миллионов квадратных верст, – поясняет ученый голосом оракула, – между сотнями миллионов разнообразнейших рабочих сил целесообразно распределить миллиарды разнородных орудий и сотни миллиардов пудов всевозможных материалов, а также и жизненных средств, так, чтобы все потребности производства и работников полностью удовлетворялись, а продукты каждой отрасли своевременно доставлялись всюду, где они должны быть применены в труде или потреблении. Разумеется, только научным путем мыслимо осуществить все это³³.

³⁰ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157–158.

³¹ Бухарин, Н.И. Производственная пропаганда // Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988. С. 312.

³² Богданов А.А. Идеал и путь // Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 349.

³³ Богданов А.А. Социализм науки // Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 371.

Реализации этих идей А.А. Богданов посвятил свое творчество, в том числе свою работу «Тектология», где он предпринял попытку конкретизировать представления о едином народнохозяйственном плане:

Какое хозяйство может быть названо планомерным? Такое, в котором все части стройно согласованы на основе единого, методически выработанного хозяйственного плана. Как же следует приступать к решению этой задачи, беспрецедентной по масштабу и по своим трудностям? Принципы могут быть установлены лишь с научно-организационной точки зрения³⁴.

Применение научного, планового подхода к процессам производства и распределения продуктов, согласно большевикам, позволяет рационализировать и проконтролировать их протекание со стороны трудящихся масс, сужая тем самым пространство стихийно-рыночных, плохо управляемых отношений производства и обмена. Н.И. Бухарин следующим образом поясняет свое видение данной проблемы:

Этой структуре (капитализму. – *О.Р., В.Р.*) противостоит новая складывающаяся структура социализма с ее плановым принципом, с превращением стихийной закономерности в закономерность сознательную, с ростом действительной рационализации всего общественного механизма, со все большим сужением стихийно-рыночных отношений, со все большим вовлечением массы... в дело реального управления производством, с совершенно новой ролью людского массива в самом процессе производства, с собранным кулаком хозяйственных сил на мировом рынке <...> Это противопоставление разных хозяйственных систем получает свое замечательно яркое выражение в противопоставлении разгула стихийного кризиса разумному строительству пятилетки³⁵.

3. Неизбежные следствия

В этом плане духовная атмосфера данного исторического периода в некоторых чертах весьма напоминала эпоху Великой французской революции не только тем, что на нее ссылались, ее цитировали, ее копировали. Беспощадная критика всех прежних порядков («Ancien régime») воодушевлялась верой во вселенское торжество Разума, что, в частности, выразилось в создании в тот период во Франции весьма искусственного культа Верховного разумного существа и переименовании церквей в «Храмы разума»³⁶.

Нечто аналогичное царило в умах идеологов Русской революции 1917 г. Выдающиеся умы и величайшие способности были поставлены на службу преобразования России, которое понималось именно как утверждение разумных начал во всем, а носителем и воплощением разумности выступала наука. Ученые, политики, поэты наперебой превозносили науку.

Духовную атмосферу советского общества пронизывали токи высокого напряжения, полюсами выступали «разумное» (научное, рациональное, сознательное, планомерное и т. п.) и «неразумное» (стихийное, бессознательное), наделяемые абсолютными ценностными характеристиками.

Поэты наперебой пели славу всепобеждающему разуму, которому прочат вселенские победы. Велимир Хлебников в своем «Воззвании Председателей Земного Шара», в частности, писал:

Мы также хладнокровно относимся к замене ваших государств научно построенным человечеством, как к замене липового лаптя зеркальным заревом поезда <...> Жало мирового разума <...> будет настойчиво жалить все новые места косности и застоя³⁷.

Как в годы Великой французской революции формировался культ Высшего Разумного Существа, так и в Советской России формировался духовно-политический

³⁴ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2-х кн. М., 1989. Кн. 2. С. 274.

³⁵ Бухарин, Н.И. Борьба двух миров и задачи науки // Избранные труды... С. 31–32.

³⁶ Aulard F.-A. Le culte de la Raison et le culte de L' Etre Supreme. Essai historique. Paris, 1892. P. 199–204.

³⁷ Велимир Хлебников. Творения. М., 1986. С. 613, 616.

культ Разума. К трехлетней годовщине Октябрьской революции в Петрограде группой талантливых художников (Н. Евреинов, А. Кугель, Н. Петров, К. Державин, Ю. Анненков, Д. Темкин) было поставлено грандиозное «действие», беспрецедентный спектакль под открытым небом – «Взятие Зимнего дворца», где были задействованы 8 тыс. чел. статистов, оркестр в 500 чел. и в довершение всего палила из исторической пушки «Аврора», поставленная в то же самое место, где она стояла 25 октября 1917 г. Ю. Анненков писал об этом:

Русская революция, голодная и беспаспояная, вливала новое могучее звено в цепь спектаклей под открытым небом, искусство, где участвуют многочисленные массы и где именно количество создает форму зрелища; цепь, восходящая к далеким векам, к средневековым мистериям, к санкилотским празднествам в честь Федерации, Конституции, Разума и Высшего Существа³⁸.

В этой мистерии, как в зеркале, отражались важнейшие рационалистические схематизмы массовых представлений о сути рациональности: Разум революции по своему повелению мог воспроизводить любое историческое событие с несокрушимой уверенностью, что он-то воспроизводит его доподлинно, именно так, «как это было на самом деле» и с точки зрения сущности, а не случайных преходящих деталей или наблюдателей.

А тут уже крылась прямая возможность – пересоздать события заново.

Выдающаяся личность этого периода А.К. Гастев – организатор Института Труда, создатель своеобразной поэзии «рабочего удара», проповедовал радикальное преобразование всех видов человеческой деятельности на основе их рационализации. Смысл этой рационализации (по сути, в духе Э. Тейлора) заключался в том, чтобы разложить каждое движение работника на исходные «первокирпичики», первоэлементы, а затем отсеять все лишнее, бесполезное и неэффективное, воссоздав конечный продукт как рациональное производительное действие. Все способы трудовой деятельности должны были быть просвечены лучом разумно-критического анализа и, как говаривал Гегель – либо оправдать свое право на существование, либо быть отброшены как старый хлам! Более того, целым рядом политических деятелей (Л.Д. Троцкий³⁹) и ученых (Л.С. Выготский⁴⁰) провозглашается необходимость «выведения» новой породы людей.

Как видим, расцвет рационалистической мифологии был разнообразным в своих формах и проявлениях. Политика военного коммунизма всколыхнула массовое утопическое сознание, зараженное рассудочной рациональностью: мир теоретического рационализма (рационалистическая мифология Разума) замкнулся на адекватную себе социальную и социально-психологическую почву. Но такое вольное или невольное заигрывание с мифом, скажет позднее Т. Манн, весьма опасно. Причем, опасно заигрывание не только с мифом расы, почвы и крови, но и с мифом «Царства Разума».

Эти опасности многие прозорливые умы смогли разглядеть. Как реакция на рационалистические утопии появляются литературные антиутопии, в художественной форме рисующие возможные губительные последствия реализации на деле мифологии Разума. Е.И. Замятин в своем романе «Мы» одним из первых указал на это, в связи с чем Ю.П. Анненков заметил о писателе:

Будучи инженером-кораблестроителем, то есть человеком, привыкшим к общению с миром непогрешимых, заранее предначертанных схем, он не страдал, однако, «детской болезнью» обожествления схематики, и поэтому Замятину становилось все труднее жить в условиях советского режима, построенного на «плановости» и рационализации. Замятин утверждал, что

³⁸ Анненков Ю. Дневники моих встреч. М., 1991. Ч. 2. С. 121–122.

³⁹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 194–197.

⁴⁰ Выготский Л.С. Социалистическая перделка человека // Человек. 2019. № 4. С. 122–131.

человеческую жизнь, жизнь человечества нельзя искусственно перестраивать по программам и чертежам, потому что в человеке, кроме его материальных, физических свойств и потребностей, имеется еще иррациональное начало, не поддающееся ни точной дозировке, ни точному учету, вследствие чего, рано или поздно, схемы и чертежи окажутся взорванными, что история человечества доказывала множество раз⁴¹.

Институционализация парадигмы рациональности

История советского общества очень быстро стала подтверждать самые печальные опасения. Социально-политическая институционализация всех элементов просветительской парадигмы рациональности (всеобщий универсальный непосредственный контроль) привела к появлению единственной теории этого процесса – «вечно живого и всепобеждающего» учения и единственного носителя этого сознания – «партии нового типа» (которая предстала как «ум, честь и совесть эпохи»), а также к появлению всеобщего государственно-политического контроля за всеми сторонами жизнедеятельности общества.

В.С. Швырев справедливо отметил:

Если угодно, можно говорить о существовании в нашем обществе своего рода официозного сциентизма, который составлял часть господствующей идеологии. Конечно, реально эта идеология была весьма далека от подлинного духа научности с его критичностью и признанием приоритета реальности перед иллюзиями и мифами. Однако она пыталась выступать от имени науки и одно это принуждало ее прокламировать последнюю как официальную идеологическую ценность. В этом отличие коммунистической идеологии от тоталитаристской идеологии нацистско-фашистского, расистско-шовинистического, религиозно-фундаменталистского и т.п. типов, которые не заигрывали с идеалами рациональности и научности, предпочитая откровенно опираться на иррациональные факторы сознания. Принципиально важно, однако, то, что такое перерождение рациональности определяется не только внешними социальными факторами, здесь реализуются некоторые возможности, заложенные в самой природе рационального знания⁴².

Явный и неявный спор марксизма с классической традицией просветительского рационализма лежит в основе того, что получилось в итоге такой институционализации советской рациональности: явным образом марксизм еще устами основоположников заявил о разрыве с классикой, который касался фундаментальных категорий сознания, разума, человека. Марксизм в его советском варианте (марксизм-ленинизм) утверждал революционный разрыв («переворот») со всей предшествующей философской традицией именно в точке рационализма, идеализма, метафизики. В то же время Ленин в своих «Философских тетрадах», реально взвешивая ситуацию, должен был констатировать, что предстоит еще решить задачу огромного объема: произвести пересмотр содержания всего философского знания, освободив его от наслоений архаического свойства, произвести переформулировку категориально-понятийного аппарата и содержания традиционных философских проблем. Однако чем дальше, тем больше было видно, что задача эта не может быть решена ни революционным натиском, ни «парой фокуснических фраз», а является делом длительным, сложным и далеко не простым. Ленин подчеркивал, что отрицание должно быть конструктивным, ибо «идеализм есть чепуха лишь для материализма глупого, метафизического»⁴³.

Обнаружилось, что содержание, вкладываемое в целый ряд традиционных понятий и проблем в марксистской литературе, остается непересмотренным (например, понятия чувственного и рационального, абстрактного и конкретного и др.⁴⁴).

⁴¹ Анненков Ю.П. Дневники моих встреч. М., 1991. Ч. 2. С. 256.

⁴² Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 92.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч... Т. 29. С. 322.

⁴⁴ Ильенков Э. Диалектическая логика. М., 1978. С. 216.

Но обнаружилось и стало осознаться все это потом, позднее: что рационалистические схематизмы – это универсальная соизмеримость и выразимость, формально-логическая правильность, всеобщий и универсальный контроль, как средство рационализации – все это исторически ограниченные формы представления реальной глубокой проблемы: что есть разум и рациональность?

Тем не менее все эти схематизмы оказались положенными в основания государственно-политического механизма и были предпосылкой превращения советского общества в «рациональную иррациональность». 3. Бжезинский подметил особенности такой подмены, указав, что

...история уже более не была бы просто спонтанным, преимущественно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы моральным целям. Таким образом, коммунизм домогался слияния, посредством организованных действий, политической рациональности с общественной моралью. Но на практике, чрезмерная вера в человеческий разум, сложность очень острой борьбы за власть привели к переводу предварительных исторических суждений в разряд догматических утверждений, тяготение морализирования к вырождению в самодовольную политическую ненависть...⁴⁵

В то же время не стоит огрублять и примитивизировать реальную сложную картину, как это довольно часто делается. Надо учитывать и сложность вечной философской проблемы, и то мощное воздействие предложенной марксизмом идеи «разумного переустройства» общества.

Во-первых, впечатляла заявленная тотальная калькулируемость всего и вся, закладываемая в исследования, проекты, размышления и планы практических действий. В сущности, это есть всеобщая соизмеримость всего, выразимость и исчислимость. Открывались, на первый взгляд, фантастические возможности: пятилетние планы экономического развития громадной страны, поразительные победы передовиков, рационально организующих свой труд, выдающиеся рекорды спортсменов и летчиков, заранее просчитывающих фундамент успеха, переделка социальной структуры, ландшафта, климата, наконец, самого человека!

Формами подготовки и проявления такой всеобщей калькулируемости выступили всеобщее просвещение населения, понимаемое как преобразование сознания на чисто рациональных началах: наполнение его рационально-научными сведениями и научение рационально-контролируемым процедурам. Сознание должно пройти процедуры очищения от всего внерационального, неясного, темного (например, основанного на бессознательных импульсах, чувствах, вере, интуиции). Объявлялась с этой точки зрения настоящая война различного рода предрассудкам, заблуждениям и невежеству. Но тут же объявлялась совершенно необходимой вера в конечное торжество определенных идей, лозунгов, программ. Необходимы были коллективистские чувства долга перед обществом, любви к Родине и т.п. Чувства и верования допускались в сфере и размерах сознательной контролируемости.

Во-вторых, впечатляющей формой калькулируемости выступил всепроникающий универсальный *контроль*, означавший информированность обо всем и всеобщую зарегулированность: от рождаемости и производства продовольствия до регулирования уличного движения, стока сибирских рек, климата и т.п. Человек с младенческого возраста приучался к различным формам контроля – экономического, политического, идеологического, административного, психологического. Это считалось нормой, и каждый должен был принимать участие хотя бы в малой доле контрольных функций. Знать сущность всего могли только партия, вождь, государство. Универсальной палочкой-выручалочкой мыслилась во всех этих процедурах наука, официальное пре-

⁴⁵ Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в 20 веке // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 266.

клонение перед которой достигает прямо-таки формы обожествления и фетишизации: наука все может рассчитать, обосновать, открыть и предсказать наперед (вопрос лишь в наличии чисто экстенсивных факторов – времени, сил, энергии).

Начинается рационалистическое конструирование и переделка окружающей среды: рациональное питание, рациональная организация труда, рационально организованный отдых, рационально организуются быт, жилье, воспитание детей. Воистину, было провозглашено, что все действительное в советском обществе – разумно, а все разумное – в нем обязательно будет осуществлено.

Очень скоро эйфория ожидания рационалистических чудес уступит место систематически организованной и планомерно направляемой идеологической обработке населения, дополняемой работой мощного и разветвленного карательного аппарата.

Еще одна причина глубокого воздействия образа осуществленной рациональности состояла в том, что было продемонстрировано единство политической воли и политической власти, с одной стороны, и политического разума – с другой. Ведь со времен века Просвещения был известен коренной порок рационалистического мышления и теоретизирования – отрыв его от практики, от реального практического действия. Представлялось, что просветительский порок наконец-то преодолевался и разум обретал свои органы, наделялся мощью посюстороннего воплощения. Он теперь не в теориях и мечтах, а на деле сметал отжившие порядки, переделывал труд, природу, быт, образ жизни людей. И если в первые годы советской власти заявлялось о том, что все эти рабочие органы (комитеты, советы) есть лишь инструменты коллективного разума масс, то вскоре вполне определенные репрессивные органы стали претендовать на саму роль высшего разума.

Еще одна причина мощного влияния провозглашенной рационализации социальной жизни состояла в соединении политического разума и добра. Ведь Царство Разума в европейской традиции противостоит не только безумию и неразумию, но и царству зла. Рационалистический идеал светящегося разума привлекал социально-этической ориентацией: свет разума не только рассеивает мрак невежества, но помогает победе над социальным злом. Общество постигает «тайну» капиталистической эксплуатации, тайны исторического процесса, осуществляет прогресс. В XX столетии, вновь после века Просвещения, Разум был призван под знамена политической революции, только теперь вместо «естественного света» Разума он стал именоваться «коллективным разумом трудящихся масс», унаследовавшим все лучшее, передовое и прогрессивное. То, что советское общество сыграло в определенный момент роль «всемирной родины трудящихся», к которой тянется все светлое, передовое, разумное, и это дополнительно усиливало его обаяние, что не мог не заметить даже такой ярый противник коммунизма, как З. Бжезинский.

Разумеется, многое из планируемого в первые годы Советской власти существовало лишь в потенции, как более или менее отчетливые тенденции. Но ясно, что были люди, видевшие, куда ведут эти тенденции и пытавшиеся предупредить о них.

Своеобразным заключительным аккордом трагической симфонии Разума в этот короткий период утопических проектов можно считать апокалиптическое отчаяние, пережитое советским обществом в момент смерти Ленина: несомненно, она воспринималась в контексте специфически рационалистической мифологии как смерть самого Разума (здесь типично мифологический ряд отождествлений противоположностей – смерть бессмертного, реальный человек и вселенский разум). Неповторимый колорит этой мифологии ухватывает Н.В. Валентинов в своих записках:

22 января в Горках <...> произведено вскрытие тела, продолжавшееся почти 5 часов. В результате его появился отчет о патологоанатомическом состоянии умершего <...> Все было вскрыто. Ничто не оставлено без анализа. Обо всем и всех изъятиях дан самый детальный отчет <...> Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли умерших правителей страны, царей, королей, и т. д., в таком обнаженном до последней, крайней анатомической степени виде⁴⁶.

Попытавшись беспощадным светом научного анализа высветить все предельно скрытые или тайные уголки даже бранных останков носителя Разума (как бы пытаясь при этом в отчаянной попытке в этой анатомии и химии тела схватить ускользающую тайну Разума), порожденная им государственно-политическая машина (подлинный носитель этого мифологического Разума) тут же совершила парадоксальное деяние: увековечила память о вожде и придала его останкам сакральное значение.

Это был выразительный жест начинавшейся новой эпохи, новой мистерии Разума, который уже однозначно переходил к образу запредельной разумности, высшей рациональности, которая абсолютно точно открывается только компетентным органам. Советское общество превращалось в иррациональную рациональность.

Выводы

В советский период была сделана реальная попытка создания рационалистической модели социалистического государства и общества, основанной на централизованной системе планирования, повсеместного государственного управления и контроля в сферах экономики, науки, здравоохранения, искусства, просвещения, на рационально-педагогических методах воспитания советского человека. Успехи от реализации данной модели были продемонстрированы в ходе проведения социалистической модернизации, в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны, в период достижения ядерного паритета между СССР и США, выхода советского человека в Космос. Однако реального «переформулирования» советскими учеными и политическими деятелями классической проблемы сущности и взаимосвязи категорий «рациональное» и «иррациональное», вопреки заявленным намерениям, так и не произошло: просветительский рационализм так и остался непреодоленным в официальной советской философии и идеологии, где продолжали свое существование в мистических форматах различные виды превращенного разума. Представители творческого направления в марксистской философии разрабатывали новейшую проблематику соотношения рационального и иррационального под тяжким цензурным гнетом, на грани обвинений в оппортунизме и угрозы политических репрессий. Объективное рационально-критическое изучение новой социальной реальности резко отступало под напором псевдо-рационалистических «планов» («планы партии – планы народа!»), в которых все более выражались произвольные утопические «хотения» и пожелания политического руководства (всевозможные «догнать и перегнать», «освоение целинных и залежных земель», «повороты рек», «осушений и обводнений» и т. п.).

Фетишизация Разума, характерная для идеологии Просвещения, в советские годы привела к рождению настоящего культа рациональности (в ее примитивной, рассудочной форме), нашедшего выражение во внешнем почитании мистифицированной науки, которой приписывались чудодейственные способности по принципу «Наука может все». Культ рассудочной, а вовсе не диалектико-материалистической рациональности нашел свое выражение в сведении диалектико-материалистического понимания рациональности в ее связи с иррациональностью, к обывательскому отождествлению марксистской философии и науки. Не менее показательным и такое выражение, как определение официальной идеологии советского государства в качестве исключительно научной.

⁴⁶ *Валентинов Н.В.* НЭП и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 142.

Примитивное понимание рациональности как рассудочной, формально-логической правильной деятельности сводилось на практике к успешности и эффективности («рационализация производства»), автоматически приводило к не менее примитивному представлению об иррациональном как о чем-то всего лишь алогичном, абсурдном и, соответственно, неэффективном и пережиточном. Например, таковыми объявлялись все феномены обыденного сознания и религии.

Все это обрекало теорию и практику революционных преобразований на целый ряд тупиков (методологических, мировоззренческих, праксиологических). Так, например, «неподъемными» для данной теории оказались: проблематика научно-технической революции (особенно в таких ее направлениях, как биотехнологии, социальная инженерия, социальная экономика и менеджмент); осмысление и реализация новых антропологических практик для осуществления заявленного гуманистического идеала, связанного с формированием всесторонне и гармонично развитой личности; понимание сути новых трендов и форм общественного развития (постиндустриальное общество, крушение колониальной системы и формирование системы неокOLONIALИЗМА, превращение мировой системы в глобальное цифровое общество).

Мистификациям и трансформациям подверглась вся прежде выстроенная в марксизме связка: рабочий класс («самая революционная сила истории») – коммунистическая партия (его «авангард») – марксистская философия и идеология – марксистская революционная практика («учение Маркса всеильно – потому что оно верно»).

Вместе с тем советскую государственную модель вполне можно воспринимать как некий, пусть не до конца реализованный, но в целом успешный проект «Царства Разума» – «родину всех трудящихся», всего «прогрессивного человечества». В ходе осуществления данного проекта история становления и развития советского общества совершала свое восхождение из мрака невежества и угнетения к вершинам Света, Разума и безграничного Прогресса. Все эти концептуальные конструкции легко обнаруживаются в советской научной и художественной литературе, в архитектуре, монументальной и театральной культуре, искусстве. Это свидетельствует о том, что советский проект «Царства Разума», произведя радикальное и тотальное переозначивание знаково-символического общественного пространства, оставил глубокий, революционный след не только в российском массовом сознании, но и во всей весьма продолжительной истории мировой борьбы за Свет и Свободу Разума.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.09.2022

References

- Annenkov, Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii*. In 2 parts. Leningrad: Iskusstvo Publ., 1991 (in Russian).
- Aulard, F.-A. *Le culte de la Raison et le culte de l'Être Supreme (1793–1794): Essai historique*. Paris: Felix Alcan, 1892.
- Avtonomova, N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'*. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. "Sotsializm nauki." *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let*, 360–410. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. "Voprosy sotsializma." *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let*, 295–351. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. *Tektologiya. Vseobshchaia organizatsionnaia nauka*. Moscow: Ekonomika Publ., 1989 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Izbrannye trudy: Istoriia i organizatsiia nauki i tekhniki*. Leningrad: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- B'yukenen, Dzh., and Tallok, G. "Raschet soglasiia. Logicheskie osnovaniia konstitutsionnoi demokrati." In Dzheims B'yukenen. *Sochineniya*. Vol. 1, 99–105. Moscow: Taurus Publ., 1997 (in Russian).

- Bzhezinskii, Z. “Bol'shoi proval. Agoniia kommunizma.” In *Kvintessentsiia: Filosofskii al'manakh*, 256–277. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Dupuy, Jean-Pierre, and Livet, Pierre. *Rationalité, éthique et cognition*. Vol. 1 of *Les limites de la rationalité*. Paris, La Découverte, 1997.
- Engels, F. “Anti-Dyuring. V K. Marks i F. Engels.” In *Sochineniia*. Vol. 20, 5–343. Moscow: Politizdat Publ., 1961 (in Russian).
- Fondu, Guillaume (2019). “Une théorie marxiste de la planification est-elle possible? La planification aujourd'hui.” *Actuel Marksism*, no. 65. (2019): 13–25.
- Horkkhajmer, M. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'no-go razuma*. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiia Publ., 2011 (in Russian).
- Il'enkov, Ye. *Dialekticheskaia logika*. Moscow: Mysl' Publ., 1978.
- Kasavin, I.T., and Sokuler, Z.A. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike. Kriticheskii ocherk*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).
- Klebnikov, Velimir. *Tvoreniia*, 609–613. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1986 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 3. 29, 33, 35, 36, 44. Moscow: Politizdat Publ., 1974 (in Russian).
- Malinova, O.Yu. “Idei kak nezavisimye peremennye v politicheskikh issledovaniakh: v poiskakh adekvatnoi metodologii.” *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 3 (2010): 90–99 (in Russian).
- Mamardashvili, M. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti*. Moscow: Azbuka-AttikuS; AZBUKA Publ., 2010 (in Russian).
- Marks, K. “Kritika politicheskoi ekonomii (chernovoi nabrosok 1857–1858 godov).” In K. Marks, and F. Engels. *Sochineniia*. Vol. 46, part 1, 51–184. Moscow: Politizdat Publ., 1968 (in Russian).
- Miller, A.I., and Efremenko, D.V. *Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2018 (in Russian).
- Patnem, Kh. *Razum, istina i istoriia*. Moscow: Izdatel'stvo Praksis, 2002 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Issledovanie politiki pamiati: k preodoleniyu metodologicheskoi dikhotomii (na primere Pervoi mirovoi voiny).” *Diskurs-Pi*, no. 2 (2020): 128–141, <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10208> (in Russian).
- Pruzhinin, B.I., and Shvyrev, V.S., eds. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniia*. Moscow: Institut filosofii RAN, 1995 (in Russian).
- Rusakov, V.M. *Vtoroe krushenie tsarstva razuma. Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v sovremennoi filosofii*. Yekaterinburg: UrGSHA Publ., 1998 (in Russian).
- Rusakov, V.M., and Rusakova, O.F. “Problema i kategorii ratsional'nogo v klassicheskom marksizme.” *Diskursologii: metodologii, teorii, praktika*, no. 11, (2018): 190–222 (in Russian).
- Serl', Dzh. *Ratsional'nost' v deistvii*. Moscow: Progress-traditsiia Publ., 2004 (in Russian).
- Shvyrev, V. “Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury.” *Voprosy filosofii*, no. 6 (1992), http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=541 (in Russian).
- Tereshchuk, S.V. *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennogo kontroliia v RSFSR – SSSR*. PhD diss., Moscow State University, 2005 (in Russian).
- Trotskii, L.D. *Literatura i revoliutsiia*. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Valentinov, N.V. “Smert' Lenina.” In *NEP i krizis partii posle smerti Lenina*, 141–151. Moscow: Terra Publ., 1991 (in Russian).
- Vygotskii, L.S. “Sotsialisticheskaia peredelka cheloveka.” *Chelovek*, no. 4 (2019): 122–131 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Фредовна Русакова, д-р полит. наук, профессор, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; rusakova_mail@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>

Olga F. Rusakova, Dr. Habil. In Political Sciences, Professor of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; 16, Kovalevsky Str., Yekaterinburg, 620108, Russia; rusakova_mail@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>

Василий Матвеевич Русаков, д-р философ. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; dipi@nm.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6453-662X>

Vasily M. Rusakov, Dr. Habil. Philosophy, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620000, Russia; dipi@nm.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6453-662X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-469-483>

Научная статья / Research article

Общепотребительный тюркский язык в Декларации и Договоре об образовании СССР

Александр Васильев

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

✉ advasilyev@mail.ru

Аннотация: Проводятся параллели между содержанием союзного договора об образовании СССР и советской языковой политикой 1920–1930-х гг. В частности, рассматривается упомянутый в договоре «общепотребительный» тюркский язык. Автор исследует его в контексте общественного движения за единение тюркских мусульманских народов в своем движении к прогрессу, провозглашенного И. Гаспринским в конце XIX – начале XX в. Параллельно с заключением договора, в котором упоминался общепотребительный тюркский язык, шел процесс создания унифицированного латинского алфавита для тюркских народов бывшей Российской империи. Пионерами разработки и внедрения латинского алфавита в жизнь были представители Азербайджанской ССР, которые одними из первых предложили подобные проекты алфавитной реформы. Доказано, что важным ее элементом была унификация алфавита, в связи чем автор исследует проекты по созданию единого унифицированного алфавита для тюркских народов СССР, базой для которого должен был стать азербайджанский вариант латинизированного алфавита. Также уделено внимание активности азербайджанского руководства бывшей ЗСФСР в связи с реформой языка и алфавита, рассмотрены организационные усилия инициаторов идеи латинизации по созданию единой структуры управления процессом латинизации в СССР, а также некоторые аспекты их борьбы со сторонниками другого направления культурных реформ среди тюрков, предлажавшими упрощение арабского алфавита.

Ключевые слова: национальная политика, арабская графика, Первый Всесоюзный тюркологический съезд, ранний советский период

Благодарности и финансирование: Автор статьи благодарит за любезную консультацию А. Дж.-Э. Коркмасова.

Для цитирования: Васильев А.Д. *Общепотребительный тюркский язык в Декларации и Договоре об образовании СССР* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 469–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-469-483>

Commonly Used Turkic Language in the Declaration and Treaty on the Formation of the USSR

Alexander Vasilyev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ advasilyev@mail.ru

Abstract: In the article, the author draws parallels between the content of the union treaty on the formation of the USSR and the Soviet language policy of the 1920–1930s. In particular, the “commonly used” Turkic language mentioned in the treaty is considered. The author examines it in the context of the social movement proclaimed by I. Gasprinsky in the late 19th – early 20th centuries for the unity of the Turkic Muslim peoples in their movement towards progress. The pioneers in the development and introduction of the Latin alphabet were representatives of the Azerbaijan SSR, who were among the first

to propose such projects of the alphabet reform. Its important element was the unification of the alphabet. In this regard, the author considers the projects for creating a single unified alphabet for the Turkic peoples of the USSR; it was the Azerbaijani version of the Latinized alphabet that was supposed to be the basis for it. This situation gave the leaders of Soviet Azerbaijan the opportunity to lead the process of cultural transformation among the Turkic peoples of the USSR. The article also considers the organizational efforts of the initiators of the idea of latinization to create a unified structure for managing the process of latinization in the USSR, as well as some aspects of their struggle with supporters of a different direction of cultural reforms among the Turks who proposed simplifying the Arabic alphabet.

Keywords: national policy, Arabic script, First All-Union Turkological Congress, early Soviet period

Acknowledgements and Funding: The author of the article thanks A.J.-E. Korkmasov.

For citation: Vasilyev, Alexander. “Commonly Used Turkic Language in the Declaration and Treaty on the Formation of the USSR.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 469–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-469-483>

Введение

30 декабря 1922 г. были подписаны Декларация и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Пункт 14 Договора касался общеупотребительных в союзных республиках языков, на которых должны были печататься Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома, а именно: русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, тюркский¹. Указание тюркского языка как одного из общеупотребительных языков нового государства весьма примечательно. Хотя языковая политика в Советской России и СССР изучалась в отечественной историографии весьма детально², тем не менее в ней не исследовано, что понималось под словом «тюркский» язык, какую роль он играл в новой модели государства.

Концепция единого тюркского языка в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Концепция единого тюркского языка возникла в Российской империи в последней четверти XIX в. Она была связана с именем известного прогрессиста, крымско-татарского просветителя, журналиста и общественного деятеля И. Гаспринского, который стал одним из основоположников либерального направления в идеологии тюркизма, и именно ему принадлежал известный лозунг единства тюрков-мусульман в языке, мысли и делах. Гаспринский был первым из числа русских мусульман, добившимся в 1883 г. разрешения издавать в России мусульманскую газету «Тарджу-ман», которая выходила на протяжении двадцати лет и была единственной в своем роде. В связи с открытием газеты возник вопрос о том, на каком языке ее издавать, чтобы сделать максимально понятной широкому кругу тюрков, говоривших на различных языках. В этой связи И. Гаспринский выработал в своем журнале особый вариант тюркского языка, отличавшийся от современного ему турецкого языка простотой, краткостью и ясностью. При помощи этого языка он мечтал о социально-экономическом и политическом объединении тюркского мира³.

¹ Текст Декларации и Договора см.: <https://doc.histrf.ru/20/deklaratsiya-i-dogovor-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskikh-sotsialisticheskikh-rspublik/> (дата обращения: 24.01.2022).

² См. некоторые крупные обобщающие работы, например: *Аллатов В.М.* 150 языков и политика, 1917–1997: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997; *Базарова В.В.* Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930 гг. Улан-Удэ, 2006; *Юсупова Л.А.* Унификация тюркских алфавитов. Основные принципы реализации национальной политики советской власти по отношению к тюркам // *Вестник КазГУКИ.* 2012. № 3–2; *Аманжолова Д.А.* Языковая политика и культура управленцев казахской АССР. 1920–1936 гг // *Российские регионы: взгляд в будущее.* 2016. № 2 (7); *Киселев М.Ю.* Унификация удмуртской письменности: к истории вопроса // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья.* 2020. № 2 (9). С. 30–35. <https://doi.org/10.15350/26191490.2020.2.4>

³ *Мухаметдинов Р.Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 46–47.

Во многом благодаря И. Гаспринскому и его газете в России возникла идея тюркизма как модели политической свободы тюркских мусульманских народов через их единение⁴. Один из активных деятелей тюркской эмиграции, Ю. Акчура, анализируя события Первой русской революции 1905–1907 гг. и Всероссийские съезды мусульман, писал о том, что именно в это время у тюркских народов России начинает формироваться общетюркское сознание, опиравшееся на идею национального единства. По его мнению, в сущности это было не мусульманское, а национальное движение⁵.

Среди подписантов договора об образовании СССР было немало представителей тюркской мусульманской интеллигенции, несомненно, знакомых с общим положением дел в тюркских регионах, вошедших в состав Союза ССР. От РСФСР договор подписали С. Саид-Галиев (от Татарской АССР), Дж. Коркмасов (от Дагестанской АССР), А. Душбаев (от Киргизской ССР), от ЗСФСР – Н. Нариманов, Г. Мусабеков, М. Кулиев. Многие из них были знакомы с политическими идеями, которые развивал И. Гаспринский в тюркском мире. Например, Н. Нариманов печатался на страницах «Тарджумана»⁶, а Дж. Коркмасов, который проживая в Стамбуле накануне Первой мировой войны, издавал там иллюстрированную газету «Стамбульские новости» и был знаком с младотурецкими политиками и тюркскими эмигрантами⁷.

Общим для многих подписантов союзного договора тюркского происхождения было и участие в просветительской деятельности на рубеже XIX–XX вв. Несомненно, что и новые методы преподавания традиционных дисциплин, предложенные И. Гаспринским и его последователями (фонетический метод преподавания, реформированный упрощенный арабский алфавит) были им знакомы. Одним из препятствий на пути распространения массового образования среди тюркского населения был арабский алфавит, достаточно сложный, вызывавший немало трудностей и при обучении молодежи и неграмотных чтению и письму. Еще в середине XIX в. предпринимались попытки реформировать неудобный для печати и массового обучения арабский алфавит, что к началу XX в. привело к идеям сокращения вариантов написания арабских букв для упрощения, экономии и удобства⁸.

Реформа алфавита как первый шаг к созданию «общеупотребительного» тюркского языка

Революционные события в России и идея распространения мировой революции вдохновили многих представителей национальной интеллигенции. Провозглашенный идеологом тюркского либерализма начала XX в. Гаспринским лозунг «Единство языка, мысли и дела» был вполне созвучен революционному романтизму и духу союзного договора. Можно констатировать, что записанный в договоре «общеупотребительный» тюркский язык, вероятно, появился под влиянием подобных идей. Одним из первых шагов на пути создания общеупотребительного тюркского языка было создание унифицированного алфавита. В предшествующие подписание союзного договора месяцы вопрос о введении нового алфавита активно обсуждался советскими руководителями.

Так, 11 августа 1922 г. состоялась встреча председателя АзЦИК С. Агамалы-оглы и В.И. Ленина, в ходе которой затрагивался вопрос о национальном самоопределении, языке и системе письма. Вот как передает эту беседу сам С. Агамалы-оглы:

⁴ Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996. С. 30.

⁵ Akçuraoğlu Yusuf. Türkçülük ve Dış Türkler. İstanbul, 1990. P. 145.

⁶ Ахмедов Т. Нариман Нариманов. Баку, 1988. С. 53.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. 151. Оп. 482. Д. 3073. Л. 43.

⁸ О спорах о реформе арабского алфавита в Османской империи см.: Tanzimattan Cumhuriyete Alfabe Tartışmaları. Hazırlayan:Hüseyin Yorulmaz. İstanbul, 1995.

Когда я беседовал с Лениным, а он, между прочим, очень интересовался вопросом самоопределения, он сказал, что свобода народностей будет ограничена не столько законами, сколько самой культурой. Когда я сказал о наших начинаниях (то есть о реформе письменности – *А.В.*), он, по-видимому, был несколько знаком с этим вопросом. При Енукидзе он сказал, что это начинание есть революция на Востоке. Раз это так, то в таком случае дело алфавита – дело партии⁹.

Несколько иначе о результатах этой встречи писал советский исследователь латинизации М.И. Исаев, упоминавший о ленинском напутствии С.А. Агамалы-оглы: «Латинский алфавит – первый шаг, которым вы начинаете культурную революцию среди тюрков»¹⁰. Еще в мае 1922 г. при АзЦИКе был организован комитет Нового тюркского алфавита, взявший под контроль все работы по введению латинского алфавита в Азербайджане¹¹. Такая ситуация создавала предпосылки для культурного лидерства Азербайджана среди российских тюрков.

Известно, что В.И. Ленин по тому же вопросу обменивался мнениями с председателем Дагестанского Совнаркома Дж. Коркмасовым, который был хорошо знаком ему по эмиграции и мнение которого Ленин высоко ценил. Вот как описывает Дж. Коркмасов этот момент:

Я помню в беседе с Ильичем, подходя к вопросу о духовенстве, в частности об арабской письменности, он прямо ставил вопрос о революционной целесообразности ведения борьбы и на этом фронте. В 1922 г. я получил шифрованную телеграмму ЦК, где определенно спрашивали мое мнение по этому вопросу. На другой же день после получения этой шифрованной телеграммы, я поместил на страницах нашей газеты статью с такой мыслью, где арабский шрифт уподобляется нашей допотопной арбе и что латинский алфавит, введенный нами, двинет культуру вперед, как современный локомотив¹².

Реформа системы письма рассматривалась прежде всего в контексте планов организации мировой революции на Востоке, а ее практическая значимость в общественной жизни советской России должна была заключаться, во-первых, в подрыве влияния духовенства, считавшегося врагом советской власти и являвшегося носителем традиционной учености на Востоке. Во-вторых, практическая задача состояла в создании новой массовой культуры, которая должна была привести к масштабным социально-политическим изменениям среди тюркских народов, исповедующих ислам. Еще один прикладной аспект латинизации заключался в преодолении послевоенной разрухи, неграмотности и формировании новых кадров для развития экономики и промышленности.

Примечательно, что с начала 1920-х гг. именно интеллектуалы из числа политических элит Кавказа (в основном Закавказья, в меньшей степени – Северного Кавказа) становятся лидерами движения за внедрение нового алфавита. Пионером внедрения латинского алфавита стала преимущественно азербайджанская (и отчасти кумыкская) интеллигенция. Во многом это было связано с предложенным еще в конце 1870-х гг. азербайджанским просветителем и литератором М.Ф. Ахундовым проектом реформы традиционной системы письма¹³. Важным сопутствующим фактором было и то, что Баку являлся центром советской политики на Ближнем Востоке.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 31.

¹⁰ *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 67.

¹¹ *Агазаде Ф., Каракашлы К.* Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань, 1928. С. 66.

¹² ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 51.

¹³ *Тагиев И.* Мирза Фатали Ахундов и новый тюркский алфавит // *Культура и письменность Востока.* Баку, 1928. С. 58–61.

ке. В 1920 г. здесь была создана комиссия по реформе арабского алфавита. К началу 1921 г. правительством АзССР было принято решение,

по причине серьезных недостатков арабского шрифта и для того, чтобы сделать язык наиболее доступным для изучения широкой массы, заменить старый арабский алфавит на латинский¹⁴.

Приведенная в союзном договоре формулировка об «общеупотребительном» тюркском языке усилила позиции сторонников реформы традиционной системы письменности. Начиная с 1922 г. азербайджанская политическая элита включилась в борьбу за культурное лидерство среди тюркских народов на пространстве бывшей Российской империи, а затем и вновь созданного СССР. Способствовало этому и относительно высокое социально-экономическое развитие республики по сравнению с рядом других тюркских регионов СССР.

Движение за латинизацию было поддержано советскими властями. В середине декабря 1922 г. при Наркомнаце была образована комиссия по реформе арабского алфавита, состав которой был утвержден 25 января 1923 г. Возглавил комиссию Г.И. Бройдо, а ее членами стали А. Гисматуллин (Институт живых восточных языков), Ш. Манатов (Татарско-башкирское представительство), М. Султан-Галиев (коллегия Наркомнаца), У. Алиев (Отдел горцев Кавказа в Наркомнаце), Г. Джабиев (в 1922–1923 гг. – редактор журнала «Таза Шарк» («Новый Восток»)), Н. Тюрякулов (среднеазиатские республики), а также профессора В.А. Гордлевский и И.Г. Франк-Каменецкий. Работа комиссии заключалась в сборе информации о применении арабского алфавита в регионах СССР и изучении вопроса о возможности введения латинского алфавита¹⁵.

В то же время вопросы реформирования графики изучал и Наркомпрос. В начале 1920-х гг. в его структуре начала работу комиссия по выработке единого для всех народов РСФСР шрифта на основе латинской графики¹⁶. Таким образом, работу по созданию общего латинского алфавита можно рассматривать как общесоюзную тенденцию в контексте идеи распространения мировой революции как инструмента единения мирового пролетариата и крестьянства.

В СССР существовала и достаточно сильная оппозиция курсу на латинизацию письменности. Противники введения латинского алфавита заявляли, что введение нового алфавита будет означать разрыв с культурной памятью поколений и оторвет новое поколение молодежи от традиционной культуры. В частности, центрами, где было сильно влияние оппозиции курсу на латинизацию, были Казань и Киргизская АССР. В декабре 1920 г. Президиум Совета Народных Комиссаров ТАССР принял решение о сокращении вариантов начертания букв арабского алфавита, ограничившись одной, начальной формой для каждой буквы, а также об установлении особой упрощенной орфографии для татарского языка¹⁷. В целом, количество сторонников латинизации в Казани в тот момент было невелико¹⁸.

В Киргизской АССР успешно реализовывалась реформа традиционной арабской графики. Предложенный А. Байтурсуновым реформированный вариант арабского алфавита получил высокие оценки российских ученых¹⁹.

¹⁴ Азэрбајчан Архиви. 1980. № 2. С. 7–8.

¹⁵ Змерзлый Б.В. Очерки по истории письменности у тюркских народов. Симферополь, 2014. С. 106.

¹⁶ Красовицкая Т.Ю. Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927) // Великий Октябрь и опыт культурного строительства в СССР: сб. ст. М., 1987. С. 47.

¹⁷ ТАССР: Сборник декретов и распоряжений с 25 мая 1920 г. по 25 мая 1921г. Казань, 1921. С. 81–82.

¹⁸ Фрингс А. Соревнование моделей: татарская делегация на тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 44.

¹⁹ Змерзлый Б.В. Очерки по истории письменности у тюркских народов. С. 118–119; Ашнин А.Д., Аллатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. М., 2002. С. 183–184.

Вопрос о новом тюркском алфавите, построенном на латинской основе, обсуждался на Втором Всероссийском съезде татаро-башкирских работников просвещения, проходившем с 11 по 17 февраля 1924 г. Азербайджанская делегация во главе с Н. Наримановым докладывала об успехах латинизации в республике. Интересна позиция представителя Татарстана Г. Ибрагимова, который достаточно сдержанно оценил реформу:

В принципе в отречении от арабского шрифта и переходе на латынь мы видим большой шаг к сближению народов и поддерживаем это как идеал. Однако это должно касаться не только татар и башкиров, но также и всех тюркоязычных народов или вообще всех народов Советского Союза²⁰.

Рассмотрев в повестке дня вопрос о новом алфавите, съезд постановил перейти окончательно к обозначению латинскими буквами научных формул. Идея немедленного перехода на латиницу не поддерживалась большинством депутатов.

В том же 1924 г. в журнале «Жизнь национальностей» была открыта весьма острая полемика между Г.И. Бройдо, с одной стороны, и Н. Тюрякуловым и З. Навширвановым – с другой. Н. Тюрякулов и З. Навширванов выступали как активные сторонники проведения безусловной латинизации в масштабах всех национальных республик СССР, в то время как Г.И. Бройдо подходил к введению латинского алфавита с позиции политико-экономической целесообразности, считая временно невозможным введение латинского алфавита в тех регионах, где была уже устоявшаяся письменная культурная традиция и отсутствовал сильный национальный пролетариат, способный к восприятию и применению нового алфавита²¹. Эта полемика отражала ту содержательную дискуссию о введении латинского алфавита, которая появилась в ходе работы упомянутой выше комиссии Наркомнаца. И если Г.И. Бройдо в целом возражал против директивного введения латинского алфавита повсеместно, то видный партийный деятель Н. Тюрякулов и активный участник акций Коминтерна в Турции в 1920–1921 гг. З. Навширванов выступали за радикальные революционные изменения, санкционированные «сверху».

В продолжение дискуссии о директивном введении латинского алфавита важно отметить, что первой о введении латинского алфавита в качестве государственного заявила именно АзССР декретом своего ЦИК от 20 октября 1923 г.²²

В течение 1925 г. советская научная общественность активно обсуждала введение латинского алфавита, получившее освещение в советской прессе²³.

Первый тюркологический съезд в Баку и дискуссия о латинизации алфавита

Важной вехой в развитии дискуссии о введении латинского алфавита у тюркских народов в СССР стал 1-й Тюркологический съезд в Баку в феврале – марте 1926 г. Задачей съезда стало выяснение взглядов национальных научных, партийных и управленческих кадров на вопрос о выработке концепций языкового строительства для народов СССР.

18 февраля 1926 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан вопрос «о Тюркологическом съезде в Баку». Участники заседания постановили:

- 1) На съезде вести линию на то, чтобы съезд ограничился выяснением возможности перехода на латинский шрифт, не принимая категорических решений на предмет немедленного перехода на этот шрифт.
- 2) Съезд не должен оставлять после себя постоянно действующий орган.

²⁰ *Baldauf Ingeborg*. Schriftenreform und Schriftenwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjeturken (1850–1937). Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen. Budapest, 1993. P. 227.

²¹ См.: *Жизнь национальностей*, 1924. Кн. 1. С. 34–44, 163–167.

²² Архив Российской академии наук (Далее –РАН). Ф. 676. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²³ Например, см.: Красная газета. № 225 (913). С. 3, 15.09. 1925 г.

- 3) Для проведения съезда назначить Комиссию в следующем составе: Председатель: Орджоникидзе; Члены: Агамалы-оглы, Павлович, Наговицын, и представитель от Азербайджанского ЦК.
4) Просить Закрайком в случае необходимости дополнения или изменения состава Комиссии уведомить ЦК²⁴.

В результате Комиссия по подготовке и проведению Тюркологического съезда была дополнена Р. Ахундовым, Дж. Коркмасовым, Г. Мусабекковым, М.Д. Гусейновым²⁵ и А. Караевым²⁶. Общее руководство съездом и роль его председателя возлагались на С. Агамалы-оглы, а в качестве сопредседателей выдвигались Р. Ахундов²⁷, Дж. Коркмасов, И.А. Наговицын²⁸, М. Павлович. Как видно, в комиссии доминировали представители ЗСФСР и Дагестанской АССР, а также представители Коминтерна (Павлович) которым отводилась руководящая роль. Это могло способствовать утверждению, прежде всего, взглядов азербайджанской интеллектуальной элиты на будущее алфавитной реформы среди тюркских народов СССР.

С другой стороны, Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) отражало и тот более осторожный взгляд на реформу, которого придерживалось бывшее руководство Наркомнаца, и который так ярко в ходе полемики отстаивал Г.И. Бройдо.

Примечательно, что делегаты от Татарстана получили указание от руководителя Волжского обкома М.М. Хатаевича «практически в отношении ТССР считать невозможным перейти на новый шрифт», но в принципе не возражать против латинизации²⁹.

На съезд в Баку приехал 131 делегат, было проведено 17 заседаний, сделано 38 докладов и состоялись весьма оживленные прения сторон по вопросам алфавитной реформы. Можно выделить несколько основных вопросов, обсуждавшихся делегатами. В их числе: проблемы выбора алфавита, вопросы правописания, терминологии, теории и методики преподавания, изучения взаимовлияния близкородственных языков и сравнительно-исторического тюркского языкознания.

Однако теоретические вопросы изучения языков урало-алтайской языковой семьи мало интересовали членов Комиссии по подготовке и проведению съезда. Так, М.Д. Гусейнов был достаточно откровенен:

ЦК знает, что это дело создано для алфавита. Мы же знаем, что съезд созван не для того, чтобы выслушивать доклады Бартольда³⁰ или Самойловича³¹, а для того, чтобы выяснить точку зрения на алфавит³².

Особенно острая дискуссия по вопросу выбора алфавита развернулась между делегациями Азербайджана и Татарстана: упростить арабский или все-таки перейти на латинизированный язык. Вопросам формирования алфавитов было придано настолько серьезное политическое значение, что для докладчиков по этой теме был отменен регламент. В результате утомительный для слушателей, изобиловавший незначительными примерами доклад Галимджана Шарафа не прерывался более трех часов. Немецкий тюрколог Теодор Менцель вспоминал позднее:

²⁴ ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 3. Д. 547, Л. 25; Там же. Ф. 5402. Оп. 113. Д. 169. Л. 5.

²⁵ Мирза Дауд Багир Оглы Хусейнов – революционер, партийный и общественный деятель Советского Азербайджана, в 1926 г. – нарком финансов АзССР.

²⁶ Али Гейдар Керим Оглы Караев – видный азербайджанский военный, партийный и политический деятель, в 1926 г. – член Политбюро, Оргбюро и Президиума ЦК АКП.

²⁷ В 1926 г. – нарком просвещения АзССР.

²⁸ Наговицын Иосиф Алексеевич – в начале 1926 г. член коллегии Наркомпроса СССР, председатель совета по просвещению национальных меньшинств.

²⁹ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГАИПД РТ). Ф. 15. Оп. 2. Д. 19. Л. 177. Цит. по: Фрингс А. Соревнование моделей... С. 47.

³⁰ Бартольд В.В. – выдающийся российский востоковед, тюрколог.

³¹ Самойлович А.Н. – российский тюрколог, лингвист, директор Института востоковедения АН СССР.

³² ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 41.

Его доклад был самым длинным; он говорил более 3 часов в состоянии нервной возбужденности, хотя он не прерывался председателем, и без учета психологии слушателей, которые из-за продолжительности его выступления были лишены должного эффекта... Несколько вялые толкования Шарафа... не произвели глубокого воздействия на слушателей, и даже многие из его слабо обоснованных утверждений вызвали противодействие³³.

Сравнение позиций сторонников и противников латинизации провел известный лингвист А.Ф. Яковлев, пришедший к выводу о том, что процент грамотных, владевших арабским алфавитом в Татарстане, был выше, чем процент грамотных в Азербайджане. Именно в этом заключалась, по его мнению, медлительность татар³⁴.

1 марта 1926 г. на заседании фракции ЦК ВКП(б), которое проходило одновременно со съездом, состоялось бурное обсуждение проекта резолюции о латинизации алфавитов. После того, как М.П. Павлович зачитал резолюцию ЦК ВКП(б), которая во многом повторяла постановление ЦК ВКП(б) от 18 февраля, татарский делегат Ахметхади Максудов заявил:

Это значит, что ЦК нам запрещает принятие резолюции такого категорического характера – с одной стороны, и – с другой стороны, ЦК партии нас не обязывает принимать резолюцию положительного характера³⁵.

В ответ некоторыми кавказскими делегатами было заявлено, что выбор подходящего алфавита – партийный вопрос. Активный сторонник латинизации, татарский писатель Шамиль Усманов заявил:

«Почему Казань против латинского алфавита? Тут определенное давление полиграфической промышленности, они не хотят гегемонии. Как относятся там к идее нового алфавита? Там говорят, что нельзя в стране, где занимаются полиграфическим делом, проводить новый алфавит, потому что страна держится на плечах этой полиграфической промышленности»³⁶.

Казахский общественный и партийный деятель и просветитель Назир Тюрякулов даже обвинил казанскую делегацию в попытке образовать меньшевистскую фракцию. Несколько позже азербайджанец Мамед-заде упрекал Татарстан в издании для духовенства 300 тыс. экземпляров Корана на реформированном татарском алфавите³⁷.

На втором заседании фракции, которое состоялось 1 марта 1926 г., важное предложение по вопросу об алфавите внес Дж. Коргмасов:

...предоставить местам возможность изучить вопрос и сообразно с местной действительностью производить этот вопрос в жизнь³⁸.

Дж. Коргмасов говорил, что латинский алфавит выдержал испытание на опыте многих отдельных регионов, таких как Северный Кавказ, Азербайджан, Якутия, Средняя Азия и др. Он рекомендовал принять латинский алфавит как более усовершенствованный, но приспособить его к местным условиям³⁹. Веским аргументом сторонников введения латинского алфавита было заявление о том, что этот вопрос – партийный, ради чего и созван съезд.

³³ *Menzel Th. Der 1. Türkologische Kongress in Baku // Der Islam. 1927. № 3-4. P. 188, 192.*

³⁴ Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 220–221.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 28.

³⁶ *Фрингс А. Соревнование моделей... С. 46.*

³⁷ Там же.

³⁸ ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109. Л. 52.

³⁹ Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 297.

В результате, при 101 голосе «за», 7 голосах «против» (это практически весь состав татарской делегации) и при 9 «воздержавшихся» была принята резолюция съезда в следующей формулировке:

1) Констатируя преимущества и техническое превосходство нового тюркского (латинского) алфавита, а также огромное культурно-историческое и прогрессивное значение нового алфавита, Съезд считает введение нового алфавита и метод его проведения в отдельных Республиках и Областях делом каждой Республики и каждого народа.

2) В связи с этим Съезд констатирует факт огромного политического значения, заключающегося во введении Азербайджаном, Областями и Республиками СССР (Якутии, Киргизии, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Кабардинской, Балкарской, Осетии и Чечни) и в широком движении за введение нового алфавита на латинской основе в Башкирии, Туркменистане, Узбекистане и Адыгейско-Черкесской Области.

Отмечая и горячо приветствуя положительную работу, продолжаемую означенными Областями и Республиками в области введения нового тюркского (латинского) алфавита, Съезд рекомендует тюркско-татарским и другим народам изучить опыт и метод Азербайджана и других Областей и Республик СССР для возможного проведения у себя этой реформы⁴⁰.

Таким образом, на Тюркологическом съезде в 1926 г. было принято компромиссное решение, которое, с одной стороны, явно одобряло латинский алфавит, а с другой – не принуждало другие республики к поспешной латинизации. Важным было и то, что подчеркивались достижения Азербайджана, а его опыт ставился в пример другим. Это приободряло руководство АзЦИК, вдохновляя идеологов латинизации работать более активно для введения единого алфавита, правил правописания и орфографии.

Работа съезда четко обозначила три точки зрения в отношении латинизации. Первая заключалась в том, чтобы не спешить с введением нового алфавита. Это была та точка зрения, которой ранее придерживались работники Наркомнаца, Наркомпроса и Совета национальностей. Вторая заключалась в необходимости скорейшего введения латинского алфавита и его унификации. Этой точки зрения придерживались работники Азербайджанской ССР и ряд общественных деятелей республик Северного Кавказа, Крыма, Кара-Киргизской АССР. Третья точка зрения заключалась в том, чтобы занять выжидательную позицию и пользоваться старым или реформированным арабским алфавитом. Ее придерживались представители тех республик, которые обладали наиболее развитой базой полиграфической промышленности, либо богатой культурно-письменной традицией.

Съезд высветил ту борьбу за культурное лидерство среди тюрков Советского Союза, которую неформально вело азербайджанское руководство. В случае успешной унификации алфавитов на основе азербайджанского варианта зафиксированный в союзном договоре «тюркский» язык мог стать основой для межнационального общения тюрков СССР. С завершением 1-го Тюркологического съезда в Баку начался новый этап реформы систем письма тюркских народов СССР.

Создание Всероссийского Центрального комитета Нового тюркского алфавита и его роль в дальнейшем языковом строительстве

В мае 1926 г. С. Агамалы-оглы поставил на заседании фракции ВКП(б) вопрос об организации Центрального комитета Нового тюркского алфавита, однако его предложение поддержано не было. Осенью того же года Азербайджанский комитет нового тюркского алфавита вновь возбудил ходатайство перед ЦИК СССР об объявлении его всесоюзным в связи с возросшей ролью Азербайджана в латини-

⁴⁰ Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. 26 февраля – 5 марта 1926 г. Стенографический отчет. Баку, 1926. С. 297.

зации алфавитов. Первоначально было принято решение перевести комитет в Москву, однако С. Агамалы-оглы обратился в ЦК АССР и ЦИК СССР с просьбой сохранить по ряду обстоятельств место пребывания в Баку⁴¹.

Обсуждение этого вопроса было вынесено на заседание XV конференции ВКП(б) (октябрь – ноябрь 1926 г.). Было созвано отдельное совещание представителей республик и автономных областей по вопросу о замене арабской письменности новой, построенной на латинской основе, и о «способе проведения ее в жизнь в союзном масштабе у народов арабской письменности»⁴². На данном заседании присутствовали: от АССР – С. Агамалы-Оглы, УзССР – Ф. Ходжаев, от Башреспублики – Габитов и Мухаметкулов, от Дагестанской АССР – Дж. Коркмасов и Тахогоди, от Туркменской ССР – Степанов и Айтиаков, от Адыгейской области – Бехман, от ЦИК СССР – Кульбешеров, от Киргизской автономной области – Урузбаев, от Карачай-Черкесской автономной области – Рябов. Также в заседании участвовали председатель Центриздата народов СССР Н. Тюрякулов и от Азербайджанского Комитета нового тюркского алфавита – Назиров. Основным докладчиком выступал С. Агамалы-оглы. Главная тема его выступления – проект постановления об организации Всесоюзного центрального комитета по проведению Нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) на основе латинской письменности.

С. Агамалы-оглы акцентировал внимание участников собрания на том, что многие национальные республики имеют свои планы по латинизации и разрабатывают свой алфавит. Эти обстоятельства, по его мнению, диктовали необходимость унификации алфавитов⁴³. В этой связи проведение данной унификации виделось ему стратегической целью создаваемого комитета. С. Агамалы-оглы касался и практических вопросов конкретного воплощения в жизнь данной идеи. Первоочередной проблемой являлось отсутствие или нехватка у многих республик средств на переход к новому алфавиту⁴⁴. Нехватка типографских шрифтов (а также телеграфных и печатных машин. – *А.В.*) тормозила скорейший переход на латинский алфавит. В свою очередь, рост расходов на производство и приобретение новых шрифтов и оборудования делал невозможным техническое перевооружение. В связи с этим одной из главных задач нового комитета Агамалы-оглы видел изыскание дополнительных средств на проведение латинизации помимо тех скудных сумм, которые выделяли республиканские бюджеты⁴⁵. Выступая таким образом как лоббист латинизации, С. Агамалы-оглы предполагал зависимость иных структур республик СССР, проводивших латинизацию, от финансирования из Баку. Агамалы-оглы считал необходимым организовать ВЦК НТА при Всесоюзной ассоциации востоковедения, с самостоятельной сметой, «распоряжением кредитами» и возможностью обращения по всем вопросам, касающимся НТА, напрямую в ЦИК СССР⁴⁶. Таким образом, ВЦК НТА виделся ему как достаточно самостоятельный и автономный центр проведения языковой политики, обладавший прямой связью с высшим органом государственной власти СССР. Используя свои связи в ЦИК, С. Агамалы-оглы удалось добиться выделения из союзного бюджета денег на финансирование деятельности комитета.

⁴¹ АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5. Л. 24; С. Агамалы-оглы имел в виду, говоря об обстоятельствах, прежде всего более высокую техническую оснащенность Баку для введения латинского алфавита, а также наличие команды единомышленников и административный ресурс, на который он мог опереться в своей работе.

⁴² Там же. Л. 25.

⁴³ Там же. Л. 26–27.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 27–28.

⁴⁶ Там же. Л. 29–30.

Членами ВЦК НТА могли стать представители республик, «официально вставших на путь проведения НТА». Республики, в которых введение НТА шло общественным порядком, могли делегировать в состав комитета своих представителей с правом совещательного голоса⁴⁷. Таким образом, выстраивалась определенная иерархия членов ВЦК НТА и подразумевалась определенная исполнительская дисциплина в проведении решений ВЦК НТА. Руководство комитета, будучи независимым от Совета национальностей и подчиняясь напрямую ЦИК, получало возможность напрямую влиять на проведение алфавитной политики в республиках, оформивших членство в ВЦКНТА. Связь с всесоюзной ассоциацией востоковедов была важна также для поддержания связи с участниками Коминтерна и ознакомления с новым алфавитом строителей мировой революции. Таким образом ВЦК НТА становилась еще одним инструментом руководства Коминтерна по проведению культурной политики на Востоке.

Взгляды участников совещания на будущее ВЦК НТА разделились. Н. Тюрякулов предложение С. Агамалы-Оглы поддержал. Б. Кульбешеров и Н. Айтаков высказались за организацию Всесоюзного комитета с центром в Баку, основной функцией которого должна была стать унификация. Проведение же НТА в республиках оставить на усмотрение республиканских органов. Ф. Ходжаев поддержал идею учреждения ВЦК НТА в Москве, «учитывая технические и научные целесообразности». Права и обязанности комитета он считал необходимым обсуждать на специальном заседании. Представитель Башкирии М. Кулов выступил за образование комитета в целом, не возражая против организации комитета в Москве, указав на желательность его организации в Баку, обговорив при этом права членов комитета. Представители Дагестанской АССР А. Тахо-Годи и Дж. Коркмасов, «исходя из своей информации о положении дел в Азербайджане», предложили Баку в качестве места организации комитета, который должен был быть организован при Совнаце. Т. Урузбаев высказался за образование комитета в Москве, учитывая «технические удобства». На конференции четко обозначились противоречия во взглядах активистов латинизации. Было принято компромиссное решение, что научным центром латинизации станет Всесоюзная ассоциация востоковедения, уже работавшая в Москве над проблемами перехода на латинский алфавит. Участники обсуждения, хорошо понимая позицию докладчика – председателя АзЦИК, выразили общее мнение о необходимости децентрализации работы по латинизации на местах⁴⁸.

В феврале 1927 г. постановлением Оргбюро ЦК ВКП (б) «О Всесоюзном комитете новотюркского алфавита» было оформлено создание Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита. Местом учреждения стал Баку, а главой Всесоюзного комитета по содействию переходу тюркских народов к латинскому алфавиту был утвержден С. Агамалы-оглы. Для проведения всей предварительной работы тем же постановлением Оргбюро организовывался Временный президиум комитета в составе С. Агамалы-оглы, Ф. Ходжаева, В.Н. Айтакова, К. Кульбешерова, Назирова, С.М. Диманштейна⁴⁹. Членами комитета стали представители союзных республик: Караев, Т. Гусейнов, Ахундов (от АзССР), Бала-Эфендиев (от Армянской ССР), Джабиев (от Нахичеванской АО), М.Д. Гусейнов (от Грузинской ССР), А.Дж. Коркмасов и Тахогоди (ДагАССР), Мухамедов (ТаджССР), Икрамов, Ахунбабаев (УзССР), У. Алиев, Мальсагов, Гатуев (Северо-Кавказский край), Гимранов (Татарская АР), Нурмаков, Тогжанов, Шонанов (Казахская ССР), Алиев (КиргССР), Кульбешеров (ТуркмССР),

⁴⁷ АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5. Л. 26–30.

⁴⁸ Там же. Л. 31.

⁴⁹ Диманштейн, Назиров, Тюрякулов, Мансуров и Павлович были также назначены представителями центра в Комитете. См.: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

Мухамедкулов (БашАССР), М. Недим (Крымская АССР), Авезов (Каракалпакск, АО). На заседании Президиума ЦИК было решено принять к сведению образование ВЦК НТА в указанном составе с центром в Баку и представительством в Москве⁵⁰. Также создавался специальный Научный совет, в задачи которого входила разработка научных принципов проведения нового алфавита среди тюркского населения РСФСР, руководство программно-методической работой ВЦК НТА, организация информации в программно-методической и научно-методической работе ВЦК НТА. Для достижения этих задач на Научный совет возлагались полномочия по организации выставок, экспертизе с точки зрения нового алфавита учебной и научной литературы и других материалов, а также руководство научным отделом издательства ВЦК НТА. Научный совет имел должность ученого секретаря (которым был Б.В. Чобан-заде), библиотеку, а также постоянные научно-художественную и программно-методическую комиссии в своем составе. Членами Научного совета ВЦК НТА были утверждены Шонанов (Казахстан), Б. Перенглиев (Туркмения), Ногайбак (Татарстан), Тыныстанов (Киргизия), Габитов (Башкирия), Айвазов (Крым), Ф. Агазаде, Хулуфлу (Азербайджан), Балаэфендиев (Армения), Наджафов (Грузия), Ошаев, Сиюхов, Беджиев (Северо-Кавказский Край). Персонально приглашены в состав Совета были Н.Н. Поппе, А.Н. Самойлович, Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев, Р.О. Шор и М. Асланов⁵¹. По предложению С. Агамалыоглы Научный совет выработал два основных направления своей деятельности – это разработка вопросов орфографии и создание национальной терминологии⁵². Эти два направления, будучи тесно связанными с вопросом унификации алфавитов, а также сама по себе унификация явились основными в деятельности ВЦК НТА вплоть до его ликвидации в 1937 г. Общее руководство латинизацией осуществлялось деятелями Коминтерна, в то время как научная составляющая, имевшая практическое значение, передавалась известным ученым и лингвистам.

В организационном отношении ВЦК НТА подчинялся Президиуму Совета Национальностей ЦИК СССР. Из протокола заседания Президиума ЦИК можно сделать вывод, что создание ВЦК НТА в планы ЦИК не входило, однако пришлось принять во внимание инициативу с мест и энтузиазм масс. Изначально в сферу ответственности ВЦК НТА попадали республики СССР и проведение латинского алфавита именно в них. Приоритет отдавался тем республикам, которые участвовали в подписании Союзного договора 1922 г. Однако большое количество тюркских народов было дисперсно распространено по территории СССР, за пределами национальных республик, либо могло и вовсе не иметь собственных национально-территориальных автономий. Поэтому для охвата тюркских «нацменьшинств, не имевших автономных национальных республик, краев и областей, проживающих на территории РСФСР», создавалось специальное «Бюро Нацмен РСФСР»⁵³. ВЦК НТА столкнулось с существенными трудностями в своей работе: нехваткой кадров и финансирования, недостаточной материальной базой: нехватка типографских шрифтов, печатных машинок, учебных пособий. Серьезно сказалось и отсутствие научно-методической базы. Следует признать, что латинизация алфавитов во многом опиралась на энтузиазм масс⁵⁴.

⁵⁰ Выписка из протокола № 2 заседания Президиума ЦИК СССР. См.: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.

⁵¹ АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 6. Л. 13–16.

⁵² Там же. Л. 33–34.

⁵³ См., например: *Даудов А.Х., Малышева Е.П.* Из истории латинизации национальных алфавитов СССР. URL: <http://maxpark.com/community/129/content/2037956> (дата обращения 24.01.2022).

⁵⁴ См., например, документы о сборе средств на аэроплан «Октябрьский алфавит», пламенные тексты декретов о переходе на новый латинизированный алфавит, активное участие женщин в языковой реформе: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 43. Л. 135–163; Д. 140. Л. 25; Там же. Д. 143. Л. 118.

Первый пленум ВЦК НТА и дальнейшая борьба за унификацию национальных алфавитов

1 июня 1927 г. был созван 1-й Пленум ВЦК НТА. В ходе его работы были выработаны основные принципы унификации алфавитов: 1) алфавит должен быть построен исключительно на латинской основе (для оригинальных звуков тюрко-татарских языков, для которых самостоятельных знаков в латинском письме не имеется, создавать новые знаки, графически сходные с основными знаками латинской системы); 2) избегать надстрочных и подстрочных знаков; 3) фонетическую близость звуков отражать в графически родственных изображениях; 4) для более частых звуков принимать более простые изображения; 5) для общих звуков тюрко-татарских языков принять общие знаки; 6) в отношении начертания специфических звуков каждого отдельного языка дать право выбирать подходящие знаки; 7) в основу унификации положить тюркский алфавит, действующий в Азербайджане; 8) заимствовать при необходимости знаки из других письменностей; 9) не делать букв слишком много. Пленум поставил задачу полного перехода на латинский алфавит к 1929–1930 гг.⁵⁵

Однако уже в следующем году на 2-м Пленуме эта задача была скорректирована – в качестве новой даты назывался 1931, а по некоторым языкам – 1932 г. Затрудняла деятельность ВЦК НТА борьба различных проектов унификации алфавитов, предлагавшихся советскими республиками. Например, Н. Тюрякулов предлагал свой вариант унификации, отклоненный С. Агамалы-оглы под предлогом недостаточной научной проработанности и наличия более успешного азербайджанского опыта⁵⁶. Проблема унификации алфавитов была одним из основных препятствий на пути дальнейшего развития реформы, которое не было устранено вплоть до 1936 г.

К 1930 г. заканчивается начальный период проведения реформы тюркского алфавита в СССР. С одной стороны, он был связан с расширением латинизации и ее распространением на нетюркские народы – финно-угорские, бурят-монгольские, иранские, яфетические (так в документах обозначались языки нетюркских и не-иранских народов Кавказа). С другой стороны, в 1930 г. из руководства ВЦК НТА по болезни и в связи с партийными разногласиями уходит С. Агамалы-оглы. Это обстоятельство важно, поскольку авторитет ВЦК НТА, его вес среди других союзных органов, а также возможность получения субсидий из союзного бюджета был во многом связан с личным высоким авторитетом его председателя. Уход С. Агамалы-оглы от фактического руководства ВЦК НТА привел к тому, что многие местные комитеты НТА были ликвидированы или самоликвидировались. ВЦК НТА потерял вертикальную связь с работниками на местах, и возможности получения субсидий из союзного бюджета заметно сократились.

В этой ситуации в 1930 г. после отчетного доклада временного председателя ВЦК НТА У. Алиева Президиум Совета Национальностей одобрил решение о преобразовании ВЦК НТА в ВЦК НА в связи с распространением латинизации на нетюркские народы⁵⁷. Однако отсутствие четкого плана работы по латинизации, поддержки с унификацией, слабая «техническая вооруженность» ВЦК НТА и постоянная нехватка средств вкупе с идеологическими и научными разногласиями его членов привели к тому, что установка на полную унификацию алфавитов была отвергнута. Алфавиты стали рассматриваться «как средство для поднятия культурного уровня

⁵⁵ *Исаев М.И.* Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). С. 71; Стенограммы заседаний I Пленума ВЦКНА и его Президиума см.: АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 15–16.

⁵⁶ АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–12.

⁵⁷ Там же. Д. 195. Л. 13–16.

масс и их объединения в классовой борьбе», а не как инструмент интернационализации революционного движения масс⁵⁸. Итогом данного направления деятельности стало появление ежегодных планов работ ВЦК НА и нового положения о ВЦК НА, в соответствии с которым ВЦК НА полностью подчинялся Совету национальностей ЦИК СССР⁵⁹.

Выводы

Первоначальным этапом формирования упомянутого в Декларации и Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик «общеупотребительного тюркского языка», по всей вероятности, должна была стать выработка единого алфавита и правил орфографии и правописания. Инициаторами и активными участниками данной деятельности являлись представители тюркской мусульманской интеллигенции, представлявшие различные по уровню социально-экономического, политического и культурного развития регионы. Благодаря активной деятельности С. Агамалы-оглы работы по унификации и развитию единого алфавита получили финансирование, организационную и материально-техническую поддержку со стороны ЦИК СССР. Однако целый ряд проблем оказался непреодолимым препятствием на пути унификации. Созданный С. Агамалы-оглы и его соратниками Все-союзный центральный комитет Нового тюркского алфавита постоянно сталкивался с дефицитом финансирования масштабных научно-исследовательских работ по унификации алфавитов, нехваткой подготовленных кадров, оборудования, учебных пособий. Осложняло ситуацию и то обстоятельство, что латинизация во многом опиралась на энтузиазм местной интеллигенции, которая разрабатывала свои собственные проекты латинизации национальных алфавитов. Эти проекты были обусловлены региональной лингвистической и культурной спецификой и зачастую противоречили унифицированным вариантам, разработанным ВЦК НТА. С уходом С. Агамалы-оглы с поста председателя ВЦК НТА в результате масштабной ревизии деятельности этого комитета произошло изменение направления его работы. Если первоначально негласной целью ВЦК НТА была «интернационализация» алфавита, то впоследствии эта деятельность стала рассматриваться как культурно-просветительская в пределах национальных, не только тюркских, республик СССР. В итоге идея создания «общеупотребительного тюркского языка», которую отстаивал ряд видных советских деятелей из числа руководства ЗСФСР и некоторых тюркских национальных республик, уходит с повестки дня. Центр усилий по латинизации алфавита перемещается из Баку в Москву, укрепляются централизация и контроль за деятельностью ВЦК НТА и начинается уже новый этап в его деятельности.

Поступила в редакцию / Submitted: 25.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 08.11.2022

References

- Agazade, F., and Karakashly, K. *Ocherk po istorii razvitiia dvizheniia novogo alfavita i ego dostizheniia*. Kazan: Gosudarstvennaia Ob"edinennaia tipolitografiia Tatpoligrafa Publ., 1928 (in Russian).
 Akhmedov, T. *Nariman Narimanov*. Baku: Yazychi Publ., 1988 (in Russian).
 Alpatov, V.M. *150 iazykov i politika, 1917–1997: Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva*. Moscow: IOS RAS Publ., 1997 (in Russian).

⁵⁸ АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 195. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Д. 769. Л. 32–32 об.

- Amanzholova, D.A. "Language policy and culture of the Kazakh ASSR managers. 1920–1936." *Rossiiskie regiony: vzgliad v budushchee*, no. 2 (2016): 37–60 (in Russian).
- Ashnin, A.D., Alpatov V.M., and Nasilov, D.M. *Repressirovannaia tiurkologiia*. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2002 (in Russian).
- Baldauf, Ingeborg. *Schriftenreform und Schriftenwechsel bei den Muslimischen Russland- und Sowjetturken (1850–1937). Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen*. Budapest: Akad. kiadó Publ., 1993 (in German).
- Bazarova, V.V. *Latinizatsiia buriat-mongol'skoi pis'mennosti v 1920–1930 gg.* Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI Publ., 2006 (in Russian).
- Daudov, A.Kh., Malysheva E.P. *Iz istorii latinizatsii natsional'nykh alfavitov SSSR*, January 1, 2022, <http://maxpark.com/community/129/content/2037956> (in Russian).
- Frings, A. "Competition of Models: The Tatar Delegation at the Turkological Congress in Baku in 1926." *Ethnograficheskoe Obozrenie*, no. 6 (2005): 44–47 (in Russian).
- Isaev, M.I. *Iazykovoe stroitel'stvo v SSSR (protsessy sozdaniia pis'mennostei narodov SSSR)*. Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Kiselev, M.Yu. "Unification of Udmurt Writing: on the History of the Issue." *Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region*, no. 2 (2020): 30–35 (in Russian). <https://doi.org/10.15350/26191490.2020.2.4>
- Krasovitskaya, T.Yu. "Organizatsiia nauchnoi bazy natsional'no-kul'turnoi politiki v RSFSR (1917–1927)." *Velikii Oktiabr' i opyt kul'turnogo stroitel'stva v SSSR. Sbornik statei*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii Publ., 1987 (in Russian).
- Menzel, Th. "Der I. Türkologische Kongress in Baku." *Der Islam* 16, no. 3–4 (1927): 169–228 (in Russian).
- Mukhametdinov, R.F. *Zarozhdenie i evoliutsiia tiurkizma*. Kazan: Zaman Publ., 1996 (in Russian).
- Tagiev, I. "Mirza Fatali Akhundov i novyi tiurkskii alfavit." *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*, 58–61. Baku: [S. n.], 1928 (in Russian).
- Yusupova, L.A. "Unification of Turkic alphabets. Basic principles of the implementation of the national policy of the Soviet government in relation to the Turks." *Bulletin of Kazan state University of culture and arts*, no. 3–2 (2012): 122–123 (in Russian).
- Zmerzly, B.V. *Ocherki po istorii pis'mennosti u tiurkskikh narodov*. Simferopol: Helvetika Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Дмитриевич Васильев, канд. истор. наук, старший науч. сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения Российской академии наук; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12; advasilyev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2947-4413>

Alexander D. Vasilyev, PhD in History, Senior Researcher of the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga region, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia; advasilyev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2947-4413>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-484-497>

Научная статья / Research article

Становление и развитие школьного образования в автономиях Среднего Поволжья в 1920–1930-е гг.

Елена Минеева ^a , Алевтина Зыкина ^a , Алексей Минеев ^b

^a Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

^b ООО «Лидер софт – внедренческий центр», Чебоксары, Россия

 mineevaek21@mail.ru

Аннотация: Исследование посвящено анализу процесса становления советской системы школьного образования в 1920–1930-е гг. Рассматривая политику советской власти в данной сфере и ее конкретные результаты, следует отметить, что проводимые в ходе реформирования образования эксперименты сопровождались как положительными, так и отрицательными парадигмами. Из положительных итогов, которые наблюдались уже к концу 1920-х гг., особо выделяются количественные изменения, ознаменовавшиеся ростом числа учебных заведений, а также численности учителей и учащихся. Также поступательно, хотя и медленнее, шло укрепление материально-технической базы школ. Масштабные преобразования, касавшиеся ломки старой российской и строительства новой советской школы, проходили на фоне важных исторических событий (Гражданской войны, голода, индустриализации и коллективизации и т. п.), которые оказывали влияние на ход модернизационных процессов. Наряду с объективными факторами на развитии образовательной сферы сказывались и субъективные причины (недовольство населения отдельными мероприятиями в области школьного дела, консервативные взгляды крестьянского населения и др.). В результате в начале 1930-х гг. курс советского правительства в отношении общеобразовательной школы был пересмотрен. В целях исправления допущенных ошибок советской власти пришлось вернуться к традиционной классно-урочной системе преподавания. На 30-е гг. XX в. приходится увеличение бюджетного финансирования системы школьного образования. Все это в совокупности позволило Советскому государству достичь заметных результатов по повышению уровня грамотности населения, количественному расширению начального и среднего образования, качественному улучшению уровня образования в целом.

Ключевые слова: национальная школа, всеобщее обучение, сталинизм, Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43051.

Для цитирования: Минеева Е.К., Зыкина А.П., Минеев А.И. Становление и развитие школьного образования в автономиях Среднего Поволжья в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 484–497. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-484-497>

Formation and Development of School Education of the Autonomies of the Middle Volga Region, 1920–1930s

Elena Mineeva ^a , Alevtina Zykina ^a , Alexey Mineev ^b

^a I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

^b Leader Soft – Implementation Center LLC, Cheboksary, Russia

 mineevaek21@mail.ru

Abstract: The study is devoted to the analysis of the process of formation of the Soviet system of school education in the 1920–1930s. The policy of the Soviet government in this area and its specific results are also considered. The authors find out that the experiments, carried out in the course of reforming

education, were accompanied by both positive and negative paradigms. Of the positive results that were already observed by the end of the 1920s, the quantitative changes, marked by an increase in the number of educational institutions, as well as the number of teachers and students, stand out in particular. Of the positive results that were already observed by the end of the 1920s, there particularly stand out the quantitative changes marked by an increase in the number of educational institutions, as well as the number of teachers and students. Also progressive, although slower, was the strengthening of the material and technical base of schools. Large-scale transformations related to the destruction of the old Russian school and the construction of a new Soviet school took place against the backdrop of important historical events (the Civil War, famine, industrialization and collectivization, etc.), which influenced the course of the modernization processes. Along with objective factors, the development of the educational sphere was also affected by subjective reasons: the dissatisfaction of the population with certain measures in the field of schooling, the conservative views of the peasant population, etc. As a result, in the early 1930s, the course of the Soviet government with regard to the general education school was revised. In order to correct the mistakes made, the Soviet government had to return to the traditional class-and-lesson system. In the 1930s, there increased the budgetary financing of the school education system. The policy pursued allowed the Soviet state to achieve noticeable results in improving literacy of the population, quantitative expansion of primary and secondary education, qualitative improvement of the level of education in general.

Keywords: national school, universal education, Stalinism, Mari ASSR, Mordovian ASSR, Chuvash ASSR

Acknowledgements and Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43051.

For citation: Mineeva, Elena, Zykina, Alevtina, and Mineev, Alexey. "Formation and Development of School Education of the Autonomies of the Middle Volga Region, 1920-1930s." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 484–497. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-484-497>

Введение

В многонациональной России в советский период проживали представители более 100 народов и этнических групп, что по мере усложнения внутренней и внешнеполитической ситуации приводило к обострению национального вопроса и отношений между центром и полиэтническими регионами. В связи с этим следует подчеркнуть не случайный рост популярности и поддержки партии большевиков в ходе революционных событий, поскольку именно она предложила принципы равноправия народов и права наций на самоопределение.

Советское государство с первых дней своего существования взяло курс на политику по осуществлению национально-государственного строительства, для реализации которой учреждалось специальное ведомство – Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац, НКН)¹. Среди множества вопросов, находившихся в компетенции Наркомнаца, особое значение имели те, которые были связаны со сферой школьного образования. Одной из главных причин важности указанного аспекта стала необходимость доведения советской идеологии до многочисленных народов и этнических групп страны при помощи национальных языков, культуры и школы.

Рассматривая заявленную тему, авторы обращались к анализу деятельности как центральных, так и местных органов управления образованием. Решения, принятые в Москве, реализовывались на местах, в соответствии с экономическими и социокультурными факторами отдельных регионов. Конкретный фактический материал работы касается Среднего Поволжья, где всегда проживало население, характеризующееся как полиэтничное и многоконфессиональное. Территориальные рамки статьи затрагивают расположенные по соседству автономии марийского, мордов-

¹ Минеева Е.К., Зыкина А.П. Деятельность Наркомнаца РСФСР по созданию национальных автономий // Вестник Чувашского университета. 2021. № 4. С. 92. <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-4-92-105>

ского и чувашского народов. В начале XX в. это аграрные районы с отсталой экономикой, в которых крайне низкими являлись показатели грамотности населения.

В постсоветской России системой, наиболее часто подвергающейся реформированию, является школьное образование. Изменения, которые берут начало еще с 1984 г., с небольшими перерывами продолжаются и по сегодняшний день. Длительный процесс преобразований во многом был обусловлен не только недостатками советской школы, но и просчетами, допущенными реформаторами в конце XX – начале XXI в. В настоящее время к деятельности российской школы наблюдается пристальное внимание со стороны как государства, так и общества. К основным аспектам для обсуждения следует отнести материальную базу учебных заведений, содержание и качество общего образования, статус учителей и др. В этой связи повышается актуальность изучения исторического опыта, накопленного отечественной школой на разных этапах ее развития. Важным рубежом стал период становления и укрепления советской школьной системы в 1920–1930-е гг. Несмотря на наличие немалого количества работ, посвященных проблеме исследования, в современных условиях остаются аспекты, требующие дальнейшего изучения, особенно на региональном уровне. Целью статьи является сравнительный анализ процесса становления и развития новой системы школьного образования в национальных автономиях Среднего Поволжья в 1920–1930-е гг.

Данная тема неоднократно привлекала внимание исследователей. На сегодняшний день сложилась определенная историография проблемы, начало которой относится еще к 1920-м гг. В ряду первых исследований можно выделить работу Ф.Т. Тимофеева, в которой автор рассуждает о проблемах и трудностях в развитии национальной школы². Дальнейшая исследовательская литература становится более содержательной, в ней шире представлена тематика работ по вопросам народного образования: строительство общеобразовательной школы³; нерусские школы Поволжья и других регионов страны⁴; становление и развитие системы образовательных учреждений на территории Чувашии⁵, Мордовии⁶; школа в рамках социалистической культуры⁷ и т.п. Следовательно, историография советского периода включает немалое количество публикаций по изучаемой теме. Однако эти труды подвержены влиянию официальной идеологии и содержат определенную тенденциозность. Значительное внимание в них обращено на роль партийных органов в становлении советской школы, часто присутствует абсолютизация количественных характеристик и т. п.

В исследовательской литературе конца XX – начала XXI в. интерес ученых к начальным этапам истории советской школы в национальных регионах повысился. Появились работы, посвященные отдельным учебным заведениям⁸. Самостоятельным направлением изучения стала проблема подготовки педагогических кадров⁹. Появились и комплексные труды, в которых определены основные тенденции развития образования, рассмотрены вопросы ликвидации неграмотности и введения

² Тимофеев Ф.Т. Несколько слов о чувашской школе. Чебоксары, 1921.

³ Трофимов А.Т. Народное образование в Чувашии за 15 лет (1920–1935 гг.). Чебоксары, 1935.

⁴ Эфирова А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: исторические очерки. М., 1948.

⁵ Степанов Н.С. Очерк истории чувашской советской школы. Чебоксары, 1959.

⁶ Ососков А.В., Котков К.А. Народное образование в Мордовской АССР. Саранск, 1946.

⁷ Киселев А.Л. Социалистическая культура Мордовии. Саранск, 1959.

⁸ Ефимов Е.Л. Аликсовская средняя школа имени И.Я. Яковлева (1854–2004). Чебоксары, 2004; Сергеев Т.С. 1) Школа поисков и инноваций: к 70-летию Чебоксарской гимназии. № 4. Чебоксары, 2006; 2) Мечта сбылась (к 100-летию Ходарской школы имени И.Н. Ульянова). Чебоксары, 1969; Хураькин М.А. Анарская средняя школа Красночетайского района: 1896–2006. Чебоксары, 2006.

⁹ Воронников М.А. Кузница учительских кадров. Цивильск, 2001; Сергеев Т.С. Факел знаний: (к 125-летию Поречской учительской семинарии и 40-летию школы интерната им. И.Н. Ульянова (1872–1997)). Екатеринбург – Чебоксары, 1998.

всеобщего начального обучения¹⁰, организации учебно-воспитательного процесса; подчеркивается политехнический характер образовательной школы¹¹. Менее изученным в этом отношении остается процесс становления марийской советской школы. Таким образом, в настоящее время имеется немалое количество работ, посвященных как отдельным аспектам проблемы, так и ее комплексному изучению, но в рамках каждой из автономий. Данное исследование основано на сравнении образовательной политики и ее результатов, реализованной в национальных автономиях Среднего Поволжья. На их примере можно наглядно продемонстрировать плюсы и минусы национальной политики советской власти в сфере просвещения.

Исследуя заявленную тему, авторы опирались на различные типы как опубликованных, так и архивных исторических источников. Проанализированы документы двух центральных и шести региональных архивохранилищ страны: г. Москвы, Ульяновской области, республик Марий Эл, Мордовии, Татарстана и Чувашской Республики, которые содержат отчетную документацию, переписку региональных органов управления с вышестоящими инстанциями и др. материалы.

Использованные первоисточники различны по происхождению, содержанию и степени достоверности. Для многих документов советского периода характерна идеологическая и пропагандистская направленность. Кроме того, сведения по ряду вопросов развития школьного образования носят фрагментарный и разбросанный характер.

Нормативная база и первые мероприятия советской власти в сфере образования в 1920-е гг.

Необходимость реформирования сферы образования в повестке дня советской власти появилась с первых дней ее существования. В первую очередь, была реорганизована система управления учебными заведениями. Учрежденный в связи с этим Наркомпрос и занялся созданием новой советской школы. Важным направлением его деятельности стала унификация образовательных учреждений и централизация управления. Чтобы понять значимость работы Наркомпроса, надо вспомнить о сложной и разветвленной системе школьного образования дореволюционной России, в которой действовали разные типы школ, отличавшиеся друг от друга как по продолжительности обучения, так и объему получаемых знаний, по подчиненности тому или иному ведомству и размеру финансирования¹². Для досоветской школы было характерно отсутствие преемственности между ее начальным и средним звеньями. Указанные характеристики никак не могли устроить новое школьное ведомство. Поэтому 23 февраля 1918 г. было принято решение о переводе учебных заведений независимо от их ведомственной принадлежности под контроль Наркомпроса¹³. Мера касалась абсолютно всех школ от начального звена до высшего образования. Это означало, что образовательные учреждения теперь становились государственными, в них устанавливались централизованные управление и финансирование. Еще одним

¹⁰ Куршева Г.А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. Саранск, 2007.

¹¹ Ефимов Л.А. Школьное образование в Чувашии в 1920–2000 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004; Ершова О.В. Школьное образование в РСФСР в 1917–1941 годах: исторический опыт и уроки: на материалах Чувашии: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2007.

¹² См.: Зыкина А.П. Начальная и средняя школа Чувашского края на рубеже XIX–XX веков // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 305.

¹³ Постановление Народного комиссариата по просвещению. О передаче всех учебных заведений в ведение Народного комиссариата по просвещению // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 386.

важным событием, касавшимся деятельности школ, стало решение об отделении церкви от государства от 20 января 1918 г.¹⁴

Все учебные заведения начального и среднего звена представляли «единую трудовую школу». Главными принципами, определявшими работу советской школы, являлись: преемственность, бесплатность, светскость, совместное обучение мальчиков и девочек¹⁵.

Еще одно важное направление в сфере школьного образования – активное строительство национальной школы в Советской России. В числе первых законов был принят документ, предоставлявший право всем этносам РСФСР обучать детей на родном языке¹⁶. Материалы архивов свидетельствуют, что для местностей с иноязычным населением организовывались школы с преподаванием на родном языке учащихся, но русский язык являлся обязательным предметом изучения¹⁷. В таких заведениях прибавлялся еще один год обучения. Поэтому в национальных регионах преимущественно была представлена шестилетняя школа, дававшая элементарную грамотность и первоначальное общественное воспитание; она соответствовала пятилетней русской. Как правило, такая школа состояла из двух групп или первого и второго годов обучения (либо второго и четвертого)¹⁸.

Принципиальные изменения затронули и содержание учебно-воспитательного процесса. В первую очередь, это коснулось форм и методов работы. Теперь педагоги получили рекомендации работать на основе Дальтон-плана и метода проектов, т. е. вместо традиционной классно-урочной системы преподавания проводить экскурсии на предприятия, практиковать лабораторные занятия. В новой школе вместо деления на классы вводилось деление на группы по степени подготовленности учащихся. В прошлое ушли домашние задания, балльная система оценки знаний и поведения учащихся¹⁹. Все виды наказаний в отношении детей отменялись. При отсутствии экзаменов вопросы перевода учащихся из класса в класс и выдачи свидетельств решались на основании их успехов и отзывов педагогического совета²⁰. Большинство современных исследователей к таким нововведениям советской власти относится крайне отрицательно, указывая на то, что

все это извращало научные основы народного образования, отрицательно сказывалось на всех сторонах общественной жизни²¹.

Несложно догадаться, что подобные радикальные изменения в школьном образовании большинство учителей встретили либо сдержанно, либо негативно. Педагоги свое недовольство выражали и в письмах в адрес вышестоящих инстанций и в ходе собраний. Поэтому новая школа сразу заработать с учетом революционных нововведений не могла. В национальных регионах сложности возрастали в связи с новыми законами, по которым требовалось введение преподавания на родном языке. Выполнение этой задачи зависело от наличия учебников на национальных языках, а также педагогических кадров, прошедших специальную подготовку. И, если

¹⁴ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. документов 1917–1973 гг. С. 12–13.

¹⁵ Положение о единой трудовой школе РСФСР от 30 сентября 1918 г. // Народное образование. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–1973 гг. С. 133–137.

¹⁶ Там же. С. 145.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 86.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 192. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 10 об.

²¹ *Янборисов М.Х.* Советская общеобразовательная школа в конце 20-х – начале 30-х годов XX века: опыт, проблемы, уроки (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 1. С. 304.

у отдельных народов РСФСР к началу строительства советской школы имелись, например, азбука и буквари, то у большинства отсутствовали не только учебная литература, но и литературный язык в целом.

По мере возникновения автономных образований решение задач, связанных со становлением национальной школы, переходило в их компетенцию, однако возможности у всех на тот момент были разными. Например, в Марийской и Чувашской автономных областях сохранялись элементы патриархальности в повседневной жизни, не хватало национальных кадров. Остро стоял вопрос нехватки учебных зданий. Традиционно для его решения представители власти прибегали к такому методу, как передача домов священников, кулаков, помещиков для размещения в них школ²². Однако эти помещения были мало приспособлены для организации учебного процесса.

С 1918 г. в стране начались мероприятия по отделению церкви от школы, вводилось антирелигиозное воспитание. При претворении в жизнь указанной политики советская власть встретила сопротивление учителей. Например, педагоги на территории Среднего Поволжья, игнорируя закон об отделении церкви от государства, в первое время требовали от детей до начала уроков посещать церковь²³. Кроме того, архивные документы позволяют утверждать, что многие родители не принимали новые подходы в организации школьного обучения и не отпускали своих детей на учебу²⁴. В конечном итоге сопротивление со стороны населения по поводу отмены уроков по основам религии все же было сломлено, и политика по отделению церкви от школы начала проводиться повсеместно.

В 1921 г. в связи с начавшимся голодом катастрофически ощущался недостаток финансов. Основное внимание учителям приходилось уделять не столько проведению учебных занятий, сколько оказанию материальной помощи ученикам, направленной на выживание в тех трудных жизненных обстоятельствах. Педагоги участвовали в эвакуации детей в более благоприятные с точки зрения материального обеспечения районы страны (например, в Москву, Нижний Новгород и др.). К тому же все школы региона ощущали дефицит учебных пособий и литературы, во многих из них отсутствовали подготовленные работники²⁵.

В 1921 г. структура школьного образования в национальных регионах включала в себя 4-летнюю школу I ступени (соответствовала 3-летней русской школе, давала элементарную грамотность и первоначальное общественное воспитание), 6-летнюю школу II ступени (предлагала учащимся развивающее образование с приобретением ими трудовых навыков). Но в ней предполагались некоторые корректировки с учетом региональных особенностей. Например, если учащиеся Чувашии не были подготовлены к восприятию материала школ II ступени, то допускалось введение школы I ступени с 6-летним образованием²⁶.

Со временем ситуация в стране стабилизировалась. Значительную роль в этом сыграло постепенное увеличение расходов на школьное образование. Так, например, в Чувашской АССР по данным на 1927 г. обучением было охвачено 58,2 % детей школьного возраста (от 8 до 14 лет). По указанному показателю регион ушел далеко

²² Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 6. Л. 65; Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 1109. Л. 12.

²³ Ермолов В.А. Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (На примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2. С. 146.

²⁴ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГА УО). Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 101. Л. 55 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 16. Л. 80 об.

²⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-125. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

вперед от средних показателей как по РСФСР (46,1 %), так и СССР (46,6 %) ²⁷. Новым явлением в системе образования стало возникновение в стране школ крестьянской молодежи. В основном они открывались в результате реорганизации школ-восьмилеток, расположенных в сельской местности. На территории ЧАО действовало 10 аналогичных образовательных учреждений. Уже в 1927 г. в Чувашской АССР было принято решение о частичном введении всеобщего обязательного начального обучения ²⁸. По данным наркома просвещения ЧАССР Е.С. Сергеева, в республике с осени 1930 г. вводилось всеобщее обязательное обучение и разворачивалась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности ²⁹. Марийской автономии также удалось добиться определенных успехов по созданию советской системы школьного образования в течение 1920-х гг. Однако при учете роста грамотности с 20 % в 1920 г. до 44 % в 1930 г. безграмотность населения области к началу 1930-х гг. все еще оставалась значительной ³⁰. Поэтому работа в данном направлении была продолжена.

Кроме того, постоянно, особенно на местах, возникали проблемы, связанные с нехваткой зданий, учебников и учебно-методических пособий. Например, в Чувашии по состоянию на начало 1927 г. только половина всех школ располагалась в собственных зданиях, остальные помещались в крестьянских домах, которые не соответствовали гигиеническим требованиям, предъявляемым к учебным аудиториям ³¹. Примерно также обстояли дела на территории Татарстана, где свыше трети (34 %) сельских школ размещались в помещениях бывших церковно-приходских учебных заведений, построенных еще до 1905 г., а остальные здания были конфискованными, или арендованными. Большинство из них не соответствовали принятым Наркоматом просвещения Татарстана минимальным санитарным нормам ³².

На протяжении всех 1920-х гг. остро стоял вопрос нехватки педагогических кадров. Наряду с этим имелись трудности, связанные с необходимостью повышения их квалификации. Например, собрание работников образования 1929 г. в г. Чебоксары указывало на целесообразность профессиональной подготовки учителей. Педагоги жаловались на отсутствие преемственности между разными типами школ, чрезмерной сложностью программ школ II ступени, также отмечали важность и потребность в осуществлении специальной сельскохозяйственной подготовки, применение более узкой специализации ³³.

В качестве явных положительных достижений к концу 1920-х гг. следует назвать значительный рост количества школ и численности учащихся, заметное улучшение материально-технической базы учебных заведений по сравнению с до-революционным этапом, развитие национальной школы. Слабым звеном как следствием процесса преобразований стал недостаточный уровень знаний выпускников, а его основной причиной – отказ от классно-урочной системы преподавания, когда акцент в работе школы делался на трудовое воспитание и труд признавался наиболее приоритетным предметом изучения. На практике увеличение доли производительного труда в процессе обучения произошло за счет существенного сокращения или даже отмены преподавания основ научных знаний.

²⁷ Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. Чебоксары, 2001. С. 120.

²⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 1. Л. 324.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 5. Д. 124. Л. 1.

³⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 728. Л. 1.

³¹ ГИА ЧР. Ф. Р-1752. Оп. 1. Д. 1. Л. 362.

³² Ахметова А.Р. Школьное образование в Татарстане в 1920-е гг.: социально-политический анализ: автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 21.

³³ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее – ГАСИ ЧР). Ф. 2851/753. Оп. 2. Д. 2. Л. 232, 232 об.

Изменения образовательной политики в 1930-е гг. и их реализация в национальных регионах страны

В начале 1930-х гг. в образовательной политике Советского государства приоритетное значение по-прежнему имели количественные показатели. В стране в эти годы решалась задача перехода ко всеобщему обязательному семилетнему обучению. Однако для ее успешного решения требовались немалые финансовые средства, которые в эти годы шли в основном на форсированную индустриализацию и коллективизацию.

Местным исполнительным органам власти в такой ситуации приходилось не просто. Архивные данные свидетельствуют о том, что исполкомы вынуждены были обращаться к общественным организациям и гражданскому населению. Наиболее часто встречающимся примером поддержки общества была помощь простых людей в заготовке дров для школы и по ремонту классов, иногда и в строительстве школьных зданий. Поскольку данные статьи расходов стоили немалых денег, то эта помощь являлась крайне важной. Так, например, Чувашская автономия с помощью населения в 1931–1934 гг. сумела возвести 152 школы³⁴. При непосредственной поддержке сельского населения в Мордовии в 1928–1933 гг. было построено 27 школ³⁵. В 1933 г. население Чувашской АССР пожертвовало «на стабильные учебники» 75 тыс. руб., на горячие завтраки 23 тыс. руб., на капитальный и текущий ремонт школьных зданий 98 тыс. 600 руб.³⁶ В том же году школы Мордовской автономии получили от профсоюзных, кооперативных и общественных организаций 1 486,2 тыс. руб., а пожертвования родителей учащихся составили 204,9 тыс. руб.³⁷

Одной из серьезных проблем в деятельности советской школы являлся высокий процент отсева учащихся. Как правило, учебу до завершения полного курса обучения оставляли дети из малообеспеченных семей. В целях решения данной проблемы представители местной администрации принимали конкретные меры. Например, в 1930 г. для оказания помощи таким ученикам, обучавшимся в школах I ступени, из бюджета Мордовской области было отпущено 60 тыс. руб. Для них также выделялась теплая одежда (30 пальто, 400 пар валенок, 300 платков, 200 пар чулок), а в 118 школах были организованы горячие завтраки³⁸.

По темпам модернизации сферы школьного образования в 1930-е гг. среди многих национальных регионов Среднего Поволжья вновь выделялась Чувашия. С начала 1930-х гг. здесь шел процесс укрепления семилетних школ. В 1932/1933 учебном году из числа получивших начальное образование в семилетней школе продолжили обучение 86,6 % детей, то есть 25,2 тыс. чел. В 1934/1935 учебном году эти показатели составили 98,1 % – 43,8 тыс. чел. соответственно³⁹. На территории Мордовской АО в 1934 г. продолжили обучение в семилетней школе 71 % выпускников начального образования. Однако руководство автономии смогло отчитаться по реализации всеобщего семилетнего образования только к 1939 г.⁴⁰ Основной причиной отставания по-прежнему стал недостаток финансов и педагогических кадров.

³⁴ Юбилейные торжества в Чувашии. Чебоксары, 1935. С. 36.

³⁵ Центр документации новейшей истории Республики Мордовия (далее – ЦДНИ РМ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 980. Л. 26, 27, 28.

³⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 967. Л. 9.

³⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-464. Оп. 1. Д. 5. Л. 128–142.

³⁸ ЦДНИ РМ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 259. Л. 43, 53.

³⁹ Трофимов А.Т. Народное образование в Чувашии за 15 лет. Чебоксары, 1935. С. 16.

⁴⁰ Куршева Г.А. Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. Саранск, 2007. С. 162.

Уже с конца 1932 г. шел процесс преобразования начальных школ в средние учебные заведения. Об изменениях, касавшихся количества средних школ в Чувашской АССР и численности обучавшихся в них, свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

**Динамика роста средних школ, численности учащихся Чувашской АССР
с 1932–1933 по 1940–1941 учебные годы**

Типы школ, численность учащихся	Учебный год				
	1932/1933	1934/1935	1937/1938	1938/1939	1939/1940
Средние школы	4	41	73	104	107
Учащиеся	108	–	7132	10 110	12 960

Таблица составлена по: 20 лет ЧАССР. Чебоксары, 1940. С. 121; Чувашия за 50 лет Советской власти (в цифрах): стат. сб. Чебоксары, 1967. С. 85; Чувашская АССР 60 лет. Чебоксары, 1980. С. 213.

В 1940/1941 учебном году в Чувашии действовали 556 начальных, 353 неполных средних и 126 средних школ. Следует подчеркнуть, что большинство из них располагалось в сельской местности – 991 школа (95,7 %), 44 учебных заведения (4,3 %) находились в городах. Учащихся 5–7 классов к 1940 г. стало в 2,4 раза больше, чем в 1933 г., и в 17 раз больше, чем в 1913 г.⁴¹

На протяжении 1929–1934 гг. количество открывавшихся в Мордовии школ выросло в разы: средних и семилетних – более чем в 5,3 раза, учащихся 5–10-х классов – в 24,4⁴². Как менялись численные показатели по неполным средним школам Мордовской АССР с 1931 г. по 1934 г., можно судить по данным табл. 2. В 1940 г. на территории Мордовии работали 297 семилетних и 120 средних школ. В 1940–1941 учебном году численность учащихся 5–7-х классов составляла 61 135 чел., в 8–10-х – 17 993 чел.⁴³ Получается, что в 1929 г. начальным обучением было охвачено всего 50 % детей школьного возраста, а уже к 1934 г. удалось добиться их полного охвата – 100 %⁴⁴.

Таблица 2

**Динамика роста неполных средних школ,
численности учащихся Мордовской АССР с 1931 по 1934 гг.**

Год	Всего школ	Из них мордовские	Количество обучающихся, чел.	Из них представители мордвы
1931	70	25 (35, 7 %)	12 000	2600
1934	198	79 (39, 9 %)	24 270	7490

Таблица составлена по: *Куршева Г.А.* Общество, власть и образование... С. 120.

Процесс становления национальной школы в Мордовии шел гораздо сложнее, чем в соседних регионах. Проблемы в организации просветительской работы здесь были связаны с более поздним образованием автономии (Мордовская АО оформилась только в 1930 г.) и дисперсностью расселения мордвы. К названным

⁴¹ Михайлов П.М. Культурная революция в Чувашии. Чебоксары, 1957. С. 12.

⁴² Куршева Г.А. Общество, власть и образование... С. 116.

⁴³ Там же. С. 121.

⁴⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 71. Л. 22.

причинам следует прибавить еще одну, которая также мешала организации начального образования. Это – нежелание родителей учащихся обучать их на родном языке, что подтверждают, например, отчетные документы по Ульяновской губернии от 1925 г., в которых говорится:

У чувашей и татар препятствий к переводу преподавания на родной язык со стороны населения не встречается. Мордва местами препятствует, говоря: «Мы хотим учиться по-русски и просим мордовский язык не воскрешать»⁴⁵.

В 1940 г. из 556 начальных школ Чувашской АССР 439 (78,4 %) составляли чувашские школы. Учебных заведений, в которых преподавание велось на русском языке, было всего 97 (17,4 %). В республике также работали 9 татарских, 5 мордовских школ. Среди средних учебных заведений преобладали чувашские – 83 (65,9 %), русских было 29 школ (23 %), татарских – 3 и мордовских – 1⁴⁶.

Таким образом, национальная школа в республиках Среднего Поволжья к 1940 г. достигла серьезных успехов. Выше было сказано, что одним из первых и важных решений советской власти стало предоставление права народам РСФСР обучать детей на родном языке⁴⁷. Несмотря на то, что закон разрешал выбирать русский или родной язык для обучения, в национальных регионах русский язык являлся одним из обязательных предметов⁴⁸. Такое внимание к русскому языку имело объективные основания, а именно – обеспечение преемственности в обучении между всеми звеньями и ступенями советской образовательной системы, прежде всего, данная мера была призвана предоставить доступ к получению среднего специального или высшего образования выпускникам национальных школ. Поэтому в чувашских, марийских и мордовских школах преподавание русского языка было налажено уже в 1920-е гг. В связи с этим сразу после принятия Закона «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» 13 марта 1938 г.⁴⁹ больших изменений в работе школ Среднего Поволжья не произошло. Существенное изменение статуса русского языка (переход из предмета изучения в предмет преподавания) произойдет намного позже.

Серьезным достижением в школьном деле стало увеличение расходов государства на развитие системы образования по такому показателю, как на душу населения: в 1940 г. они составили 61 руб. 90 коп. Для того чтобы наглядно представить масштаб изменений, возьмем данные однодневной переписи начальных школ Российской империи в 1911 г., когда данный показатель равнялся 58,4 коп.⁵⁰

Совершенствовать систему школьного образования страны только за счет повышения количественных показателей было недостаточным. Неслучайно, что в 1930-е гг. состоялось признание советской властью необходимости восстановления традиционных уроков как основной формы проведения учебных занятий. Начало реформированию положило постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе», в котором фиксировались успехи и достижения системы образования, а также были определены проблемные вопросы. В частности,

⁴⁵ См.: Ломшин А.В. Развитие школьного образования, ликвидация неграмотности и осуществление всеобщего начального обучения в Мордовии в 1920-е гг. // Интеграция образования. 2012. № 3. С. 103.

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 371. Л. 37–38.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–40. URL: <https://projects.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 10.08.2022).

⁴⁸ Там же. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 16. Л. 86.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения: 10.08.2022).

⁵⁰ Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. XVI. Пг., 1916. С. 41–48.

в качестве главного недостатка работы учебных заведений называлась слабая общеобразовательная подготовка учащихся. Поэтому предлагалось принять стабильные учебные программы, четко обозначить объем систематизированных знаний, которыми должны были владеть выпускники⁵¹.

В соответствии с вышеназванным постановлением в 1934 г. был принят новый закон – «О структуре начальной и средней школы в СССР», который предусматривал серьезные изменения в структуре школьного образования. Если к концу 1920-х гг. на территории Среднего Поволжья, как и в целом по стране, действовали разные типы общеобразовательных школ, то теперь в соответствии с новым документом все они были унифицированы. В результате появились начальная школа (состояла из 1–4 классов), неполная средняя школа (1–7 классы) и средняя школа (с 1 по 10 классы)⁵², что свидетельствовало о создании единого типа общеобразовательных учреждений в стране.

Следующим достижением советской школы к концу 1930-х гг. стали успехи в разработке и издании учебной литературы на национальных языках. В то же время итоги работы отдельных автономий в данном направлении были не одинаковыми. Из рассматриваемых регионов Среднего Поволжья заметно выделялась Чувашская АССР. Здесь уже к 1932/1933 учебному году национальные школы практически полностью были обеспечены учебниками на чувашском языке⁵³. На территории Мордовии этот процесс развивался сложнее, лишь с образованием Мордовской АО в 1930 г. деятельность по изданию школьных учебников на родных языках заметно оживилась. Только в течение 1933–1937 гг. в регионе было издано 276 наименований учебников для начальной и средней школы на языках мордвы⁵⁴.

Выводы

Таким образом, в течение 1920–1930-х гг. в развитии системы школьного образования автономий Среднего Поволжья происходила положительная динамика. Наблюдались увеличение количества учебных заведений, рост численности обучающихся, укрепление материально-технической базы. Все это стало возможным на фоне постепенного наращивания капиталовложений в сферу образования. Основную часть денежных средств учебные заведения получали от государства. В то же время школы имели и другие источники для укрепления материально-технической базы (помощь от родителей, колхозов, предприятий). Значимым итогом модернизации системы общего образования к концу 1930-х гг. стало функционирование в стране национальной школы. Важной частью данного направления работы являлось обеспечение школ учебной литературой на родных языках, для чего особое внимание уделялось их разработке и изданию. Наибольших успехов в этом деле достигла Чувашия.

В первые годы строительства советской школы были допущены серьезные ошибки, например, в такой важной сфере системы образования, как воспитание – акцент на трудовое воспитание в ущерб умственному развитию учащихся. Негативные последствия указанного подхода заставили организаторов образования решиться на очередные изменения в начале 1930-х гг., хотя полного отказа от решения задачи трудового воспитания не произошло. Следует отметить и то, что в целом идеологизация учебного процесса приняла статус особой важности в практической работе советской школы с первых дней ее функционирования, поскольку большеви-

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 844. Л. 22–29.

⁵² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1934 г. М., 1948. С. 367–368.

⁵³ ГАРФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 543. Л. 55.

⁵⁴ Куршева Г.А. Общество, власть и образование... С. 127.

ки сознавали роль содержания духовно-нравственных ценностей в процессе воспитания «нового человека».

При всех позитивных переменах на этапе становления советской школы имелось большое количество трудностей и проблем. Среди них следует назвать прежде всего нехватку учителей. С одной стороны, малочисленность педагогических кадров объясняется тем, что в Советской республике еще отсутствовала налаженная система подготовки педагогов. С другой стороны, в первые годы учителя далеко не всегда соглашались на сотрудничество с новой властью по причине не только неприятия идеологических установок большевиков, но и несогласия с теми средствами и методами, которые новая власть внедряла в систему школьного образования. Следует констатировать, что серьезной ошибкой на начальном этапе модернизации школы стал отказ от опыта и достижений дореволюционного отечественного образования. Если классно-урочную систему преподавания организаторам новой школы и удалось сломать, то эффективную альтернативную систему создать не получилось.

При этом серьезным достижением СССР раннего советского периода следует признать введение всеобщего начального и семилетнего обучения (и как следствие – резкое повышение уровня грамотности населения), а также создание национальных школ. К 1939 г. грамотность в национальных автономиях Среднего Поволжья достигла высоких показателей: в Мордовской АССР – 80 %, Марийской АССР – 87,5 %, Чувашской АССР – 91 %⁵⁵ (для сравнения: по СССР – 89,1 %⁵⁶). Однако дальнейшее поступательное развитие советской школы было прервано Великой Отечественной войной.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.01.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 05.08.2022

References

- Akhmetova, A.R. “Shkol'noe obrazovanie v Tatarstane v 1920-e gg.: sotsial'no-politicheskii analiz.” PhD thesis, Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2006 (in Russian).
- Аракаев, А.Р. “Razvitie narodnogo obrazovaniia v Mariiskoi avtonomnoi oblasti v 1920-e gody XX veka.” *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, no. 4, part 2 (2011): 8–12 (in Russian).
- Efimov, E.L. *Alikovskaya srednyaya shkola imeni I.Ya Yakovleva (1854–2004)*. Cheboksary: Novoe vremia Publ., 2004 (in Russian).
- Efimov, L.A. “Shkol'noe obrazovanie v Chuvashii v 1920–2000 gg.” abstract of the PhD diss., Saransk, N.P. Ogarev Mordovian State University, 2004 (in Russian).
- Efirov, A.F. *Nerusskie shkoly Povolzh'ya, Priural'ya i Sibiri: istoricheskie ocherki*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1948 (in Russian).
- Ermolov, V.A. “Reforma shkol'nogo obrazovaniia v ramkah kul'turnoi politiki sovetskoj vlasti v 20-kh gg. XX veka (Na primere Novgorodskoj gubernii).” *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 2 (2009): 143–157 (in Russian).
- Ershova, O.V. *Shkol'noe obrazovanie v RSFSR v 1917–1941 godakh: istoricheskii opyt i uroki: na materialakh Chuvashii*: abstract of the PhD diss., I.N. Ulianov Chuvash State University, 2007 (in Russian).

⁵⁵ См.: Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 723, 727, 735, 751.

⁵⁶ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. М., 1992. С. 39.

- Izorkin, A.V., Klement'ev, and V.N., Aleksandrov, G.A. *Istoriia Chuvashii noveishego vremeni*. Bk. 1. Cheboksary: ChGIGN Publ., 2001 (in Russian).
- Khlebnikov A.V., ed. *Epokha sotsializma (1917–1987)*. Vol. 2 of *Istoriya Mariiskoi ASSR*. 2 vols. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987 (in Russian).
- Khuras'kin, M.A. *Atnarskaia sredniaia shkola Krasnochetaiskogo raiona: 1896–2006*. Cheboksary: Chuvash State. Pedagogical I.Ya. Yakovlev University Publ., 2006 (in Russian).
- Kiselev, A.L. *Sotsialisticheskaia kul'tura Mordovii*. Saransk: Mordovian Book Publishing House Publ., 1959 (in Russian).
- Kursheva, G.A. *Obshchestvo, vlast' i obrazovanie v usloviyakh modernizatsii v SSSR: konets 1920-kh – 1930-ye gg.* Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia Publ., 2007 (in Russian).
- Lomshin, A.V. “Razvitie shkol'nogo obrazovaniia, likvidatsiia negramotnosti i osushhestvlenie vseobshchego nachal'nogo obucheniia v Mordovii v 1920-e gg.” *Integratsiia obrazovaniia*, no. 3 (2012): 101–107 (in Russian).
- Mikhailov, P.M. *Kul'turnaia revoliutsiia v Chuvashii*. Cheboksary: Chuvashgosizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Mikhailov, V.T. “Kontseptual'nye pokhody k formirovaniyu sodержaniia obrazovaniia mariiskoi natsional'noi shkoly: 1920–1930 gg.” *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (31) (2018): 75–83 (in Russian).
- Mineeva, E.K., and Zykina, A.P. “Activities of the RSFSR Narkomnats (People's Commissariat of Nationalities) on Creation of National Autonomies.” *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4 (2021): 92–105 (in Russian).
- Ososkov, A.V., Kotkov, K.A. *Narodnoe obrazovanie v Mordovskoi ASSR*. Saransk: Mordovian State Publishing House Publ., 1946 (in Russian).
- Sergeev, T.S. *Fakel znanii: (k 125-letiyu Poretskoi uchitel'skoi seminarii i 40-letiyu shkoly internata im. I.N. Ul'ianova (1872–1997))*. Yekaterinburg; Cheboksary: Ural Science Publ., 1998 (in Russian).
- Sergeev, T.S. *Mechta sbylas': (k 100-letiyu Khodarskoi shkoly imeni I.N. Ul'ianova)*. Cheboksary: [S.n.], 1969 (in Russian).
- Sergeev, T.S. *Shkola poiskov i innovatsii: k 70-letiyu Cheboksarskoi gimnazii № 4*. Cheboksary: Chuvash. state. ped. I.Ya. Yakovlev Univ. Publ., 2006 (in Russian).
- Stepanov, N.S. *Ocherk istorii chuvashskoi sovetskoi shkoly*. Cheboksary: Chuvash State Publ., 1958 (in Russian).
- Timofeev, F.G. *Neskol'ko slov o chuvashskoi shkole*. Cheboksary: Chuvash. otd. State. publishing house, 1921 (in Russian).
- Trofimov, A.T. *Narodnoe obrazovanie v Chuvashii za 15 let*. Cheboksary: Chuvash State Publ., 1935 (in Russian).
- Vorotnikov, M.A. *Kuznitsa uchitel'skikh kadrov*. Tsivil'sk: Tsivil'skii izdatel'skii dom Publ., 2001 (in Russian).
- Yanborisov, M.H. “Sovetskaia obshheobrazovatel'naia shkola v kontse 20-kh – nachale 30-kh godov XX veka: opyt, problemy, uroki (na materialah respubliki Bashkortostan).” *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, no. 1 (2015): 303–307 (in Russian).
- Zykina, A.P. “Nachal'naia i sredniaia shkola Chuvashskogo kraia na rubezhe XIX–XX vekov.” In *Narody Volgo-Ural'ia v istorii i kul'ture Rossii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Cheboksary, ChGU im. I.N. Ul'ianova, 28–29 sentiabria 2018 g. Cheboksary, Sreda Publ., 2018 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Константиновна Минеева, д-р. истор. наук, профессор кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова; 428015, Россия, Чебоксары, пр. Московский, 15; mi-neeveak21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>

Elena K. Mineeva, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of National History, I.N. Ulyanov Chuvash State University; 15, Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russia; mineevaek21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>

Алевтина Петровна Зыкина, канд. пед. наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова; 428015, Россия, Чебоксары, пр. Московский, 15, alevtina-pet@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3486-706X>

Алексей Игоревич Минеев, канд. истор. наук, руководитель центра исследований и подготовки кадров 1С, ООО «Лидер софт – внедренческий центр»; 428015, Россия, Чебоксары, пр. Московский, 17/1; mi-nalig@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>

Alevtina P. Zykina, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department, I.N. Ulyanov Chuvash State University; 15, Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russia; alevtina-pet@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3486-706X>

Alexey I. Mineev, PhD in History, Head of the 1С Research and Training Center, Leader Soft – Implementation Center LLC; 17/1, Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russia; mi-nalig@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5791-6210>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

Научная статья / Research article

Лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана в 1932–1940 гг.

Галина Иванова

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия

✉ ivanovagal@mail.ru

Аннотация: В изучении истории возникновения и деятельности советских лагерей до настоящего времени имеются серьезные лакуны, включая историю создания и функционирования лагерной системы в Прикаспийском регионе. Данное исследование восполняет пробел, существующий в историографии, и дает ответы на актуальные вопросы о локации отдельных лагерных подразделений, причинах, целях, задачах и условиях создания и функционирования лагерно-производственного комплекса в Казахстанском секторе Каспия. Основу источниковой базы составляют документы из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР Государственного архива Российской Федерации. Показано, что с середины 1932 г. Главное управление исправительно-трудовых лагерей Объединенного государственного политического управления (ГУЛАГ ОГПУ) начало интенсивно развивать рыбную отрасль хозяйства с целью создания собственной базы снабжения. ГУЛАГ получил для использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. Для лова и обработки рыбы был создан Прорвинский исправительно-трудовой лагерь, который дислоцировался на острове Прорва в Каспийском море, функционировал с 1932 по 1940 г. и первоначально подчинялся ГУЛАГу ОГПУ. Одним из наиболее крупных подразделений было Гурьевское лагерное отделение с числом заключенных до 2 тыс. человек. Установлено, что создание рыбопромышленного лагерного комплекса на берегах Северного Каспия позволило значительно улучшить снабжение рыбной продукцией всего лагерного населения в СССР. Изучение дислокации рыболовческих лагерей и анализ их производственной деятельности показали, что в целом лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана не получила широкого распространения.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Прорвинский ИТЛ, Казахстан, Прикаспийский регион, репрессии, заключенные, рыбные промыслы

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках проекта № АР 08856940 «Прорвинский и Астраханский лагеря в системе ГУЛАГа (1932–1950 гг.): история, память, уроки».

Для цитирования: Иванова Г.М. Лагерная система в Прикаспийском регионе Казахстана в 1932–1940 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 498–508. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

The Prisoner Camp System in the Caspian Region of Kazakhstan in 1932–1940

Galina Ivanova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ ivanovagal@mail.ru

Abstract: In the study of the history of Soviet camps, there are still serious gaps; in particular, there are no works that reveal the history of the creation and functioning of the camp system in the Caspian region. This study fills the gap in historiography and provides answers to the topical issues of the location

of some camp units, reasons, goals, objectives and conditions for the creation and operation of the camp complex in the Kazakhstan region of the Caspian Sea. The source base of the study is the documents from the fund of the Main Directorate of Camps and Places of Incarceration of the Ministry of Internal Affairs of the USSR of the State Archive of the Russian Federation. The article shows that from the middle of 1932, in the course of solving the problem of creating their own supply base, the OGPU camps began to intensively develop the fishing industry. The GULAG got a new fishing area – Prorva located in the north-eastern part of the Caspian Sea. For catching and processing fish, there was created the Prorva labor camp which functioned from 1932 to 1940; it was initially subordinated to the GULAG OGPU and stationed in the Kazakh ASSR on the island of Prorva in the Caspian Sea. One of the largest units was the Guryev camp with the population of up to 2 thousand people; it was located in the area of the town of Guryev, Kazakh ASSR. The prisoners were engaged in fishing and provided them-selves with fish, the supply of which to the camps was cut off from 1932. The study reveals that the prisoners settled down in the Caspian fishing region of Kazakhstan in extremely difficult climatic, living and working conditions; they made a significant contribution to the provision of camps and colonies with food, since all products manufactured by the Prorva labor camp were sold in the GULAG system.

Keywords: GULAG, Prorva labor camp, Kazakhstan, Caspian region, repressions, prisoners, fisheries

Acknowledgements and Funding: The article has been prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan within the framework of project No. AP 08856940 “Prorva and Astrakhan camps in the GULAG system (1932–1950): history, memory, lessons.”

For citation: Ivanova, Galina. “The prisoner camp system in the Caspian region of Kazakhstan in 1932–1940.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 498–508. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-498-508>

Введение

Открытие советских архивов на рубеже 1980–1990-х гг. и начавшийся на государственном уровне процесс рассекречивания архивных фондов позволили отечественным и зарубежным исследователям приступить к изучению истории ГУЛАГа на качественно новом уровне¹. За прошедшие годы в России и за рубежом появились сотни работ и публикаций по истории массовых репрессий и принудительного труда, включая научные издания, посвященные региональным аспектам истории ГУЛАГа². Однако современные оценки российской и зарубежной литературы показывают, что, несмотря на обилие опубликованных работ, в изучении истории ГУЛАГа до сих пор существуют серьезные лакуны, к числу которых, несомненно, относится проблема создания и функционирования лагерной системы в Северном Прикаспии. Метастазы ГУЛАГа распространились на этот регион еще в начале 1930-х гг. в виде Прорвинского ИТЛ (Прорвлага), а затем Астраханского ИТЛ (Астраханлага). Тем не менее историки до сих пор не имеют достоверных сведений о локации отдельных лагерных подразделений, нет объективных ответов на вопросы о причинах, целях, задачах и условиях создания и функционирования лагерно-производственного комплекса в Казахстанском секторе Каспия. Задача данного исследования – восполнить существующие пробелы и дать ответы на актуальные вопросы.

Основу источниковой базы исследования составили хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) документы из фонда Главного управления мест заключения МВД СССР (ф. Р-9414), дополненные большой группой

¹ Bacon, ed. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. New York, 1994; Иванова Г.М. *ГУЛАГ в системе тоталитарного государства*. М., 1997.

² Harri James R. *The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1921–1931* // *The Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 2. P. 265–280; Гвоздкова Л.И. *История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе*. Кемерово, 1997; Морозов Н.А. *ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956*. Сыктывкар, 1997; Удовенко И.В. *Лагерная система мест заключения в Московском регионе (1918 г. – конец 1930-х гг.)* // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды*. М., 2018. С. 204–211; David-Fox M., ed. *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. Pittsburgh, 2016.

опубликованных материалов. В работе также использовались мемуары и свидетельства лиц, причастных к истории ГУЛАГа в Прикаспийском регионе. Краткие сведения о Прорвлагге содержались в воспоминаниях ихтиолога В.С. Танасийчук³, биолога В.Н. Танасийчука⁴, более подробно рассказал о своем многолетнем пребывании в рыболовческих лагерях Каспия капитан дальнего плавания В.П. Корельский⁵. Что же касается научных публикаций, то они немногочисленны и лапидарны. Первые и, пожалуй, единственные достоверные научные справки о Прорвинском и Астраханском лагерях были опубликованы в 1998 г. в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960»⁶. В последние годы к изучению истории прикаспийских лагерей приступили казахские ученые⁷; данная тема неоднократно становилась предметом обсуждения на международных и республиканских конференциях⁸.

Исходным методологическим научным принципом исследования является объективный критический анализ всего корпуса фактического материала, в первую очередь, новых архивных документов. Все материалы исследуются с помощью структурно-функционального и системного анализа, что позволяет рассмотреть Прорвинский лагерь ГУЛАГа как социально-экономическую структуру.

Причины и цели создания Прорвинского лагеря

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. на территории СССР формируется сеть концентрационных лагерей, официально переименованных в 1929 г. по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) в «исправительно-трудовые лагеря» (ИТЛ)⁹. Лагеря находились в ведении Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). В 1930 г. в его составе было создано Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ). 11 июля 1929 г. правительство поручило ОГПУ организовать ряд новых крупных лагерей в отдаленных районах Советского Союза в целях заселения этих районов и освоения их природных богатств¹⁰. Согласно докладной записке заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды И.В. Сталину об итогах хозяйственной деятельности лагерей за 1932 г. и первый квартал 1933 г., на 1 января 1932 г. в лагерях ОГПУ содержалось 266 тыс. заключенных¹¹. В числе таких лагерей значился Прорвинский ИТЛ, главной задачей которого было ведение крупного рыбопромышленного хозяйства. До 1932 г. рыбные промыслы лагерей находились в Белом, Баренцевом (Кольский залив) и Японском морях. Как отмечал Ягода,

³ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 306–318.

⁴ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 202–214.

⁵ Корельский В.П. На моем веку: Воспоминания, предания рода, размышления. Архангельск, 1996. С. 144–159.

⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 149–150, 364–365.

⁷ Ахметова У.Т., Жумабаев А.Ж. ГУЛАГ жүйесіндегі Прорва лагері (1932–1950 жж.) // Вестник ЗКГУ. 2020. № 3 (79). С. 138–146. [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14)

⁸ Болонина Л.В. Создание Прорвинского исправительно-трудового лагеря в Астраханской области и его производственно-хозяйственная деятельность // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XII Международной научно-практической конференции, Астрахань, 29 апреля 2016 года. Астрахань, 2016. С. 76–79; Ахметова У.Т., Мұқтар Ә.Қ. Прорва еңбекпен түзету лагері тарихынан (1932–1950 жж.) // II Туған елкені зерттеу: оның маңызы және басым бағыттары: Республикалық онлайн ғылыми-тәжірибелік конференциясының материалдар жинағы (15 мамыр, 2020 жыл). Атырау-Сарайшық, 2020.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 791. Л. 22.

¹⁰ ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 64–65.

¹¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3. М., 2004. С. 95.

подавляющее большинство районов, эксплуатируемых лагерями в этих водоемах, являлись наиболее удаленными от центров рыболовства и до занятия их лагерями никем не использовались и не исследовались¹².

Во второй половине 1932 г. лагерь ОГПУ получили для использования новый рыбопромысловый район – Прорвинский, расположенный в северо-восточной части Каспийского моря. Вот как об организации Прорвинского промысла было доложено Сталину:

Данный район, находясь в 700 км от Астрахани, является наиболее отдаленным районом Северного Каспия и характеризуется чрезвычайным мелководьем, отсутствием пресной воды и ранними ледоставами, в силу чего он до сего времени каспийскими рыбопромышленными организациями освоен не был.

Прорвинский район был закреплен за лагерями в июле 1932 г., когда и было приступлено к его организации. К закрытию навигации 1932 г., т. е. в течение 4-х месяцев, промысел был в необходимой мере застроен и снабжен всем потребным для подготовки к весенней путине.

В течение зимы были возведены производственные строения и прорыт канал длиной около 3 км, облегчающий доступ к промыслу с моря¹³.

План вылова на 1933 г. был установлен для Прорвинского промысла в размере 170 тыс. центнеров, что составило 42 % от планового задания крупного рыбопромышленного Волго-Каспийского треста.

Официальный приказ об организации Прорвинского ИТЛ был издан 5 сентября 1932 г. Первоначально лагерь подчинялся ГУЛАГу ОГПУ и дислоцировался в Казахской АССР (так с июня 1925 г. по февраль 1936 г. именовалась казахская национальная автономия на территории современного Казахстана), на острове Прорва в Каспийском море¹⁴.

Появление в системе ГУЛАГа нового рыболовецкого лагеря не было случайностью. Причинами столь пристального внимания ОГПУ к развитию рыбных промыслов силами заключенных явились два обстоятельства, важнейшим из которых был массовый голод, охвативший страну в начале 1930-х гг. Осуществляя директивы советского руководства о создании собственной базы снабжения, лагеря ОГПУ с середины 1932 г. наряду с выполнением крупных государственных заданий начали интенсивно развивать сельскохозяйственную и рыбопромысловую отрасли хозяйства. Однако предпринимаемых руководством ОГПУ мер по снабжению лагерей питанием оказалось явно недостаточно. Если в 1932 г. смертность в ГУЛАГе составила 4,8 % от среднесписочного состава заключенных, то в 1933 г. она подскочила до 15,2 % и только в 1934 г. опустилась до 4,28 %. В Прорвинском ИТЛ дела обстояли ненамного лучше. В 1933 г. смертность здесь была зафиксирована на уровне 10,1 % (среднегодовое число заключенных составляло 7 524 чел.), а в 1934 г. смертность сократилась до 5,19 %, то есть при среднесписочном составе лагерного населения в количестве 9 283 заключенных за год в лагере умерло 482 чел.¹⁵

Анализируя итоги хозяйственной деятельности ОГПУ за истекший год, зампред ОГПУ Г.Г. Ягода в письме от 31 декабря 1933 г. на имя И.В. Сталина и Председателя СНК В.М. Молотова отмечал:

Развернутые в 1932/33 году рыбные промысла уже в этом году дали продукцию, полностью обеспечивающую потребность контингента. При этом добываемые высокоценные сорта рыбы сдаются лагерями государству в обмен на дешевые, идущие для котлового покрытия¹⁶.

¹² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 3. М., 2004. С. 105.

¹³ Там же. С. 104–105.

¹⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 364.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 9, 10.

¹⁶ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 126.

Репрессии в рыбной промышленности

В начале 1930-х гг. интерес ОГПУ к рыбным промыслам объяснялся не только стремлением улучшить снабжение лагерей рыбной продукцией. Было и еще одно обстоятельство, благодаря которому ОГПУ смогло наладить рыбный промысел в ГУЛАГе в промышленных масштабах. Речь идет о массовых политических репрессиях в рыбном хозяйстве. 22 сентября 1930 г. советские газеты сообщили о раскрытии «контрреволюционной организации вредителей рабочего снабжения», а уже 25 сентября появилась информация о расстреле и заключении в концлагеря 48 специалистов, при этом никаких сведений о судебном процессе опубликовано не было. На «вредителей» возложили вину за дефицит мясной и рыбной продукции, возникший на самом деле не по вине мифических «вредителей», а в результате принудительной коллективизации и кооперации¹⁷. В ходе репрессий в рыбной промышленности десятки специалистов были приговорены к различным срокам лишения свободы и направлены в ГУЛАГ. Так, в Прорвинском лагере с первых дней его создания отбывал наказание А.А. Клыков, приговоренный к 10 годам ИТЛ. Это был видный ихтиолог и товаровед, автор популярной книги-учебника «Рыба и рыбные товары», крупный специалист по рыболовству в Каспийском море¹⁸.

Для рационального использования приговоренных к лишению свободы ученых и специалистов требовался их строгий учет и контроль. 25 октября 1933 г. ОГПУ издало циркуляр следующего содержания:

В целях планомерного распределения и лучшего использования вновь осуждаемых специалистов ПП [Полномочные представительства] ОГПУ должны сообщать в ГУЛАГ ОГПУ о всех высококвалифицированных специалистах как осужденных Тройками ПП к лишению свободы, так и осужденных органами НКЮ, находящихся на территории данного ПП ОГПУ <...> Сведения высылаются на всех инженеров, техников, профессоров, научных работников, врачей, агрономов, плановиков-экономистов и крупных адмхозработников (директоров, членов правлений объединений и трестов). По получении от ПП ОГПУ сведений, ГУЛАГ ОГПУ будет выдавать индивидуальные наряды на отправление осужденных специалистов в лагерь¹⁹.

Вскоре на основании данного циркуляра в Прорвинский ИТЛ была направлена группа специалистов рыбного хозяйства. Это были гидробиологи, ихтиологи и другие знатоки ихтиофауны различных морей, работавшие на Мурманской биологической станции Государственного океанографического института СССР. Здесь в 1933 г. прошли массовые аресты сотрудников, многие из которых были обвинены во вредительстве и осуждены по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к заключению в ИТЛ на срок от 3 до 5 лет.

В этот период в разных лагерных отделениях Прорвинского ИТЛ оказались в заключении многие исследователи моря и его обитателей: капитан научного экспедиционного судна «Персей» И.Н. Замяткин; гидрограф А.В. Соколов, гидробиолог М.С. Идельсон; капитан научно-исследовательского судна «Николай Книпович» Т.И. Антуфьев и др. Северный Прикаспий на долгие годы стал местом заключения и ссылки Н.П. Танасийчука, ведущего ихтиолога, заместителя начальника Мурманской биостанции, которого в 1933 г. арестовывали дважды. Сначала – за вредительскую деятельность, направленную «к срыву мероприятий Советской власти по выполнению рыбопромысловой программы», затем – за вхождение в «контрреволюционную вредительскую группу научных сотрудников». 23 декабря тройка Полно-

¹⁷ Дело 48 вредителей рабочего снабжения (1930). Электронный ресурс «Открытый список». URL: [https://ru.openlist.wiki/Категория:Дело_48_вредителей_рабочего_снабжения_\(1930\)](https://ru.openlist.wiki/Категория:Дело_48_вредителей_рабочего_снабжения_(1930)) (дата обращения: 14.05.2021).

¹⁸ Чернавин В.В. Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 91.

¹⁹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М., 2015. С. 170.

мочного представительства ОГПУ приговорила его по ст. 58 п. 7 УК РСФСР к трем годам заключения в концлагерь и к последующей ссылке, направив для отбытия наказания в Астраханское лаготделение Прорвинского ИТЛ²⁰.

Лагерные порядки в этот период отличались определенным своеобразием, некоторыми свободами, особенно в части отношения к заключенным специалистам. В начале 1930-х гг. от осужденных, как и от их родственников, еще не скрывали место отбытия наказания. Это позволяло женам переезжать поближе к месту заключения их мужей, искать там работу, что, конечно, значительно облегчало участь невинно осужденных. Так, жена Н.П. Танасийчука, В.С. Танасийчук, как только узнала, что мужа направляют в Астрахань, сумела быстро получить место гидробиолога на Волго-Каспийской научной рыбохозяйственной станции и обосноваться в Астрахани, где она имела возможность регулярно навещать осужденного мужа. Вот как она описывала то место, куда Н.П. Танасийчука направили отбывать наказание:

Лагерь располагался километрах в 3–4 от Астрахани. Я доезжала на трамвае до кладбища и дальше шла пешком степью. Лагерь был огорожен колючей проволокой с наблюдательными башенками. У ворот стояли часовые. Через лагерь протекала речка, соединенная с Волгой (может быть, рукав дельты), и туда приходили гулаговские промысловые суда (с черными парусами в отличие от обычных рыбачьих судов, у которых паруса были светлые) и суда-приемки. Был приемный плот; Н.П. [Николай Парфентьевич] был плотовым, т.е. приемщиком рыбы. Политические и уголовники были перемешаны, хотя наши все жили в одном маленьком домике. Вообще в те годы жизнь в концлагере была не очень трудной. Легко давали свидания. Я приходила после работы ежедневно, приносила передачу. В лагере кормили по тем временам сносно, на воле питались не лучше. Но у нас был рынок, где было все: мясо, яйца, молоко, овощи, рыба. Я подходила к воротам и просила часового вызвать «такого-то». Он кричал кому-нибудь из лагерников, и Н.П. [Николай Парфентьевич] приходил и даже выходил за ворота. Можно было разговаривать, сколько хотелось (хоть час, хоть полтора), и никто нас не слушал (конечно, вечером, после работы)²¹.

Хотя В.С. Танасийчук не дает точного названия лагеря, скорее всего, она его и не знала, но по ее словесному описанию «астраханского концлагеря» можно предположить, что речь идет о лагерном подразделении – Болдинской командировке, расположенной на реке Болде, Астраханского отдельного лагерного пункта (ОЛП) Прорвинского ИТЛ. Через эту командировку проходила реализация всей рыбной продукции лагеря. Нет ясности в рассказе Танасийчук о том, что гулаговские промысловые суда ходили под черными парусами. Эта информация активно используется в краеведческой публицистике, однако документальных подтверждений пока не находит.

Структура и повседневная жизнь обитателей Прорвинского ИТЛ

Ведомственная подчиненность Прорвинского ИТЛ, дислокация его Управления, как и структура лагеря неоднократно менялись. В разные годы Прорвлаг подчинялся ГУЛАГу ОГПУ, краевым органам ОГПУ и НКВД по Нижне-Волжскому и Сталинградскому краям, с 1936 г. находился в непосредственном подчинении ГУЛАГу НКВД СССР. Управление лагеря в разные периоды дислоцировалось на острове Прорва в Каспийском море, в Астрахани и в Гурьеве²². Структура Прорвинского ИТЛ также не оставалась неизменной. Лагерь неоднократно реорганизовывался и включал в себя в качестве подразделений лаготделения, лагпункты, командировки.

²⁰ Танасийчук В.С. Аресты на мурманской биологической станции в 1933 году // Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 8–9.

²¹ Там же. С. 8.

²² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 364–365.

Кроме Болдинской командировки Астраханского ОЛП, в структуре Прорвлага находилась Бурунчукская командировка, расположенная на мысе Бурунчук полуострова Бузачи Северного Каспия. Она была прикреплена к Гурьевскому лаготделению и в основном занималась ловом рыбы ставными неводами²³. Это было наиболее отдаленное от лагерного управления подразделение Прорвинского ИТЛ. Сообщение с Бурунчукской командировкой производилось только водным путем, расстояние от Астрахани, по принятому курсу следования судов, составляло около 780 км²⁴.

В 1934 г. Прорвинский ИТЛ выловил 171 200 центнеров рыбы при плане в 160 тыс. центнеров, что составило 107 % плана. Это позволило наркомунвнутренних дел СССР Г.Г. Ягоде доложить в январе 1935 г. И.В. Сталину:

Результаты лова 1934 года дают основание считать Прорвинский район освоенным для дальнейшего развития в нем рыболовства²⁵.

На 1935 г. программа лова Прорвинскому лагерю была увеличена до 210 тыс. центнеров.

Специфика рыболовецкой деятельности лагеря была такова, что многих заключенных расконвоировали, то есть позволяли передвигаться за пределами лагеря без конвоя, особенно это касалось специалистов. Однако при любом ужесточении лагерного режима (например, после убийства С.М. Кирова) их снова заключали под стражу. Но чтобы ловить рыбу, надо было ее найти, а для этого нужны были расконвоированные специалисты. Так, ихтиолог Н.П. Танасийчук был расконвоирован и назначен помощником начальника промысловой разведки Прорвинского ИТЛ. По воспоминаниям его сына, В.Н. Танасийчука,

на маленьком суденышке лагерной промысловой разведки он [отец] плавал по Северному Каспию и мог даже иногда заплывать в Астрахань для консультаций с настоящей, не лагерной, Промразведкой²⁶.

Кстати, начальником разведывательного судна был заключенный-ихтиолог А.А. Клыков.

Согласно официальным данным плановой группы ГУЛАГа НКВД среднесписочный состав населения Прорвинского ИТЛ насчитывал в ноябре 1934 г. 10 500 чел., в январе 1935 г. – 10 800 чел. Трудовое использование заключенных колебалось в зависимости от времени года и характеризовалось следующими показателями. В ноябре 1934 г. удельный вес группы «А» (рабочая сила на производстве) составлял 74,8 % от общей численности лагнаселения, в январе 1935 г. – 78,5 %; удельный вес группы «Б» (хозлагодслуга) – 11,5 и 11,2% соответственно; группы «В» (неработающие) – 13,7 и 10,3 %. Больные и слабосильные составляли в общем числе заключенных 9,9 и 8,1 % соответственно²⁷.

Одним из массовых заболеваний в лагерях ГУЛАГа в середине 1930-х гг. была малярия. Как докладывал 28 декабря 1936 г. начальник Санитарного отдела ГУЛАГа НКВД военврач I ранга И.Г. Гинзбург руководству Главного управления лагерей,

²³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

²⁴ Там же. Д. 28. Л. 79.

²⁵ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. М., 2004. Т. 3. С. 124.

²⁶ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 204.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2922. Л. 3, 5–8; Там же. Д. 2924. Л. 3, 5–8.

в связи со специфическими условиями быта и производственных работ лагерей (недостаточно приспособленные и временного характера жилища, работа в открытых и часто заболоченных и малярийных местностях), малярия представляла для исправительно-трудовых лагерей значительное бедствие²⁸.

В 1934 г. малярия дала в шести лагерях (Карагандинском, Среднеазиатском, Прорвинском, Дмитровском, Байкало-Амурском, Сибирском), наиболее неблагоприятных в этом отношении, опасную статистику: на 1000 человек лагерного населения – 141 заболевание, а в 1935 г. – 187. Особенно напряженным было положение в Прорвинском ИТЛ, где в 1935 г. на 1 тыс. чел. приходилось 330 заболеваний. Благодаря проведению ряда противомаларийных мероприятий лечебного и профилактического характера заболеваемость малярией постепенно начала снижаться. Определенные успехи в этом деле отмечались в Прорвлага, здесь в 1936 г. заболеваемость снизилась до 245 случаев на 1 тыс. заключенных, соответственно, уменьшились потери рабочих дней. За достигнутые успехи в борьбе с малярией начальник ГУЛАГа М.Д. Берман распорядился выдать начальнику Прорвинского ИТЛ 3 тыс. руб.

для премирования хорошо работавших по малярии медработников из числа вольнонаемных и заключенных²⁹.

В лечебных учреждениях лагерей ОГПУ в числе высшего и среднего медицинского и аптечного персонала работали наряду с вольнонаемными специалистами также и заключенные. Так, в 1933 г. в Прорвинском ИТЛ при годовом среднесписочном составе заключенных в 7 500 чел. работали три врача, из них – два заключенных и один вольнонаемный; пять квалифицированных лекпомов (помощников лекаря, врача; фельдшер. – *Г.И.*), в их числе два заключенных и три вольнонаемных; пять малоквалифицированных лекпомов – все заключенные; 18 медсестер, из них – 13 заключенных и 5 вольнонаемных; три аптечных работника, из них – два заключенных и один вольнонаемный, а также один зубной врач из числа заключенных. Сравнение с общелагерной статистикой показывает, что Прорвинский ИТЛ был обеспечен медицинскими кадрами значительно хуже, чем лагеря ОГПУ в целом. Так, в этот же период в лагерях ГУЛАГа при средней численности заключенных 443 тыс. чел. работали 310 врачей, 329 квалифицированных и 439 малоквалифицированных лекпомов, 1 254 медсестры, 171 аптечный работник и 62 зубных врача, то есть на одного медицинского работника приходилось значительно меньше заключенных, чем в Прорвлага³⁰. Недостаток медперсонала в Прорвинском ИТЛ объяснялся чрезвычайно тяжелыми условиями проживания, удаленностью лагерных подразделений от гражданских поселений с развитой инфраструктурой, а также отсутствием медицинских кадров среди местного казахского населения.

Рыбное хозяйство Прорвлага

Производственная деятельность Прорвлага в течение всех лет его существования была связана с рыбной промышленностью. К концу 1930-х гг. ловом рыбы и выпуском готовой рыбной продукции в системе ГУЛАГа занимались Владивостокский лагерь, организованный в 1939 г. на базе закрытого Дальневосточного ИТЛ, и Прорвинский лагерь, на долю которых приходилось почти 60 % всего рыбного улова по ГУЛАГу³¹. На ловле рыбы специализировались также несколько исправительно-трудовых колоний, находившихся в различных регионах страны. Вла-

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 1, 2а, 3, 8, 9.

³⁰ Там же. Д. 4. Л. 60.

³¹ Там же. Д. 16. Л. 144.

дивостокский ИТЛ всю выловленную рыбу подвергал переработке, помещал в тару и направлял морским путем во Владивосток, откуда рыбная продукция отгружалась по нарядам Главного управления сбыта (Главрыбсбыта) Наркомата рыбной промышленности СССР в Москву, Ленинград, Киев, Харьков и другие города³². Что же касается Прорвинского ИТЛ, то выпускаемая им продукция в основном реализовывалась в системе ГУЛАГа НКВД.

Рыбное хозяйство Прорвлага имело промысловый флот в количестве до 1 115 единиц, в том числе 101 моторное судно и 4 парохода, а также вспомогательные и обслуживающие суда. Весь рыбопромысловый флот и орудия лова были распределены и закреплены за отдельными лагерными подразделениями Прорвинского ИТЛ. В их числе одним из наиболее крупных было Гурьевское отделение с населением до 2 тыс. чел., расположенное на правом берегу р. Урал ниже г. Гурьева на 7 км. Для обработки добываемой рыбы это лагерное отделение имело один береговой и два плавучих рыбозавода³³.

Перспективным подразделением из-за близости к морю считалось Мумринское отделение с населением до 2 200 чел., организованное в составе лагеря в 1939 г. из командировки. Оно располагалось в 90 км по воде от Астрахани в Икрянинском районе Сталинградской области. Отделению передали рыболовецкие и обслуживающие суда, два плавучих рыбозавода, а также необходимое для лова и обработки рыбы оборудование. Здесь были построены бараки для заключенных, контора для вольнонаемных служащих, механическая мастерская, планировалось строительство стационарного рыбозавода.

В 12 км от Астрахани на берегу реки Прямая Болда располагался Астраханский ОЛП с лагнаселением до 1 100 чел. Основным видом работ этого лагерного пункта была обработка рыбы на береговом рыбозаводе (посол и копчение). Хранением готовой продукции в специальном холодильнике-леднике занималась Болдинская командировка, входившая в состав Астраханского ОЛП.

В целях обеспечения планомерной деятельности основного производства (добыча и обработка рыбы) лагерь имел целый ряд подсобных производств. Во всех отделениях работали механические мастерские, предназначенные для ремонта двигателей моторного флота; мастерские по изготовлению и ремонту орудий лова. Вся подготовка рыболовного оснащения осуществлялась собственными силами лагеря, работы производились ручным способом. Государственная промышленность поставляла лагерю только материалы для производства орудий лова. Бондарные мастерские изготавливали и ремонтировали тару для фасовки рыбной продукции, практически все работы осуществлялись вручную, частично механизированной была только Гурьевская мастерская. Кроме различных мастерских лагерь имел небольшие подсобные хозяйства, где производили сельскохозяйственную и животноводческую продукцию для собственных нужд.

Прорвинский ИТЛ располагался в безлесной полосе, и вся производственная, строительная и ремонтная деятельность лагерных подразделений зависела исключительно от завозного леса. В качестве строительных материалов широко применялся саман, камышитовые щитки, которые вырабатывались на месте. Основным средством связи и передвижения между лагерными подразделениями служил водный транспорт.

Значительная часть Прорвинского лагеря находилась в зоне резко континентального климата. В течение года наблюдались сильные перепады температуры – в зимнее время температура опускалась до минус 30 градусов и ниже, а летом по-

³² ГУЛАГ: главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 759–760.

³³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 22.

вышалась до 40 и более градусов, то есть разница зимних и летних температур достигала 70 и более градусов. Осадков и в зимнее, и летнее время выпадало очень мало, а вот ветры, порой достигавшие силы 10–12 баллов, не стихали круглый год. Как отмечалось в краткой характеристике политико-экономического состояния лагеря,

наличие ветров затрудняет промысел рыбы, иногда на протяжении целого месяца бывает 2–3 дня тихой погоды, а в остальные дни сила ветра достигает от 3-х до 5 баллов³⁴.

Управление лагеря в конце 1930-х – начале 1940-х гг. находилось в Астрахани, удаленной от Москвы на 1526 км. Связь с Москвой осуществлялась по железной дороге и аэрофлотом. Кроме заключенных в лагере работали и вольнонаемные кадры, среди которых были и те, которые отбыли наказание и остались на рыбном промысле в качестве вольнонаемных. К началу 1940-х гг. в лагере работали по вольному найму 938 чел., включая военизированных охранников. Среди них насчитывалось 148 членов ВКП (б) и 245 членов ВЛКСМ. Инженерно-технические должности занимали 75 чел. Руководство ГУЛАГа проявляло определенную заботу о вольнонаемном составе лагерей. Так, для служащих лагерного управления в Астрахани был построен жилой дом на 17 квартир; организована работа распределителя для ограниченного круга лиц, регулярно снабжавшего сотрудников продуктами первой необходимости. В лагерных подразделениях, хотя и не во всех, строилось жилье для служащих, имелись культурные учреждения – клубы, читальни, доставлялась периодическая печать³⁵.

Некоторые специалисты из числа бывших заключенных, направленные после отбытия наказания на спецпоселение, пытались осесть и найти работу в Гурьеве. В.Н. Танасийчук, ссыльным родителям которого удалось добиться разрешения на проживание в пределах Гурьевской области, оставил следующие воспоминания:

Гурьев – небольшой город, где вдоль берегов Урала стояли бесчисленные ветряки, качающие воду на огороды, а с неба сыпалась сажа, ибо топили здесь мазутом. Гурьев был добрым для нас. Мы получили комнату в доме Рыбхозстанции, где родители были единственными сотрудниками, а я – лаборантом <...> Отца мы почти не видели – он пропал на промыслах по всему Северному Каспию³⁶.

Выводы

Весной 1940 г. началась реорганизация Прорвлага: 17 апреля он был закрыт, а точнее, переименован в Астраханский ИТЛ, управление которого в этот период дислоцировалось в г. Астрахани Сталинградской области. Производственный профиль лагеря не менялся в течение всех лет его существования. В тяжелейших климатических, бытовых и санитарных условиях заключенные осваивали труднодоступный рыбопромысловый район, занимающий северную часть Каспия, включая низовья рек Урала и Волги с ее дельтой, вылавливали и обрабатывали рыбу с целью обеспечения всего лагерного населения страны рыбной продукцией, поскольку лагеря ГУЛАГа начиная с 1932 г. от государства этой продукции не получали. Всю рыбу высокоценных пород, которую добывали заключенные, Прорвинский ИТЛ сдавал государственным организациям в обмен на дешевые сорта. Деятельность лагеря способствовала развитию рыбодобывающей и рыбообрабатывающей промышленности Каспия, однако слабо развитая инфраструктура Прорвлага не оказала заметного влияния на развитие населенных пунктов в Прикаспийском регионе. Сам лагерь не сохранился в памяти местных жителей. В краеведческой литературе его нередко

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 853. Л. 24.

³⁵ Там же. Л. 23.

³⁶ Танасийчук В.Н. Дорога в Джурун и обратно // Звезда. 1998. № 11. С. 213.

называют забытым островом архипелага ГУЛАГ, что совсем неудивительно, поскольку местность, где возник и функционировал Прорвинский ИТЛ, была не только безводной, но и безлюдной.

Поступила в редакцию / Submitted: 30.06.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.08.2022

References

- Akhmetova, U.T., Mukhtar, A.K. “From the history of the labor correctional camp Prorva (1932–1950).” *II Study of the native land: its importance and priorities: Proceedings of the Republican online scientific-practical conference (May 15, 2020)*. Atyrau-Saraishyk: [N.s.], 2020 (in Kazakh).
- Akhmetova, U.T., Zhumabaev, A.Zh. “Prorva camp in the Gulag system (1932–1950).” *Bulletin of WKSU*, no. 3 (2020): 138–146 (in Kazakh). [https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79\(3\).14](https://doi.org/10.37238/1680-0761.2020.79(3).14)
- Bacon, Ed. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives*. New York: New York University Press, 1994.
- Bolonina, L.V. “Creation of the Prorvinsky forced labor camp in the Astrakhan region and its production and economic activities.” In *Crossroads of history. Actual problems of historical science: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Astrakhan, April 29, 2016*, 76–79. Astrakhan: Individual entrepreneur Sorokin Roman Vasilievich, 2016 (in Russian).
- Chernavin, V.V. *Notes of the “wrecker”. Escape from the Gulag*. St. Petersburg: Canon Publ., 1999 (in Russian).
- David-Fox, M., ed. *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*. University of Pittsburgh Press, 2016.
- Gvozdkova, L.I. *History of repressions and Stalin's camps in Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 1997 (in Russian).
- Ivanova, G.M. *GULAG in the system of a totalitarian state*. Moscow: MONF Publ., 1997 (in Russian).
- Ivanova, G.M. *The history of the GULAG: 1918–1958*. Moscow: Politicheskaya Entsiklopedia Publ., 2015 (in Russian).
- James, R. Harris. “The Growth of the Gulag: Forced Labor in the Urals Region, 1921–1931.” *The Russian Review* 56, no. 2 (1997): 265–280.
- Kokurin, A.I., Petrov, N.V. “GULAG: structure and personnel.” *Free thought*, no. 8 (1999): 109–126 (in Russian).
- Korelskiy, V.P. *In my time: Memories, traditions of the family, reflections*. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 1996 (in Russian).
- Morozov, N.A. *GULAG in the Komi region. 1929–1956*. Syktyvkar: Komi book Publishing House, 1997 (in Russian).
- Tanasiychuk, V.N. “The road to Dzhurun and back.” *Star*, no. 11 (1998): 202–214 (in Russian).
- Tanasiychuk, V.S. “Arrests at the Murmansk biological station in 1933.” *Repressed Science*. Issue 2, 306–318. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994 (in Russian).
- Udovenko, I.V. “The camp system of places of detention in the Moscow region (1918 – the end of the 1930s).” In *History of Russia from ancient times to the 21st century: problems, discussions, new views*, 204–211. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2018 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Иванова Галина Михайловна, д-р истор. наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; iriran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

Galina M. Ivanova, Dr. Habil. Hist., Chief Research Fellow, Center for Social History of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriya Ulyanova Str., Moscow, 117292, Russia; iriran@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3784-5619>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-509-525>

Research article / Научная статья

U.S. and ‘Turkestan’ Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty¹ in Soviet Central Asia

Alexey Antoshin

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

✉ alex_antoshin@mail.ru

Abstract: US policy in Central Asia is a topical issue that causes discussions among researchers. One can't help wondering about the origins of this policy, particularly during the Cold War era. This, in turn, leads scholars to question the U.S.'s role in the disintegration of the Soviet Union and the formation of independent states in the former territory of Soviet Central Asia. This article discusses the effectiveness of American propaganda services operating in Central Asia during the Cold War. The most prominent structure which tried to influence political sentiments of population of this region was Radio Liberty (RL). It consisted of former Nazi collaborators during World War II, and Soviet propaganda apparatus used this situation. RL used the concept of a united anti-communist Turkestan which was unacceptable for real situations in Soviet Central Asia. Jamming and the lack of feedback from listeners made great obstacles for activity of RL in this region. That is why the author attempts to prove that the effectiveness of this activity was not so great as its financial support. Using archives of Russian and American security services and documents of Central Asian archives, future scholars will have the possibility to clarify this conclusion.

Keywords: Radio Liberty, Cold War, Central Asia, political exiles, Islam in the USSR

Acknowledgements and Funding: The assistance of Prof. Melissa Hauke, Prof. Ekaterina Purgina and Mr. Ian Miller, in the preparation of this article is acknowledged and appreciated.

For citation: Antoshin, Alexey. “U.S. and ‘Turkestan’ Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 509–525. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-509-525>

США и «туркестанские» политэмигранты в холодной войне: информационная политика Радио Свобода² в советской Центральной Азии

Алексей Антошин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

✉ alex_antoshin@mail.ru

Аннотация: Политика США в Центральной Азии является актуальной проблемой, которая вызывает дискуссии среди исследователей. Нельзя не задаться вопросом об истоках этой политики, особенно в эпоху холодной войны. Это, в свою очередь, заставляет ученых ставить вопрос о роли США в распаде Советского Союза и образовании независимых государств на бывшей территории советской Средней Азии. В исследовании рассматривается эффективность американских пропа-

© Antoshin A., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

¹ LLC “Radio Liberty” is included in the list of foreign media agents.

² ООО «Радио Свобода» внесено в список СМИ-иноагентов.

гандистских служб, действовавших на регион Центральной Азии в период холодной войны. Самой заметной структурой, которая пыталась влиять на политические настроения населения этого региона, было Радио Свобода (РС). Ее подразделения, ориентированные на регион Средней Азии, состояли из бывших коллаборационистов во время Второй мировой войны, и советский пропагандистский аппарат воспользовался этой ситуацией. РС использовала концепцию единого антикоммунистического Туркестана, которая не соответствовала реальной ситуации в советской Средней Азии. Глушение передач радиостанции и отсутствие обратной связи со слушателями создавали большие препятствия для деятельности РС в этом регионе. Именно это доказывает, что эффективность этой деятельности была не столь велика, как ее финансовое обеспечение. Используя архивы российских и американских спецслужб и документы центральноазиатских архивов, исследователи в будущем получат возможность уточнить этот вывод.

Ключевые слова: Радио Свобода, холодная война, Средняя Азия, политические эмигранты, ислам в СССР

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФ № 22-28-01705 «Интернационализация проблемы беженцев, «перемещенных лиц» и малых народов в условиях холодной войны».

Для цитирования: *Antoshin A. U.S. and ‘Turkestan’ Political Exiles during the Cold War: Information Policy of Radio Liberty in Soviet Central Asia // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 509–525. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-509-525>*

Introduction

The problem of nationalism was one of the key questions in the Cold War. The Soviet Union was a multinational country and the U.S. tried to use this special characteristic in global confrontation. The U.S. activity in Central Asia is among some of the most under-explored yet interesting episodes in the history of the Cold War. This region attracted attention of American propaganda and security services. Central Asia was a significant part of the Soviet Union; therefore, for the U.S. it was very important to receive more information about this region and to attempt to influence the political situation. It was also necessary to form a structure which specialized in anti-Soviet propaganda in the different languages of Central Asia. Radio Liberty (RL) was to be such a structure.

The emergence of RL was associated with a sharp aggravation of Soviet-American relations, a kind of “apogee”: the Korean War. The foundation of RL was initiated by the American Committee for Liberation from Bolshevism which was headed by Eugene Lyons. Most of the members of the Committee (William Chamberlin, Charles Edison, Isaak Don Levin and some others) had specialized in “Russian” problems for many years, but they only had a vague idea of the mentality of the various peoples of the USSR (particularly peoples of Central Asia). This station was formed as Radio Liberation, and broadcasting began in 1953. Initially funded by the CIA, RL broadcasted on nine transmitters located in Western Germany from studios in Munich. Three of these nine transmitters broadcast fifteen-minute programs in the minority languages of the Soviet Union (particularly the languages of Central Asia). About 40 percent of the scripts originated in New York; 30 percent came from Munich; and 30 percent from outside contributors.³ American management, therefore, determined an important part of the program content of RL. The station was renamed Radio Liberty in 1959, and Radio Free Europe joined it in 1976. There were many well-known dissidents and non-conformists among RL’s journalists. Only in 1988 did Soviet authorities stop the jamming of RL broadcasting. After the end of the Cold War, financial resources of RL decreased and some national services were closed.

³ See Alan Snyder, *Warriors of Disinformation: American Propaganda, Soviet Lies and The Winning of the Cold War* (New York: Arcade, 1995), 34.

This article tries to prove that RL was not an effective instrument in fighting the Cold War in Central Asia due to the lack of relevant personnel, an unrealistic concept of Turkestan, and the lack of information concerning that region (especially concerning the significance of an Islamic factor), and the jamming and lack of feedback.

A history of study and scholarship base

The activities of RL toward the peoples of Central Asia were discussed in a number of comprehensive works by Soviet authors who were devoted to the ideological confrontation between the U.S. and the USSR. Soviet propaganda literature stressed that, among the employees of the U.S. institutions specializing in Central Asian problems, there were many people who collaborated with the Nazis during World War II. This situation was particularly emphasized in the memoirs of Taukel Amirov, a soldier of the Red Army and imprisoned during World War II, who ended up serving in the “Turkestan” legion of the Wehrmacht.⁴ Another Soviet author, Serik Shakibaev, also wrote about the use of the former Turkestan legionnaires by the Americans in their ideological struggle against the Soviet Union.⁵ The authors of these papers believed that their primary goal was to expose the futility of the “Liberty” radio station's attempts to influence the political consciousness of Soviet society.

This problem is also covered by some studies written by modern Central Asian historians. One of the most significant works is by Kazakh historian Bakhyt Sadykova, who wrote about collaboration between some RL officers and Nazi Germany during World War II⁶. Such studies are mainly devoted to World War II; the Cold War era is not the center of their attention.

The history of RL has received some coverage in American research literature. An important contribution to the study of American propaganda in the Soviet Union was made by L. Martin and A. Snyder. L. John Martin, a journalist from Detroit Free Press and a professor at the Universities of Minnesota, Oregon and Nebraska, characterized American international propagandist as having “a choice of truths.” Furthermore, an officer of these propaganda institutions was “on firmer ground” when he was telling the truth than when he was telling downright lies.⁷ In his monograph, L. John Martin briefly described the formation of the American Committee for Liberation from Bolshevism and its activities in the 1950s. He showed that there was a rapid development of American propaganda apparatus and an increase of its activity during the Cold War. Alan Snyder, a former Worldnet director, retold the entire history of American international propaganda in the Cold War from the late 1940s to the 1980s.⁸ Snyder also touched upon some technical aspects of this activity, for example, he wrote about the system of transmitters that were used by RL. Since Alan Snyder participated in the ideological struggle led by the American propaganda apparatus in the Cold War, his book contains personal impressions about this epoch. The main stages of the history of the United States Information Agency (USIA) were presented in detail in a number of studies by Nicholas Cull, particularly in his monograph.⁹

In 2013 *Cold War History's* special issue was devoted to “Radio Wars” during the Cold War (articles by Linda Risso and Friederike Kind-Kovacs are the most important

⁴ See Taukel Amirov, *Krakh legiona* (Alma-Ata: Kazakhstan, 1970), 86–87.

⁵ See Serik Shakibaev, Padenie “Bolshogo Turkestana” (Alma-Ata, 1972), 286.

⁶ See Bakhyt Sadykova, *Turkestan Legion*, http://www.continent.kz/library/turkestan_legion.html

⁷ See L. John Martin, *International Propaganda: Its Legal and Diplomatic Control* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958), 17.

⁸ See Alan Snyder, *Warriors of Disinformation*.

⁹ See Nicholas Cull, *The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009).

for our research).¹⁰ It's necessary to highlight also the article by Javier Gil Guerrero devoted to American propaganda campaign directed at Islam during the Carter administration. He stresses that

the damage control effort was transformed into an attempt to rally Muslims – both outside and inside the Soviet Union – against Soviet Communism.¹¹

Simo Mikkonen's articles, dedicated to how the American secret services used emigrants from the USSR to further their own goals, are also worthy of note.¹²

Generally, though, American authors were reluctant to discuss the methods used by RL to spread anti-Communist propaganda among the populations of Soviet Central Asia. Rarely did historians resort to materials from the personal archives of the American management representatives of this radio station, which makes the problem of American policy in Soviet Central Asia all the more interesting and needing further research.

In this aspect it's necessary to highlight study by Artemy Kalinovsky.¹³ “An intelligence officer and occasional scholar” Paul Henze is at the center of this article. The author proves that particularly Henze played a great role in “bringing the view of hard-line Cold War Orientalists” into the policy mainstream of America.¹⁴ Artemy Kalinovsky actively used materials deposited at Carter Library.

This present study is based on archival material stored in the Department of Special Collections, Georgetown University Library (Washington DC, USA). Here reside personal papers of the people who had great influence on the formation of the information policy of “Radio Liberation”/“Radio Liberty” at different stages of its history. We mean, for example, Robert Kelly,¹⁵ who spearheaded 'Radio Liberation' in the 1950s; and John Lodeesen,¹⁶ who occupied a key position at the radio station from the late 1960s until the early 1980s. The official correspondence of these people along with the radio station staff and officials of the U.S. government agencies, allows one to clarify the decision-making mechanism at the radio station and the formation of information policy at RL.

¹⁰ See Linda Rizzo, “Radio Wars: Broadcasting in the Cold War,” *Cold War History* 13, no. 2 (2013): 145–152; Friederike Kind-Kovacs, “Voices, Letters and Literature through the Iron Curtain: exiles and the (trans)mission of radio in the Cold War,” *Cold War History* 13, no. 2 (2013): 193–219. <https://doi.org/10.1080/14682745.2012.746666>

¹¹ Javier Gil Guerrero, “Propaganda Broadcasts and Cold War Politics: The Carter Administration's Outreach to Islam,” *Journal of Cold War Studies* 19, no. 1 (2017): 4. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00716

¹² See Simo Mikkonen, “Exploiting the Exiles: Soviet Emigres in U.S. Cold War Strategy,” *Journal of Cold War Studies* 14, no. 2 (2012): 98–127.

¹³ Artemy Kalinovsky, “Encouraging Resistance: Paul Henze, the Bennigsen School and the Crisis of Détente,” in Michael Kemper and Artemy Kalinovsky, eds. *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientalologies during the Cold War* (Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe, 2015), 211–232.

¹⁴ *Ibid.*, p. 211.

¹⁵ Robert F. Kelly (1894–1975) graduated from Harvard University. Diplomat, sovietologist. In 1926–1937 he was the Head of the Eastern European Branch of the Department of State. Since the 1940s he actively engaged in establishing contacts with political emigrants from the Soviet Union. He was one of the founders of the American Committee. From 1953 he was the Vice-President of the “Liberation” radio station (later – “Liberty”).

¹⁶ Jon Lodeesen (1934–1993) received a BA in Foreign Policy at the University of Virginia (1955) and a Master of International Relations (specialization “Soviet Studies”) at the American University in Washington, DC (1958). In 1955–1958 he served in military intelligence as a translator from the Russian language and as an intelligence analyst. 1959 he worked on the diplomatic service: he was an officer at the U.S. Department of State, Bureau of European Affairs; U.S. Vice Consul in Belo Horizonte (Brazil); officer at the Soviet-African relations of the Department of State. In 1966–1968 he became an officer of the U.S. Embassy in Moscow; in 1968–1970 he was a permanent member of the international headquarters of NATO, an expert on Soviet issues. 1969 he worked at Radio “Liberty”/Radio “Free Europe”: as chief of political headquarters, head of program policy, program manager of the Russian service, director of policy and research issues; after 1984, as director of U.S. operations.

Among the personal documents used in this current study is a memoir by Turkmen anti-communist activist Murat Tachmyrat,¹⁷ who worked at RL. The crucial feature of this memoir is the author's desire to explain his political behavior and to stress that he always fought against Communism for the independence of Turkmenistan.

Apart from personal documents, the protocols of anti-Communist conferences which took place in West Germany in the 1950s were used. These conferences, organized by the American Committee for Liberation from Bolshevism, laid the groundwork for the formation of RL. Additionally, exiles from Central Asia also participated in these meetings. Documents deposited at the State Archives of the Russian Federation provide evidence on the formation of the anti-Communist bloc of peoples of the Soviet Union and show deep contradictions between its founders already at the beginning of the 1950s. Comparing the data provided by all these sources, it is possible to understand the special characteristics of RL activity in Soviet Central Asia during the Cold War.

A way to the radio: RI experts on Central Asia problems

American management of RL had very difficult task – to find qualified personnel for “Turkestan” service. There were very few intellectuals among political emigres from Soviet Central Asia during the Cold War. Their fates were closely connected with World War II; they actively collaborated with Nazi Germany. One of the main collaborators was Karis Kanatbay, who was ethnically Kazakh and a former Soviet mining engineer. In 1941, as a lieutenant of the Red Army, he was captured by the Germans.¹⁸ He was in a POW camp in Latvia where he made friends with Mustafa Chokay,¹⁹ a famous figure of the anti-Bolshevik movement of the peoples of Central Asia during the 1920s. Kanatbay joined the Wehrmacht infantry battalion 'Turkestan'. After the defeat of the Nazis, Karis Kanatbay surrendered to British forces and lived in Western Europe.

Kanatbay's closest ally was Aman Berdymurat. Before World War II, he had been a lecturer at Ashgabat Polytechnic Institute (in the Turkmen Soviet Republic) and worked on his thesis “The Nationalities Question in the Soviet Union.”²⁰ He was also captured by German Army and began to collaborate with the Nazis.

One of the key persons at the Turkestan service of RL was Murat Tachmyrat. He was born in 1920 in Soviet Turkmenistan. Before World War II, he was a student at the Ashkhabad Pedagogical Institute. After the start of the Soviet-German war in June 1941, he was drafted into the Red Army and was soon captured. He was in POW camps in Latvia too. In captivity Tachmyrat joined the Wehrmacht battalion “Turkestan,” where he met Aman Berdymurat. After the end of the war, they worked together at the Turkestan service of RL and at the related structures created in the 1950s (for example, at the Munich Institute for the Study of the USSR).²¹

As a result, we see that World War II played an important role in the formation of this small group of people. These people met in POW camps in Latvia and Wehrmacht battalion “Turkestan.” Firstly, they were intellectual leaders of Nazi action oriented to former soldiers and officers from Soviet Central Asia. It was difficult to understand – were they truly supporters of anti-Soviet ideology in that period? It was possible they

¹⁷ Murat Tachmyrat, *Vospominaniia*, <http://www.turkmeny.h1.ru>

¹⁸ See Bakhyt Sadykova, *Turkestan Legion*.

¹⁹ Mustafa Chokay (Chokaev) (1890–1941) came from a noble family connected with Khiva's Khan dynasty. Graduated from the Law faculty of St.Petersburg University. In 1917 he was the head of Turkestan Muslim Council. In the 1919–1920 he was the chairman of the Kokand government. After the Bolshevik victory in the Russian Civil War, he had to emigrate. He lived in Turkey, Germany, France. He was arrested by the Nazis in 1941 in France.

²⁰ See Murat Tachmyrat, *Vospominaniia*.

²¹ *Ibid.*

wanted only to survive in the hard conditions of the Nazi camps. After the Nazis defeat, they had no choice; a way to the Motherland was closed for them as former collaborators. In conditions of Cold War, the U.S. was interested in them as specialists on Soviet Central Asia.

It was a small group; there were no people who were born in Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan. Since American management did not know national languages of Soviet Central Asia, they had to use emigres from the others regions of Soviet Union. Unfortunately, these emigres were also former participants of different Nazi actions during World War II. For example, Tamurbek Davletshin, born near Ufa in 1904, was an ethnic Tatar. In the Soviet Union, Davletshin managed to make quite a successful career; he became an attorney in 1934. After that, he was the head of the Institute of Feasibility Studies in Ufa and a member of the Communist Party. After the start of the Soviet-German war in 1941, Davletshin was captured and then cooperated with the Nazis. He worked at the Tatar Department of the Ministry for the Occupied Eastern Territories, headed by Alfred Rosenberg. After the creation of RL, Davletshin became the director of the Research Institute. Suddenly he became a kind of expert on problems of Kyrgyzstan.²²

One of experts on Turkmenistan was Edige Kyrymal (Shinkevich) who was a Crimean Tatar. Like Davletshin, during World War II, Kyrymal actively collaborated with the Nazis as the chairman of the Crimean Tatar Center, which was created in Berlin.²³ After World War II he helped many soviet Crimean Turks to stay in the West. Kyrymal was known as the main specialist on Crimean Tatar problems, an author of the book “National struggle of Crimean Turks” (1952) and the editor-en-chief of “Dergi” journal.

Due to the lack of relevant personnel, Azerbaijani Suleiman Tekiner became aware of Uzbek problems. During many years he was a prominent participant of Azerbaijani national movement, the leader of the Azerbaijani cultural society in Turkey, and after the establishment of RL he was the head of the Azerbaijani service.²⁴

There seemed to be a difference in the methods used to manage RL in Soviet Central Asia and some others soviet republics. Americans needed to control such journalists as former collaborators with Nazis. Services which worked in Central Asia enjoyed relative freedom since the American management of these radio stations did not control them as tightly as, for example, Americans controlled the Russian service of RL. If the struggle against “Russian nationalism” was conducted at the “Liberty” station for many years, this was not the case with the Central Asian station. The reason for this situation was simple: the lack of specialists fluent in local languages. This was recognized by the American managers themselves. In 1985, John Lodeesen wrote that RL always checked texts before the beginning of programs. Exceptions to this rule, though, were “Caucasian and Tajik programs” because “among the members of the American management nobody understood the languages.”²⁵ This situation was typical not only for Tajik programs but for news programs in the other languages of Central Asia. Such situation was a great trouble for the successful work of RL in Soviet Central Asia.

As a result, this lack of relevant personnel was one of the main problems for Turkestan service of RL. American management had to use a rather small group of people who were former Nazi collaborators during World War II. Therefore, it was easy for the Soviet propaganda apparatus to fight against them.

²² See “Institute for the Study of the USSR. Seminar on Nationalism in Soviet Central Asia. 1965, May 12–13,” in Georgetown University Library. Special Collections (GUL. SC). Robert F. Kelley papers, box 5, folder 15.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ “J. Lodeesen to J. Buckley” in GUL. SC. The Jon Lodeesen papers, box 2, folder 34.

“Turkestan” versus nationalism: concept by Mustafa Chokay and real soviet Central Asia

The question of nationhood hindered propaganda by RL in Central Asia. The ideology of “Turkestan” service of RL was based on the ideas of Mustafa Chokay. For many years he fought for a united, independent Turkestan, and the unification of different nationalities in their struggle against Soviet Communism. Therefore, the special characteristics of these nationalities seemed unimportant to him.

According to Marta Brill Olcott, after the national delimitation of 1924, Soviet power tried to increase the distinctiveness of the Central Asian nationalities.²⁶ New histories of these nationalities were written; the Soviet authorities tried to cultivate the old historical and dialectical differences between the nationalities. Although, as Robert Daniels wrote, their languages

are more or less mutually intelligible and their speakers are intermingled across all boundaries.²⁷

The aim of this policy was to subdivide the ethnic consciousness of the substantial bloc of Muslim Turks. As a result, many people in Soviet Central Asia found it difficult to support the ideas by Chokay because at school they had been taught something completely different.

After World War II, former collaborators with Nazi Germany and supporters of ideas by Chokay, formed Turkestan National Liberation Committee, “Turkeli.” This organization participated in establishing RL in the early 1950s. Turleli was connected with attempts to form a Soviet 'government in exile', which was initiated by the American Committee for Liberation from Bolshevism in the early 1950s. The Americans attempted to create a single body of representatives of different peoples of the USSR; they promised to give it a powerful modern anti-Communist propaganda tool, a radio station. To achieve this, a large meeting was held in the West German city of Wiesbaden in 1951. However, it showed rather weak ties connecting the Americans with associations of Soviet emigres. The only structure to represent peoples from Central Asia in this meeting was “Turkeli.” But “Turkeli” did not express the political mood of the emigres of all the peoples of Central Asia; for instance, this committee had no Tajik or Uzbek members. This indicates not only the limited ties between the U.S. and the Soviet emigrant circles, but also reveals a rather narrow political base for an achievable compromise between the anti-Communist associations of emigres from the Soviet Union. Nonetheless, for many years this idea was the main point made by the American management of RL.

The founders of the American Committee believed that it was necessary to focus on the opposition movements of the peoples of the USSR as a decisive factor in the elimination of the existing regime in the country. For example, the Governor of the State of New Jersey Charles Edison, a soon-to-be member of the American Committee, stressed in a speech in May 1951:

The overthrow of the Soviet regime would be the best news for centuries. But only the peoples of Russia, the first and greatest victims of Communist tyranny, can do it.²⁸

We see that he spoke about “peoples of Russia” though for “Turkeli” it was not correct sentence.

²⁶ See Marta Brill Olcott, *Central Asia: The Reformers Challenge a Traditional Society in The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society* (Boulder; Oxford: Westview Press, 1990), 255.

²⁷ See Robert Daniels, *Russia: The Roots of Confrontation* (Cambridge; London: Palgrave Macmillan, 1985), 14.

²⁸ GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 4.

But even “Turkeli,” these seemingly compromise-orientated participants, quickly escalated the situation in Wiesbaden. Karis Kanatbay immediately said:

For us Turkestan peoples, the title “The Council of the Liberation of Peoples of Russia” (the name of the future single body proposed by the Russian emigres. – *A.A.*) is not suitable <...> Because Turkestan is a certain geographic entity. And our people say: “when we say ‘Russia,’ Turkestan is automatically included within Russia.”²⁹

This latter option was unacceptable to “Turkeli.” Kanatbay immediately made it clear that he opposed the fate of the included state being decided at the Russian Constituent Assembly, which was supposed to be held after the collapse of Communism:

In this case, the Turkestan people would have no opportunity to decide their own destiny. They would have to choose delegates and send them to Moscow or somewhere else for the meeting.³⁰

Kanatbay stressed, moreover: “After the overthrow of Bolshevism our people will decide their destiny in Turkestan.”³¹ In other words, separatist sentiments were typical even for relatively “moderate” emigrant politicians from Central Asia.

In the early 1950s, it was already clear that the leaders of political associations of emigres from Soviet Central Asia focused on the struggle for the independence of their republics. Even before the collapse of Communism they sought to gain their Russian partners’ consent for the complete political independence of Central Asia. It is no coincidence that at the new emigrant forum in Tegernsee (Western Germany) in 1953, Aman Berdymurat asked Russian anti-Communists whether they were ready to sign a statement on self-determination for the various peoples of the Soviet Union.³²

Despite the fact that the idea of compromise between Russian and other emigrant groups from the Soviet Union actually failed (Russian organizations believed that post-Communist Russia must be created within the boundaries of the USSR), on 1st March 1953, Radio Liberation began broadcasting. “Turkestan Service” went on the air on this day too. This was not by chance because it was in that year that the US Information Agency (USIA) was formed by President Eisenhower. Propaganda towards the Soviet Union was one of its main aims.

Radio Liberation focused on the national contradictions that existed in the USSR. The basic principles of the radio stations were clearly expressed in 1954 in the memorandum by M. Williams, one of the managers of “Liberation,” which was sent to the station staff. Williams particularly stressed the following:

The sole purpose of Radio Liberation is the liberation of the peoples of the USSR from the Communist regime. All the peoples inhabiting the territory of the USSR have an unlimited right to determine their own destiny through the democratic expression of their will after the overthrow of the Communist regime.³³

The journalists of RL gradually began to understand that the concept by Chokay was unacceptable for the situation in Soviet Central Asia. They began to speak about nationality sentiments in different republics. Special attention was paid to the problem of nationalism in Soviet Central Asia at structures associated with Radio Liberty in the mid-1960s. Robert Kelly’s archival collection devoted to a 1965 special seminar, “On Nation-

²⁹ “Protocols of Wiesbaden conference, 1951,” in Gosudarstvennyi Archiv Rossiiskoi Federatsii (henceforth – GARF), f. 10015, op. 4, d. 842, l. 8.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² “Protocols of Tegernsee conference, 1953,” in GARF, f. 10015, op. 4, d. 843, l. 6.

³³ “Radio Liberation – Staff Memorandum,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 4.

alism in Soviet Central Asia,” was discovered. It is interesting to note some key questions which were posed by the seminar organizers:

- What is the strength of national feeling among the local Communists and how is it reflected in their attitude towards non-Asian Communists and Communist Party leaders in Moscow?
- Is there any visible manifestation of the nationalist movement in the form of campaigning for greater autonomy or the desire for national independence?
- Is there any interest or sympathy among fighters for national liberation in Central Asia with the events in Vietnam, in the Congo and in other former colonies?³⁴

The seminar was attended by emigrant intellectuals from Central Asia, as well as by experts from the Institute for the Study of the USSR associated with RL. Some papers at the seminar were devoted to the general problems of development of national relations in Soviet Central Asia. Among them, for example, was one such speech delivered by S. Voronitsyn,

The Nature and Manifestations of Nationalism and National Consciousness Among Young People of the Central Asian Soviet Republics.³⁵

The nature and forms of nationalism in Kazakhstan were discussed by B. Riza who stressed that this republic “was chosen by Moscow as an experimental field for Russian assimilation policy.”³⁶

Due to the lack of qualified national experts on Soviet Central Asia, RL had to entrust regional studies to specialists from other Muslim republics of the Soviet Union. For example, Azerbaijani Suleiman Tekiner made a speech at the seminar on the problem of nationalism in Uzbekistan. Suleiman Tekiner tried to prove that the

national consciousness of Uzbeks, who were active participants in the movement of national resistance to the Communist regime in Turkestan, was still quite strong and palpable.³⁷

However, that speech raised a very difficult question: why was it difficult to find evidence of Uzbeks' anti-government, nationalist protests? Realizing this, Suleiman Tekiner pointed out that it was necessary to take into account that Uzbekistan was “an occupied country”: “its national borders are controlled by the Soviet troops and border guards... There are many Soviet agents among Uzbeks.” Some other participants of this seminar spoke about strong nationalistic sentiments among Uzbeks. They tried to prove that there were very difficult relations between Russians and Uzbeks in Soviet Uzbekistan³⁸.

In general, ideological aims were typical for the majority of the speakers at this seminar. It seemed that this was particularly true for the report “Nationalism in Tajikistan,” by Emirdzhan. Clearly, the author tried to find facts which would reveal manifestations of nationalism in this republic. He worked hard on Soviet press sources, which were the main outlets for all emigres researching the situation in the USSR. However, all his efforts resulted in almost complete failure, and he was forced to admit:

In recent years, there have been no specific facts about the manifestations of nationalism among Tajiks in the Russian press.³⁹

Despite this situation, he wrote an extensive 20-page report, which did not contain any facts about the manifestations of nationalism in Soviet Tajikistan.

³⁴ See “Institute for the Study of the USSR. Seminar on Nationalism in Soviet Central Asia. 1965, May 12–13,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 15.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

In 1970s the importance of the nationality question in USSR was clear for practically all observers. Particularly RL was the main American tool in that field; American managers of RL realized that it was necessary to improve the thrust of the station. As a result, in the 1970s they kept changing its structure. One of the main changes took place in 1972–1973. Maurice Dyakovsky became the head of all national services; in charge of the Armenian, Georgian and North Caucasian outreach.⁴⁰ The Turkestan service was divided into three parts. The American managers understood that Chokay's ideas were unacceptable for the Brezhnev era. It was practically impossible to propagandize for a united Turkestan because the majority of intellectuals in Central Asia thought that this was Utopian: they were supporters of local cultures. Murat Tachmyrat became the chief editor of the Turkmen-Tajik-Kyrgyz programs. Nevertheless, the American management preserved such terms as “Turkestan” in its structure. In 1975 Murat Tachmyrat became a correspondent and program specialist on “Turkestan affairs,” his office being a part of the National Department of RL.⁴¹

This situation, of course, influenced the work of the radio station. The structural changes were also caused by the difficult situation that arose at the 'Liberty' station in the 1970s. Internal conflicts damaged the image of this leading anti-Communist radio station. However, the atmosphere of structural instability only complicated the working conditions for employees of “Liberty.”

Officers of the former Turkestan service wanted to believe that they represented the correct image of Central Asia in their programs. RL broadcast some series, for example, “Sovietization of Turkestan and its consequences,” “Falsification of history and culture in Turkestan,” “Struggle for national liberation and Basmachi movement,” “Victims of Stalin's terror.” These series were aimed at providing critical analysis of the current situation in Soviet Central Asia, exploding some of the myths of Soviet propaganda. And RL continued to speak about Turkestan as a single body.

But the real situation in Soviet Central Asia was very contradictory due to the special characteristics of Soviet policy. Khrushchev and Brezhnev played down the spectre of the Stalinist terror and developed a more decentralized political and economic system. Some new émigrés from Soviet Union knew about these special characteristics of Central Asia. For example, famous sculptor Ernest Neizvestny stressed that Central Asia depended on communist ideology not so strongly as some others republics.⁴² Soviet Central Asia was to demonstrate successes of Soviet power for Asian and African countries. Local intellectuals wanted to have such cultural level as their comrades in others republics. As a result, real atmosphere in Soviet Central Asia was rather free. But RL did not speak about it.

Control from the Center lessened, which resulted in the process of formation of local “mafias” consisting of Party and State apparatus representatives. As Ronald Suny wrote, the national political elite promoted the creation of a corrupt system of patronage, favoritism towards the titular nation, and “the widespread practice of bribe-taking and payoffs.” For the local population, though,

loyalty is given first to kinship groups or intimate friends...So powerful are the obligations to one's relatives and friends that the shame incurred by nonfulfillment weighs much more seriously than the penalties imposed by law.⁴³

⁴⁰ “All employees of the radio station “Liberty” in GUL. SC. The Jon Lodeesen papers, box 1, folder 56.

⁴¹ “Radio Liberty. August 1, 1975” in GUL. SC. The Jon Lodeesen papers, box 1, folder 57.

⁴² See Ernest Neizvestny, *Govorit Neizvestny* (Perm: Permskie Novosti, 1991), 83.

⁴³ See Ronald Suny, “State, Civil Society and Ethnic Cultural Consolidation in the USSR – Roots of the National Question,” in *From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), 118–120.

Some experts thought that in the Soviet Union social stratification had a racial aspect, as Central Asian people were recruited for lower ranks in the industry and in the army.⁴⁴ It was not the result of a certain governmental policy but was mainly connected with the special characteristics of societies in those Soviet republics. The main demographic tendency in Central Asia was the faster growth of populations in comparison with other regions of the Soviet Union. Central Asian peoples also had to deal with the pressures and temptations of modernization. As a reaction to the process of modernization in the 1970s there was a growing interest in regional history and culture among local intellectuals. Modernization and social transformation were often associated in people's minds with Soviet governmental policy. As a result, some local intellectuals who were supporters of these traditions could be potential recruits for the formation of an anti-Communist opposition.

Another crucial factor was a new tendency in Soviet national policy which occurred at the end of the Brezhnev era. Some party ideologues began to argue that “too much self-direction had been granted to the nationalities.”⁴⁵ They proposed to strengthen unification in the development of the Soviet Union; this aggravated the situation with the nationalities question in the USSR, particularly in Central Asia.

It was necessary, though, to estimate the special features of political culture in Soviet Central Asia.⁴⁶ These republics were known to be conservative. Ethnic activism manifested itself not in national or separatist movements, but in the archaic form of clashes between titular nations and ethnic minorities. The cultural traditions of these republics inhibited ethnic activism. As a result of Soviet governmental policy, these republics had an unusual social structure: “a huge educated class rested on a predominantly traditional society.”⁴⁷ The middle classes in these republics, who were the main leaders of nationalist movements, were, therefore, effectively neutralized.

It was necessary for RL to take into account these tendencies in its activity. But RL journalists left their Motherland many years ago. They did not know real situation in Soviet Central Asia. Living in Western Germany, it was difficult to understand real picture of development of nationality conflicts in Uzbekistan or Turkmenistan. They tried to understand processes in this region using Soviet press, but these sources also showed an unrealistic picture.

Significance of Islamic factor

Certainly, there was a close connection between religion and nationalism in Central Asia. As early as in the 1950s, the U.S. and its allies in Central Asia tried to begin anti-Communist propaganda appealing to the religious sentiments of the Soviet population. In particular, the author of one RL internal document, stored in Robert Kelly's archives, wrote:

Tatar and Turkestan Soviet Muslim immigrants in the United States had some success in dispensing propaganda among pilgrims who were sent to Mecca by the Soviet government.⁴⁸

American propaganda in Soviet Central Asia was to a great extent a result of the errors made by the Soviet authorities. One of these was the anti-religious policy. The

⁴⁴ See Robert Daniels, *Russia: The Roots of Confrontation*, 317.

⁴⁵ See Marta Brill Olcott, “Soviet Central Asia,” 54.

⁴⁶ See Birgit N. Schlyter, ed. *Prospects for Democracy in Central Asia* (Istanbul: Swedish Research Institute in Istanbul, 2005).

⁴⁷ See Philipp Goldman, Gail Lapidus, and Victor Zaslavsky, “Soviet Federalism – its Origins, Evolution and Demise,” in *From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republics*, 7.

⁴⁸ “Negotiations for an effective partnership,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 2.

anti-religious campaign began during the Russian Civil War and continued in the 1920s. It was one of the main factors for the formation of the famous Basmachi movement, which was opposed to Soviet power. The Islamic heritage of the Central Asian population was one of the most important factors; in the Soviet period Islamic values, rituals and practices continued to dominate people's lives.⁴⁹ Khrushchev had an uncompromisingly hostile attitude towards Islam in the USSR, and his position was characterized by radical anti-clericalism. During the Khrushchev period there was a new wave of mosques closures in Central Asia by the Soviet authorities.⁵⁰ Clearly, the Turkestan service of RL tried to use these facts in its programs.

In 1965, the seminar “On Nationalism in Soviet Central Asia,” could not ignore this problem. One of the key questions of this seminar was, “Is Islam a very important factor in modern Central Asia?” Some scholars devoted their speeches to this question. Certainly, the speakers could not ignore the problem of terror reprisals against the religious leaders in the region in the 1920–1930s: that was the topic of the report made by Aman Berdymurat “Fighting against Islam in Central Asia and Attempts to Use the Clergy in Soviet Foreign Policy.”

The central report on Islamic factor and nationalism in Turkmenistan was made by E. Kyrymal. Like most other political refugees, he believed that among the Soviet Turkmen there were people who shared the views of the Turkmen political exiles. Kyrymal argued that there was “persistence of religious and national domestic customs” in Turkmenistan. This situation, in his view, was one of the “forms” of nationalism. Among these forms there were facts of 'localism' in the appointment of senior positions. Thus, the emigrant author could conclude:

Despite 40 years of severe persecution, nationalism in various forms undoubtedly exists in Turkmenistan and in all of Soviet Turkestan up until now.⁵¹

Thus, Kyrymal tried to connect Islamic factor with nationalism.

Not only did this seminar show that American policy officials began to study the Islamic factor more deeply in the 1960s, American experts were interested in the role of Islam in the development of Russia and the Soviet Union. Whether this factor strengthened the Soviet Union or made it weaker was one of the main questions which interested them. There is a considerable amount of material on this subject deposited in Dimitry von Mohrenschildt's collection at the Hoover Institution Archives. There were articles written in the 1950s and 1960s on the Islamic factor and nationality problems. Among them, for example, was a review of the book by Sergey Zenkovsky “Pan-Turkism and Islam in Russia” (Harvard, 1960).⁵² Dimitry von Mohrenschildt pointed out that Islamic peoples did not cause instability throughout Russian history.

It was not by chance that the same situation in the 1960s in the Soviet Union occurred: the rise of Islamic studies. As a response to activity of American policy analysts and to internal processes in the USSR, the Soviets made a major investment in the analysis of Islam. A new generation of Soviet experts in these questions emerged from Soviet

⁴⁹ See Adeeb Khalid, *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia* (Berkeley; Los Angeles; London, 2007), 83.

⁵⁰ See by A. Bennigsen et al., ed. *Soviet Strategy and Islam* (New York: St. Martin's Press, 1989), 30; Yaacov Ro'i, *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev* (New York: Columbia University Press, 2000) etc.

⁵¹ See “Institute for the Study of the USSR. Seminar on Nationalism in Soviet Central Asia. 1965, May 12–13,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 15.

⁵² S. Zenkovsky “Pan-Turkism and Islam in Russia,” in *Hoover Institution Archives* (HIA). Dimitri von Mohrenschildt papers. Box 1. Folder ‘Nationality problem.’

educational establishments. Thus, from the 1960s to the 1980s, American as well as Soviet experts paid special attention to the Islamic factor in the Soviet Union.

This situation was also connected with Arab-Israel conflict in the Near East. RL paid attention to this problem. American management of RL stressed that it was impossible for the radio station to support only one participant of this conflict – Israel. Journalists had to speak about peacemaking policy as the only chance for this region.⁵³ American management understood that Muslim people in Soviet Central Asia were also potential listeners to RL programs.

The situation in Soviet Central Asia in the 1970s was contradictory. Brezhnev tried to go ahead with the anti-religious campaign⁵⁴: there were even some anti-Islamic pamphlets. This policy was not very successful in eliminating this more unstructured and informal religion, because in Central Asia, religious practice was based more on rituals than on doctrine.⁵⁵

This situation led to a discussion between American scholars on how important the Islamic factor was in the anti-Communist struggle. Representatives of the “Bennigsen school” were interested in the potential of anti-Soviet resistance among minorities groups in the USSR. At the end of the 1970s and the beginning of the 1980s, Alexander Bennigsen thought that religion was a key factor in regional self-identification; Islam was seen as a potential threat to Soviet rule. But Alastair McAuley underestimated the strength of Islam in some parts of Central Asia.⁵⁶ Artemy Kalinovsky proves that

for most of the Cold War, the views of the Bennigsen school were not of much interest to US policy-makers, whose focus was on preventing nuclear confrontation... and halting further Soviet expansion into the Third World.⁵⁷

But at the end of 1970s Paul Henze tried “to mobilize” Bennigsen and like-minded scholars to form “Cold War Orientalists” in the Carter Administration. Kalinovsky wrote about contribution to this project made by Zbignev Brzezinski, Richard Pipes, Samuel Huntington and some other prominent figures. In 1980 Henze wrote a memo to Brzezinski devoted to dissidence in Muslim Republics of the USSR:

Broadcasting to Muslims and Other Soviet Nationalities: RFE/RL reports it has increased first-run programming in nationalities services by more than 11 hours per week. This includes most of the Muslim languages, as well as Ukrainian, Georgian and Baltic services. This was done in part at the expense of Russian broadcasting but primarily by reducing non-political output and squeezing in extra programs in every available time slot. Effectiveness of Muslims-language broadcasts is still limited by lack of strong transmitters... Implementations of the expansion program for Muslim languages you approved last December has been delayed by OMB until new transmitters are assured.⁵⁸

During the Reagan administration these “Cold Warriors” received a chance to realize their ideas.

U.S and its allies tried to select the correct strategies for conducting propaganda in Central Asia. Was it necessary to stress religious aspects in that activity? Or was there already no such self-identification as Muslim in Central Asia after half a century of

⁵³ See “Radio Liberty. April 1970,” in GUL. SC. The Jon Lodeesen papers, box 1, folder 37.

⁵⁴ See Michael Kemper, Raoul Motika, and Stefan Reichmuth, eds. *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States* (London; New York: Routledge, 2010), 12–13.

⁵⁵ See also Ashirbek Muminov, “Fundamentalist Challenges to Local Islamic Tradition in Soviet and Post-Soviet Central Asia,” in Uyama Tomohiko, ed. in *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia* (Sapporo: Slavic research center, Hokkaido University, 2007), 249–262.

⁵⁶ See John Anderson, *Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), 94.

⁵⁷ See Artemy Kalinovsky, “Encouraging Resistance,” 217.

⁵⁸ *Ibid.*, 231.

Communist rule? Here one should not only try and imagine the position of the American overseers but also the personal political line taken by the head of the Turkestan service, which proved very difficult for the American managers of RL. Murat Tachmyrat and his colleagues continued to speak on the air about the anti-religious campaigns in Soviet Central Asia. But new generations of Soviet Central Asia grew up in atmosphere of Khrushchev and Brezhnev policy. Some local intellectuals had anti-Soviet viewpoints; among them were supporters of modern secular Central Asia. For them the Islamic factor was not so important. Certainly, it was the position of a small intellectual group of the population of this region. The majority of “ordinary” people shared traditionalist values, but they were not listeners to RL programs.

Waiting for the voice from the USSR: jamming and lack of feedback

Certainly, during the entire history of RL there was one serious problem: the jamming of RL programs by the Soviet authorities. News in the languages of Central Asian peoples, broadcast by Radio Liberation/Radio Liberty, were jammed virtually non-stop from the instant they went on air. The Communist power considered such outlets of RL as the Turkestan Service to be a provocation and an intrusion in the country’s internal affairs. Alan Snyder studied the problem of the jamming of American radio stations, which was a customary practice in the Soviet Union these years.⁵⁹ As he wrote, jamming was done in two ways: “groundwave” (local jamming), conducted in large urban areas; and “skywave” jamming, which covered broader, rural areas and was less effective.⁶⁰ “Skywave” transmitters were usually located thousands of miles away with jamming signals bouncing between the Earth and the ionosphere.

What can be said about the effect of this Soviet practice? By the mid-1950s there were more than 2,000 jamming stations in operation. Almost every Soviet town with a population of more than 200,000 people had “a jamming center.” But in that period the whole population of Kyrgyzstan was about 1.9 million people; of Tajikistan, 1.8 million, of Turkmenistan, 1.4 million. Kazakhstan, along with Uzbekistan, had the largest populations: 8.5 million; and 7.3 million, respectively. We must also take into account that there were few intellectuals among the populations of these republics. Only minor parts of the population of Soviet Central Asia in the 1950s had the technical capacity to listen to Radio Liberty/Radio Liberation, because local people had no radios which could accept shortwave stations.

The U.S. spent much money on propaganda: for instance, in 1958 the budget of American international propaganda was about \$100,000,000. For the Department of State, it was very important to estimate the real effect of this activity. RL regularly monitored its listeners; the results of this monitoring were analyzed by the special division of the Radio stations. In the early 1960s the radio management received information that the station was actively listened to in Russia, Ukraine, Lithuania, and other states. Individual responses were received from Kyrgyzstan.⁶¹ However, evidence that the “Liberty” stations were listened to in the other republics of Central Asia could not be found.

In the 1960s, and until the 1980s, the potential audience of RL grew. Under the Stalinist regime, only about 2 percent of the Soviet people had the technical capacity to listen to Western radio stations, but in the mid-1960s nearly two-thirds of the Soviet people could. In the 1970s the USSR had 35 million radios, about two-thirds of which were able to accept Western shortwave stations.

⁵⁹ See Alan Snyder, *Warriors of Disinformation*, 26.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ “W. Schramm to H. Sargeant,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 4.

RL paid great attention to the study of its reception by the Soviet listeners. It is important to note that the management of the station knew the real situation and did not gloss over the fact that some Soviet people had negative attitudes towards RLs programs. For example, in 1965, R. Kelly wrote that over the past two or three years the proportion of Soviet people who believed that “Liberty” was a “free voice” had fallen from 44 to 37 percent. The number of those who defined RL as “the American station” greatly increased (from 4 percent to 18 percent).⁶²

Was the Turkestan service at RL aware of these processes? It is important to note that the work of the Central Asian services was hampered by the inability to hear the voice of its listeners. In this situation it was difficult to understand the correct direction in which the radio station could develop. It has been impossible, so far, to find any information to prove that people in Central Asia really listened to RL in the 1970s. At that time, though, “listening” information regularly came from Russia, Ukraine, Belarus, Estonia and some other Soviet republics.

In these circumstances, the managers of RL had to make use of any piece of information which showed that their activity somehow affected the region. For example, in 1984 “Liberty” managers actively discussed articles against the radio programs in Turkmen language which were published in the Soviet newspapers “Sovetsky Turkmenistan [Soviet Turkmenistan]” and “Turkmenskaia Zvezda [Turkmen Spark]”. The author of these articles was Seytniyaz Atayev, a well-known writer of Soviet Turkmenistan, pointed out that Murat Tachmyrat (Editor-in-Chief of the Turkmen service at RL from 1978 to 1985) collaborated with the Nazis during World War II. One of the leading managers of “Liberty,” W. Buell, even sent a special letter to the Board of Radio Directors on this subject; these publications were referred to as “a series of articles,” “an attack,” which was organized by the ideological apparatus of the USSR. Such materials are regarded as evidence that RL had “a significant audience of listeners in Soviet Central Asia.”⁶³ “Liberty” managers wanted to believe in the picture which they themselves created. At that time the regional Soviet press really began to pay more attention to the “Muslim question,” especially to the actions of illegal Islamic activists. Whether it had anything to do with the activity of RL is difficult to answer.

At the beginning of the 1980s the Department of State tried to develop the structure of an American propaganda apparatus. During the Reagan era the ‘Voice of America’, for example, spent more than \$23,000,000 on advanced engineering and technical development studies. Alan Snyder noted that “a new facility was slotted to be built in Sri Lanka to beam programs into Soviet Central Asia,”⁶⁴ Some experts were not sure whether Sri Lanka was the safest location for such an expensive station because of its internal instability. But an agreement was signed and the “Voice of America” had to pay \$500,000 to Sri Lanka for “the relocation of squatters and for the coconut industry development.” There was also a project to build a new station in Israel for broadcasting programs to Soviet Central Asia. So, it can be said that the US Department of State put great effort into American propaganda in Central Asia. But there was no feedback from listeners.

Conclusions

By the end of the Cold War, the total number of staff of different American institutions who took part in propaganda activity was more than 10,000. They worked in 150 countries and broadcast programs in 70 languages for 2,500 hours per week. But was this activity really effective?

⁶² “R. Kelley to H. Sargeant,” in GUL. SC. Robert F. Kelley papers, box 5, folder 3.

⁶³ “W. Buell to the Board of Directors,” in GUL. SC. The Jon Lodeesen papers, box 2, folder 32.

⁶⁴ See Alan Snyder, *Warriors of Disinformation*, 36.

In this paper the author has tried to show that very often American management could not control the activities of its Turkestan service. From the beginning of 1950s there were very few American specialists on Central Asia. The founders of RL were specialists on Russian problems; usually they had never been in towns and villages of Uzbekistan or Kyrgyzstan. Really, there was no serious base for the formation of Turkestan service of RL in 1950s. But political factor played a main role in this question.

One of the most important problems was to select qualified personnel who spoke the languages of the peoples of the region and who were able to engage in high-level analysis of the political and religious processes in Central Asia. Even employees of RL born in Central Asia and thereafter living in the West were cut off from the actual situation in Uzbekistan, Tajikistan and other nearby Soviet republics. They knew about life before World War II but the post-war period for these republics was a time of massive structural changes.

For many years, the American management of RL acquiesced with experts from Central Asia who shared Chokay's ideas. United independent Turkestan was a phenomenon which existed only as an “idealized version” of RL. But the human inhabitants of this territory did not understand it. Only in the 1970s did the American management begin to realize that it was necessary to speak about liberation from Communism in the context of specific republics.

It has been important to estimate the specificity of the political culture of the Central Asian peoples. Political activism was not a mass phenomenon in this culture. Opposition sentiment usually did not manifest itself in Soviet Central Asia in the form of a political struggle against the Communist regime. It is necessary to remember that there was a small group of intellectuals among population of Central Asia. The potential base for anti-communist propaganda in this region was narrow.

The main experts of Turkestan RL service collaborated with the Nazis during World War II. Soviet propagandists used this situation to struggle against RL. The majority of Soviet intellectuals, even opponents to the Communist regime, did not want to support any of Hitler's former collaborators.

Quickly, American founders began to understand that their partners from Central Asia did not want to compromise with Russian anti-communists. For American management, RL was an ideal image of future united (but liberal-oriented) Russia on the basis of Soviet Union. But anti-communists from Central Asia were the principal opponents to this idea. They supported a slogan of full independence of their states. Already in 1950s it was possible to see the future break of Soviet Union.

The jamming of RL programs by the Soviet authorities was also a serious obstacle to the activity of this station. Often there was no technical ability to listen RL programs in Central Asia. As a result, even intellectuals in Central Asia who wanted to listen to these programs had no such opportunity.

The Turkestan service also suffered from lack of feedback, a serious predicament. Documents showed that for RL it was very difficult to hear any voices from Soviet Central Asia. Other services had an opportunity to receive information from Soviet listeners, thus giving feedback about their perception of RL programs. The author has not found any documents about such practice in the Turkestan service. As a result, the efficacy of the Turkestan service may not have been so great.

Certainly, it is necessary to continue a study of questions which were raised by this article. Future scholars will need to work with documents from archives of Soviet and American security services. It is also necessary to study archival documents from Central Asia, although it is difficult for foreign scholars to access these archives. These documents will give scholars new data about the real effectiveness of RL activity in Central Asia.

Submitted / Поступила в редакцию: 28.01.2022

Approved after reviewing / Одобрена после рецензирования: 14.08.2022

Accepted for publication / Принята к публикации: 20.08.2022

References

- Amirov, Taukel. *Krah legiona*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1970 (in Russian).
- Anderson, John. *Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Bennigsen, A. ed. *Soviet Strategy and Islam*. New York: St. Martin's Press, 1989.
- Cull, Nicholas. *The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Daniels, Robert. *Russia: The Roots of Confrontation*. Cambridge; London: Harvard University Press, 1985.
- Goldman Philipp, Lapidus Gail and Zaslavsky, Victor. "Soviet Federalism – its Origins, Evolution and Demise." In *From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Guerrero, Javier Gil. "Propaganda Broadcasts and Cold War Politics: The Carter Administration's Outreach to Islam." *Journal of Cold War Studies* 19, no. 1 (2017): 4–37. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00716
- Kalinovsky, Artemy, "Encouraging Resistance: Paul Henze, the Bennigsen School and the Crisis of Détente." In Kemper, Michael, and Kalinovsky, Artemy, eds. *Reassessing Orientalism: Interlocking Orientologies during the Cold War*, 211–232. Routledge Studies in the History of Russia and Eastern Europe, 2015.
- Kemper, Michael, Motika, Raoul, and Reichmuth, Stefan, eds. *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States*. London; New York: Routledge, 2010.
- Khalid, Adeeb. *Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2007.
- Kind-Kovacs, Friederike. "Voices, Letters and Literature through the Iron Curtain: exiles and the (trans)mission of radio in the Cold War." *Cold War History*, 13, no. 2 (2013): 193–219. <https://doi.org/10.1080/14682745.2012.746666>
- Martin, John L. *International Propaganda: Its Legal and Diplomatic Control*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958.
- Mikkonen, Simo. "Exploiting the Exiles: Soviet Emigres in U.S. Cold War Strategy." *Journal of Cold War Studies* 14, no. 2 (2012): 98–127.
- Muminov, Ashirbek. "Fundamentalist Challenges to Local Islamic Tradition in Soviet and Post-Soviet Central Asia." In Uyama Tomohiko, ed. *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia*, 249–262. Sapporo: Slavic research center, Hokkaido University, 2007.
- Neizvestny, Ernest. *Govorit Neizvestny*. Perm: Permskie Novosti Publ., 1991.
- Olcott, Marta Brill. "Central Asia: The Reformers Challenge a Traditional Society." *The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society*. Boulder; Oxford: Westview Press, 1990.
- Olcott, Marta Brill. "Soviet Central Asia: Ethnic Dilemmas and Strategies." In Malik, H. et al., eds. *Domestic Determinants of Soviet Foreign Policy towards South Asia and the Middle East*. London: Palgrave Macmillan, 1990.
- Risso, Linda. "Radio Wars: Broadcasting in the Cold War." *Cold War History* 13, no. 2 (2013): 145–152.
- Ro'i, Yaacov. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press, 2000.
- Sadykova, Bakhyt. *Turkestansky legion*, http://www.continent.kz/library/turkestan_legion.html.
- Schlyter, Birgit N., ed. *Prospects for Democracy in Central Asia*. Istanbul: Swedish Research Institute in Istanbul, 2005.
- Shakibaev, Serik. *Padenie 'Bolshogo Turkestana'*. Alma-Ata: Jazushi Publ., 1972.
- Snyder, Alan. *Warriors of Disinformation: American Propaganda, Soviet Lies and The Winning of the Cold War*. New York: Arcade, 1995.
- Suny, Ronald. "State, Civil Society and Ethnic Cultural Consolidation in the USSR – Roots of the National Question." In *From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Валерьевич Антошин, д-р истор. наук, профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620003, Россия, Екатеринбург, пр. Мира, 19; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>

Alexey V. Antoshin, Dr. Habil. Hist., Professor of the Oriental Studies Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; 19, Prospekt Mira Av., Yekaterinburg, 620083, Russia; alex_antoshin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6093-2219>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-526-540>

Научная статья / Research article

СССР: от рождения к краху великой державы

Владимир Егоров

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия
Российский университет транспорта, Москва, Россия

✉ korrka@mail.ru

Аннотация: Представлена актуальная историографическая ситуация по проблеме определения причин и факторов гибели СССР. Презентация многообразной палитры взглядов сопровождается аргументами и авторскими суждениями о корректности имеющихся оценок историков и обществоведов. Вместе с тем цель исследования – выявить основные причины, обусловившие нарушение равновесного состояния социально-экономической системы реального социализма: фундаментальной причиной нежизнеспособности социально-экономической системы реального социализма, призванного устранить «изъяны» капитализма, явился недостаточный для преодоления «редкости благ» уровень развития производительных сил; отсутствие достаточного материального основания для преодоления несовершенства распределения – причина другого структурного «недуга» – низкой мотивации общественного труда и нарастающего отчуждения трудящихся от общественной собственности; замена рыночных механизмов административно-командными принципами управления экономикой обусловила хронический дефицит потребления и проявляющуюся социальную апатию. Показано, что многообразные политические, идеологические и прочие «рукотворные» факторы лишь усилили процессы системного срыва и придали центробежным силам, инициирующим сецессию, необратимый и тотальный характер.

Ключевые слова: структурные факторы социалистической системной дисфункции, рынок и социализм, дифференциация труда и собственности, сецессия

Для цитирования: Егоров В.Г. СССР: от рождения к краху великой державы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 526–540. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-526-540>

USSR: From Emergence to Collapse of the Great Power

Vladimir Egorov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
Russian University of Transport, Moscow, Russia

✉ korrka@mail.ru

Abstract: The article presents the actual historiographical situation on the problem of determining the causes and factors of the death of the USSR. The presentation of a diverse palette of views on the causes and factors of the USSR demise is accompanied by arguments and author's judgments on the correctness of the available assessments of historians and social scientists. At the same time, the aim of the article is to show the fundamental causes of the imbalance of the socio-economic system of real socialism. The fundamental reasons for the non-viability of the socio-economic system of real socialism, designed to eliminate the “flaws” of capitalism, was the level of development of productive forces insufficient to overcome the “rarity of goods.” Even today, humanity is at the very beginning of the path of achieving economic progress capable of ensuring universal satisfaction of needs. The lack of a sufficient material basis for overcoming the imperfection of distribution was the cause of another structural

“ailment” – low motivation of social labor and increasing alienation of workers from public property. In turn, the replacement of market mechanisms with administrative and command principles of economic management caused a chronic shortage of consumption and manifested social apathy. Diverse political, ideological and other “man-made” factors only intensified the processes of systemic failure and gave the centrifugal forces that initiated secession an irreversible and total character.

Keywords: structural factors of socialist systemic dysfunction, market and socialism, differentiation of labor and property, secession

For citation: Egorov, Vladimir. “USSR: From Emergence to Collapse of the Great Power.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 526–540. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-526-540>

Введение

Даже спустя 30 лет распад Советского Союза остается проблемой, будирующей не только общественно-политические споры и столкновения мнений, но и предметом насыщенных академических дискуссий, особенно обострившихся между двумя знаковыми датами: тридцатилетием «катастрофы двадцатого века» и столетием образования СССР. Обе даты связаны не только неутраченным накалом политических дебатов, но и логикой научного дискурса, направленного на решение поставленных вопросов. В чем причина столь быстротечного разрушения советского государства? Имелись ли деструктивные факторы, изначально заложенные в социально-экономическую систему СССР?

Продвижение в направлении разрешения этих вопросов имеет не только научное значение. По мере осознания системных противоречий развития стран, включенных в либерально-демократический мейнстрим и в связи с раздающимися, даже из официальных источников, призывами необходимости «ремонта капитализма» и даже его замены «более справедливой системой», уроки истории развала одного из могущественных «полюсов силы» обретают практическое значение. В контексте планетарной проблемы определения перспективы общественного развития исторический опыт «цивилизации» существовавшей, успешно развивавшейся и пришедшей к «самоубийству», представляется востребованным и актуальным.

Интеллектуалы по-разному оценивают причины гибели советской державы. Одни не без основания полагают, что сильнее всего расшатывали конструкцию СССР лидеры коммунистических партий союзных республик, решившие, что им выгоднее быть независимыми от центра¹. Однако фактор «элитного заговора» не может быть принят в качестве основного в развале СССР. Общеизвестно, что лидеры центральноазиатских республик не разделяли такие сепаратистские настроения.

При всем том, нельзя отрицать негативной роли руководства Украины в саботаже процесса обновления СССР и инициативе в подписании Беловежского соглашения. Как и невозможно не обратить внимания на провокационную позицию части политической элиты России².

На переговорах в 1990 г. по новому союзному договору (Новоогаревский процесс) представители Украины стремились свести роль центра будущего государства к исполнению малозначущих формальных функций. Сам руководитель России Б. Ельцин делал все, чтобы подорвать позиции союзного центра. И это ему удалось³.

¹ Шубин А.В. Как оборвалась судьба Советского Союза. Как СССР пришел к Беловежскому соглашению и какую роль в нем сыграли ГЛУП и «таран» Леонида Кучмы // Эксперт. № 1–2. 20 декабря 2021 – 10 января 2022. С. 83–91.

² Сазонов А.А. Кто и как уничтожил СССР?: архивные документы. М., 2018. С. 44–45.

³ Артемьев М. Распад Союза // Историк. № 12 (84). Декабрь 2021. С. 62–71.

В ряду причин, обуславливавших гибель СССР, С.Я. Лавренов выдвигает на первый план децентрализацию политической системы, начатую по инициативе самой КПСС и осуществляемую первоначально внутри партии⁴.

Ю. Румер и Р. Сокольски указывают в качестве главной причины развала СССР провал коммунистической идеологии, которой «советские сателлиты предпочли свободный рынок и демократию»⁵ В «неумелых реформах» М.С. Горбачева видит истоки сецессии советского государства профессор истории Ш. Фицпатрик⁶.

Редакционная статья «The Bell» содержит мнение о том, что крушение СССР было инспирировано неудавшейся попыткой ГКЧП⁷.

Катализатором процесса разрушения СССР профессор Я. Миркин считает опережающий рост благосостояния населения, разрушение властной вертикали управления обществом и экономикой⁸. Собственную трактовку причины распада СССР предложил Б.Н. Миронов, считающий, что ею стало формирование национальной элиты союзных республик⁹.

Также среди основных причин распада СССР в отечественной историографии называются экономические факторы. Отмечается, в частности, что из всех союзных республик экономическим суверенитетом к концу 1980-х гг. обладала только Российская Федерация, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Сальдо ввоза и вывоза субъектов СССР /
Balance of import and export of subjects of the USSR**

Страна / Country	Всего, млрд. руб. / Total, billion rubles	На душу населения, рублей / For one person, rubles
РСФСР / RSFSR	+41,3	+284
Украинская ССР / Ukrainian SSR	-5,4	-105
Белорусская ССР / Byelorussian SSR	-2,5	-248
Молдавская ССР / Moldavian SSR	-1,9	-454
Литовская ССР / Lithuanian SSR	-3,5	-961
Латвийская ССР / Latvian SSR	-1,7	-642
Эстонская ССР / Estonian SSR	-1,3	-835
Грузинская ССР / Georgian SSR	-1,8	-342
Азербайджанская ССР / Azerbaijan SSR	-0,1	-15
Армянская ССР / Armenian SSR	-0,5	-147
Казахская ССР / Kazakh SSR	-7,6	-468
Узбекская ССР / Uzbek SSR	-4,3	-226
Киргизская ССР / Kyrgyz SSR	-1,4	-338
Таджикская ССР / Tajik SSR	-1,3	-270
Туркменская ССР / Turkmen SSR	-0,1	-30

Источник: Сорочкин А. Поминки на рынке // Родина. 2021. № 12. С. 106–115.

Source: Sorokin, A. "Commemorations on the market." *Rodina*, no. 12 (2021): 106–115.

⁴ Лавренов С.Я. Прощание с Советским Союзом. К 30-летию со дня распада // Обозреватель – Observer. Январь 2022. № 1. С. 84–100. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_84

⁵ Rumer E., Sokolsky R. Grand Illusions. The impact of Misperceptions About Russia on U.S. Policy. Washington, 2021. P. 41.

⁶ This December is the 30th anniversary of the fall of the Soviet Union – how does an empire collapse? // The Conversation. December 7. 2021. 7.04 pm GMT.

⁷ Russia marks 30-th anniversary of failed coup that doomed the USSR // The Bell. 2021. 24 August.

⁸ Миркин Я. Крушение нерушимого // Родина. № 12. Декабрь 2021. С. 89–103.

⁹ Миронов Б.Н. 1) От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24. <https://doi.org/10.31857/S086956870017379-7>; 2) Выстраданное спасение России // Родина. № 12. Декабрь 2021. С. 116–122.

По оценкам специалистов британского журнала «The Economist», субсидии союзного центра в 1991 г. составляли 44 % бюджета Таджикистана, 42 % – Узбекистана, 36 % – Кыргызстана, 23 % – Казахстана, 21 % – Туркменистана¹⁰.

Анализируя оценку причин обрушения СССР, возглавлявший в то время правительство РФ Е.Т. Гайдар сделал акцент на падении мировых цен на нефть, от экспорта которой зависело наполнение бюджета¹¹. Однако один из авторитетных экспертов Д.Б. Кувалин утверждает, что падение цен являлось «далеким от того, чтобы считаться макроэкономической катастрофой»¹².

Малопродуктивной представляется точка зрения тех, кто видит в качестве важной причины гибели СССР неадекватно значительные материальные затраты на помощь странам социалистического содружества и развивающимся странам¹³. На этот счет имеются вполне основательные исследования, опровергающие такое предположение¹⁴.

Несмотря на солидный багаж научных изысканий, посвященных распаду СССР, все еще сохраняется некоторая неопределенность, в частности, в оценке соотношения объективных и субъективных факторов, сыгравших решающую в судьбе Советского государства, включая факторы структурного характера, заложенные в основу его социально-экономической системы. Попытка прояснить эти вопросы являлась целью настоящего исследования.

Основанное на общенаучном методе историзма исследование причин гибели СССР помимо прочего построено в соответствии с логикой системного подхода. Автор руководствовался в том числе положением, высказанным С. Лемом, о равновесном состоянии социально-экономических систем – гомеостазе, нарушение которого ведет к разрушению данного равновесия. Подсказанное С. Лемом направление изучения конкретно-исторических событий предполагает выяснение не только факторов, сыгравших роковую роль в развале Советского Союза, но и установление их иерархии¹⁵.

Для создания объективной исторической картины гибели государства и социально-экономического порядка, лежащего в основе социализма, использован широкий круг источников: делопроизводственные документы, определявшие государственную политику СССР и политику КПСС, публицистика, мемуары, периодическая печать, статистические документы.

Крушение социализма и/или советского государства

Акт, подписанный в Вискулях в декабре 1991 г. тремя главами республик, не может оцениваться как волеизъявление народа. Народ вполне определенно высказался по этому вопросу. На референдуме в марте 1991 г. при явке 80 % за сохранение СССР проголосовало 76,4 % населения девяти союзных республик.

Точно также вполне обосновано считать данный акт антиконституционным, так как заключенный в 1922 г. Союзный договор и положения Конституции 1924 г., конечно, не могли быть дезавуированы соглашением трех республик.

¹⁰ Воротынский И., Нальгин А. «Интровертная» и «экстравертная» стратегия развития // Эксперт. 2021. 13 декабря. С. 9–18.

¹¹ Гайдар Е.Т. Гибель Империи. Уроки для современной России // BooksCafe.net. URL: <https://bookscafe.net/book/gaydar-egor-gibel-imperii-23836.html> (дата обращения: 21.01.2022)

¹² Кувалин Д.Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния. М., 2009. С. 174.

¹³ Хаас Р. Мировой беспорядок. М., 2019. С. 56.

¹⁴ Белецкая М.Ю. Экономическая помощь зарубежным странам со стороны СССР // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2 (79). С. 1119–1130.

¹⁵ Лем С. Сумма технологий. М., 2021. С. 244–245.

Несмотря на явную нелегитимность акта, принятого лидерами России, Украины и Белоруссии, ведущие страны мира поспешили признать независимость новых государств, во-первых, в территориальных границах, которые они пробрели, будучи в составе СССР, а во-вторых, признав независимость одних, отказались признавать независимость других: Южной Осетии, Абхазии, Приднестровья, Карабаха, приняв их за сепаратистов¹⁶.

Развал СССР и обрушение социализма представляли единый процесс, хотя мировая история не подтверждает обязательность такого совпадения. Множество стран и империй пережили сецессию, не ведущую к трансформации социально-экономического строя. Очевидная взаимосвязь этих явлений дает полное основание для поиска причин дезинтеграции Советского Союза во внутреннем организме социалистической системы.

В определении материальной основы социализма, призванного преодолеть «родимые пятна» капитализма: дифференциацию труда и собственности, неравенство в распределении, марксизм исходил из достаточности двух доминантных предпосылок – обобществления производства монополиями и завоевания политической власти, «сбрасывающей оковы капитализма» пролетариатом.

Один из последователей классиков марксизма Р. Гельфердинг, исходя из анализа текущей реальности, «продлил жизнь» капитализму в связи с открывающимся пространством его функционирования в финансовой сфере¹⁷.

Другая последовательница К. Маркса Роза Люксембург усомнилась в достаточности обобществления производства в качестве фундамента социализма, призванного избавить цивилизацию от неизбежно возникающих «язв» капитализма.

В частности, она полагала, что в социалистическом обществе будет достигнут высокий уровень развития производительных сил и технологического уклада. В своей работе «Накопление капитала» она писала:

Капитализм таит в себе историческое противоречие, процесс его накопления является выражением, непрерывным разрешением и в то же самое время усложнением этого противоречия. *На определенной высоте развития* (курсив наш. – В.Е.) это противоречие не может быть разрешено иначе, как применением основ социалистического хозяйства, – той формы хозяйства, которая по природе своей является в одно и то же время мировой формой и гармонической системой потому, что она основана не на накоплении, а на удовлетворении жизненных потребностей трудящегося человечества *путем развития производительных сил земной поверхности*¹⁸.

Конечно, Р. Люксембург не могла выразить свою мысль в актуальной для наших дней форме о том, что социализм – это система

креативной экономики общества, основанного на производительных силах, обеспечивающих человеку творческую деятельность¹⁹.

Вместе с тем мысль Р. Люксембург выражена вполне определенно – преодоление «изъянов» капитализма и построение социализма возможно только на основе достижения высокого уровня производительных сил, позволяющего преодолеть редкость значительной доли благ, необходимых для «удовлетворения жизненных потребностей трудящихся». Доступность благ неизбежно преодолевает несовершенство распределения, а удовлетворение потребностей трудящихся устраняет проти-

¹⁶ Маркедонов С. Бенефициары военной тревоги // Ведомости. 2021. 21 августа. С. 7.

¹⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М., 2022.

¹⁸ Люксембург Р. Накопление капитала. М.-Л., 1934. Т. 1, 2. С. 337–338.

¹⁹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2015; Бузгалин А.В. Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности // Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. М., 2021. С. 143–154.

воречия, связанные с дифференциацией труда и собственности. Только технологический уклад, позволяющий преодолеть редкость благ, а следовательно, товарный обмен и неравенство распределения, мог стать основанием формационной трансформации.

Однако мировой опыт не имеет прецедента сублимации социально-экономического развития от аграрно-индустриальной системы к постмодерну. Введение экономического порядка декретом, командой, планом, игнорируя закономерный ход истории, всегда оборачивается социальными катаклизмами и катастрофами.

Развитие в рамках модерна имеет, помимо прочего, императивное условие, а именно наличие товарно-денежных отношений. Индустриальная эпоха не продуцировала иного механизма определения общественной значимости труда, кроме рынка.

Рынок и социализм

Упуская из вида дискуссию о ленинском видении места и роли рынка при социализме (стратегия или вынужденная мера), следует сослаться на положительный опыт новой экономической политики. Восстановление товарно-денежных отношений в ходе осуществления НЭПа привело к заметным результатам, что позволяет считать реформы начала 1920-х гг. самыми успешными в отечественной истории.

Уместно сказать, что имеющиеся точки зрения о причинах сворачивания НЭПа – вследствие идеологического ригоризма большевиков или неминуемой угрозы извне или необходимости мобилизации экономики в условиях военной угрозы – представляются не совсем корректными. На самом деле советская власть столкнулась с проблемой рыночной неадаптивности крупной промышленности, патерналистски формировавшейся в ходе форсированной индустриализации второй половины XIX в. Фабрики и заводы, являвшиеся «колыбелью» пролетариата, диктатура которого составляла основу советской государственности, уже в 1923 г. стали демонстрировать неконкурентоспособность, на что правительство было вынуждено ответить поэтапно вводимыми монополиями на сырье.

Неспособность крупной промышленности функционировать в условиях рынка в СССР привела к вмешательству государства и замещению товарно-денежных отношений планово-директивными методами управления экономикой.

Уже в 1922 г. высшим органом, регулировавшим торговлю Комвнутторгом при СТО СССР, было принято Постановление, которое запрещало государственным учреждениям пользоваться услугами частных посредников. Устанавливались предельные закупочные и отпускные цены на основные виды сырья и товаров. С середины 1923 г. стало действовать Сырьевое совещание, по решению которого право заготовки сырья было ограничено узким кругом госучреждений. Так, монополистом в закупке и реализации хлопка стал Главхлопок, шерсти – Всесоюзное акционерное общество «Шерсть» и т.д. Кооперации, в том числе и промысловые, могли заготавливать сырье лишь с позволения указанных организаций²⁰.

Вместе с тем понимание важности рынка и товарно-денежных отношений присутствовало в сознании советских лидеров и после «полной победы социализма» в СССР.

И.В. Сталин писал в работе «Экономические проблемы социализма в СССР»:

Говорят, – что некоторые экономические законы, в том числе и закон стоимости, действующие у нас при социализме, являются «преобразованными» или даже «коренным образом преобразованными» законами на основе планового хозяйства.

²⁰ Подробнее см.: Егоров В.Г. Модернизация и революция как структурные предпосылки российской современности // Преподавание истории в школе. 2018. № 7. С. 18–23.

Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить»²¹. И далее: «Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму если иметь в виду, что не имеет у нас такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?»²².

Удельный вес социалистического сектора экономики СССР, в котором И.В. Сталин видел залог необратимости социальных преобразований, неуклонно рос.

Таблица 2 / Table 2

**Удельный вес социалистического хозяйства в народном хозяйстве СССР, % /
The specific weight of the socialist economy in the national economy of the USSR, %**

Удельный вес / Specific gravity	Год / Year		
	1928	1935	1937
В народном доходе / In the national income	44,0	97,8	99,1
В валовой продукции всей промышленности / In the gross output of the entire industry	82,4	99,71	99,8
В валовой продукции сельского хозяйства (включая личное подсобное хозяйство колхозников) / In the gross agricultural output (including the personal subsidiary farm of collective farmers)	3,3	94,2	98,6
В розничном обороте торговых предприятий / In the retail turnover of commercial enterprises	76,4	100,0	100,0

Источник: Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). М., 1939. С. 102.

Source: *Socialist construction of the USSR (1933–1938)* (Moscow: Gospolitizdat, 1939), 102.

Следует заметить, что «гарантом» от капиталистических «рецидивов» была, конечно, не общественная собственность, которая, как показал опыт Китая, сама по себе может и должна быть субъектом рыночного хозяйства, действуя в условиях товарно-денежной экономики в интересах консолидированного в социуме собственника и потребителя благ. Думается, что автор приведенной цитаты это прекрасно понимал. Рассуждения на тему рыночных отношений скорее отражали попытку определить роль таковых при социализме. Однако «полет мысли», как и практика социалистического строительства, свидетельствовали о невозможности адекватного совмещения все поглощающего планирования, администрирования и самоорганизации рыночной стихии.

По сути, пришедшее сегодня осознание необходимости сочетания рынка и плана, «естественной» экономики и государственного регулирования, пока не привело к выработке эффективной экономической модели, включающей в себя эти два начала. Тем более однозначных решений проблемы совмещения государственного регулирования и рыночной самоорганизации не мог дать и первый опыт построения социализма в СССР.

Деструкция гомеостаза социально-экономической системы

Мобилизационный тип экономики, в том числе благодаря идеологическому, репрессивному факторам и государственному перераспределению ресурсов из аграрной отрасли в промышленную, продемонстрировал на первых порах достаточно

²¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 9.

²² Там же. С. 15–16.

высокую эффективность. По темпам роста промышленного производства СССР превосходил большинство развитых стран.

Таблица 3 / Table 3

**Рост промышленности СССР и главных капиталистических стран (1913 г. = 100), % /
The growth of industry in the USSR and the main capitalist countries, %**

Страна / Country	Год / Year			
	1913	1935	1937	1938
СССР / USSR	100,0	562,6	816,4	908,8
США / USA	100,0	128,6	156,9	122,7
Англия / England	100,0	104,0	121,9	113,3
Германия / Germany	100,0	105,9	129,3	133,0
Франция / France	100,0	94,0	101,0	93,7

Источник: Социалистическое строительство... С. 34.
Source: *Socialist construction*, 34.

Однако по мере дальнейшего развития структурные изъяны в экономике СССР стали оказывать негативное влияние. Нельзя сказать, что системные нарушения проявлялись линейно. Скорее нарастание дисфункциональности имело характер аттрактора. Наряду с достаточной эффективностью мобилизационной экономики, позволившей поддерживать паритет военного потенциала с вероятным противником, обеспечивавшей прорывы в отдельных направлениях технического прогресса, достижения в научной и культурной сферах в советском социуме стали все очевиднее проступать признаки качественного «расстройтва».

Одним из наиболее значимых недостатков системы являлся увеличивавшийся «зазор» между трудом и собственностью, обусловивший растущую демотивацию трудящихся. Отсутствие материальной заинтересованности населения к труду и рыночных механизмов, регулирующих количество и качество продукции, удовлетворяющей его потребности, оказывали увеличивавшийся тормозящий эффект.

Общественная собственность, рассматривавшаяся представителями коммунистической элиты как панацея от капиталистической эксплуатации и неравенства, и ставшая объектом административно-командного управления и распоряжения, утрачивала качества собственности как социального феномена и все более дистанцировалась от реальных интересов трудящихся, что, в конечном итоге, вело к демотивации их сознательного, активного участия в общественном производстве.

Осознавая деструктивные последствия системных противоречий социализма, представители политического класса СССР предпринимали шаги, направленные на реформирование экономики.

С конца 1950-х гг. экономисты Л.В. Канторович, В.С. Немчинов, В.В. Новожилов активно включились в поиск модели развития, учитывающей необходимость введения принципов хозрасчета, материальной заинтересованности и рыночных основ ценообразования. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин предпочел модель реформирования, предложенную Е.Г. Либерманом. В статье этого экономиста, опубликованной в газете «Правда» за 9 сентября 1962 г. «План, прибыль, премия», предлагалось исключить показатель валовой продукции как критерий оценки эффективности работы предприятия и установить в качестве такового прибыль и рентабельность (отношение прибыли к оборотным фондам). При этом, по замыслу Е.Г. Либермана, переход на новые экономические показатели должен был оставить неизбылемыми плановые задания по количеству и качеству поставок. В статье «Еще раз о плане, прибыли, премии» («Правда» от 20 сентября 1964 г.) автор проекта полагал необходимым специально указать на обязательность связи интересов потре-

бителя и производителя через оценку деятельности предприятия по объему не выпускаемой, а реализованной продукции²³.

Реформа Косыгина – Либермана, поддержанная двумя Пленумами ЦК КПСС, мартовским (1965 г.) и сентябрьским (1965 г.), стала успешно внедряться в практику хозяйственной деятельности. Именно благодаря своевременно принятым структурным преобразованиям восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) стала одной из наиболее успешных. Национальный доход в течение этого периода вырос в четыре раза²⁴. Однако последовавшие в конце 1960-х гг. события в Чехословакии отвратили советскую политическую элиту от реформистского курса, и без того испытывавшего сопротивление административной системы.

Последствием структурного фактора – дифференциации труда и собственности стало снижение темпов прироста производительности общественного труда.

Таблица 4 / Table 4

**Темпы роста производительности общественного труда, % /
Growth rates of social labor productivity, %**

Год / Year	К 1960 / By 1960	К 1970 / By 1970	К 1975 / By 1975	К 1980 / By 1980	К 1985 / By 1985	К 1986 / By 1986
1960	100					
1965	134					
1970	186	100				
1975	232	125	100			
1980	273	147	117	100		
1981	280	150	121	103		
1982	289	155	124	106		
1983	300	161	129	110		
1984	308	165	132	113		
1985	317	170	137	116	100	
1986	330	177	142	121	104	100
1987	337	181	145	124	106,3	102,4

Источник: Труд в СССР (Статистический сборник). М., 1988. С. 233.

Source: *Labor in the USSR (Statistical collection)* (Moscow: Finance and Statistics Publ., 1988), 233.

Приведенные в табл. 4 данные хорошо иллюстрируют затухающий характер темпов прироста производительности общественного труда. Если в 1960-х гг. они выражались двузначными числами (прирост производительности в 1970 г. к 1965 г. составил 52 %), то в 1987 г., этот же показатель по отношению к предшествующему году составил всего 2,4%.

По темпам прироста производительности общественного труда СССР уступал не только развитым странам капитализма, но и своим партнерам по социалистическому лагерю (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

**Темпы роста производительности общественного труда в странах - членах СЭВ (1960 = 100), % /
Growth rates of social labor productivity in COMECON member countries, %**

Страна / Country	1970	1975	1980	1985	1986	1987
Болгария / Bulgaria	210	305	410	486	511	539
Венгрия / Hungary	163	220	263	289	291	305
ГДР / GDR	154	198	237	292	305	316
СССР / USSR	186	232	273	317	330	337

Источник: Труд в СССР... С. 234.

Source: *Labor in the USSR*, 234.

²³ Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2021. С. 580.

²⁴ Лигачев Е.К. Кто предал СССР. М., 2009. С. 14.

Отсутствие рыночных механизмов, регулирующих ценообразование, количество и качество товарной массы вело к непреодолимому дисбалансу потребительского рынка. С одной стороны, СССР превращался в страну хронического дефицита, а с другой, демонтировал экономику с большим навесом неиспользованных денежных средств и большой массы «неликvida».

В 1985 г. уровень дефицита по разным товарным группам составлял от 78 до 84 %. В экспертной оценке Минпромторга СССР на постановление Совмина № 548 (июнь 1981 г.) «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981–1985 гг. и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары», предполагавшего ликвидацию дефицита 50 товарных позиций, говорилось о потенциальной возможности устранения нехватки товаров только половины товарных групп²⁵.

Невостребованные и недостающие товары отечественного производства активно замещались импортом, что фактически означало «проедание» и без того недостающих валютных поступлений (табл. 6).

Несмотря на хронический дефицит в промышленности и торговле, росли товарные запасы (табл. 7).

Таблица 6 / Table 6

**Импортированные товары народного потребления, направленные в торговлю /
Imported consumer goods aimed at trade**

	Год / Year							
	1960	1970	1975	1980	1985	1986	1987	1988
Все товары, млн руб. / All products, million rubles	6375	14 163	22 899	33 619	48 466	46 359	40 442	40 689

Источник: Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989. С. 197.

Source: *Trade of the USSR. Statistical collection* (Moscow: Finance and Statistics, 1989), 197.

Таблица 7 / Table 7

**Запасы непродовольственных товаров в оптовой торговле и в промышленности на конец года, млн руб. /
Stocks of non-food products in wholesale trade and in industry at the end of the year, millions of rubles**

	Год / Year								
	1940	1965	1970	1975	1980	1985	1986	1987	1988
Все непродовольственные товары / All non-food products	248	3052	4222	5824	8363	14 388	13 077	11 620	12 254

Источник: Торговля СССР... С. 241.

Source: *Trade of the USSR*, 241.

Из общего объема запасов товарной массы на неходовые и залежалые остатки в 1985 г. приходилось 4,5 %²⁶.

Самым наглядным показателем нереализованного спроса стали увеличивающиеся пассивные накопления граждан. Если в 1961–1965 гг. остатки вкладов населения увеличились на 7,8 млрд руб., то в 1966–1970 гг. – уже на 27,9 млрд руб. К 1981 г. остаток вкладов населения составил 156,5 млрд руб.²⁷

²⁵ Кирсанов Р.Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 3. С. 37–42.

²⁶ Там же. С. 277.

²⁷ Там же. С. 37.

Усугубляющаяся деструкция на потребительском рынке обусловила рост общественного недовольства. В 1958–1966 гг. количество осужденных за антисоветскую пропаганду составляло 3 448 чел., а в 1971–1974 гг. число «профилактируемых» граждан (подлежащих специальному учету КГБ как нелояльных власти) составляло 63, 1 тыс. чел.²⁸

Структурные факторы создавали эффект разрушительного потенциала, при котором возрастала разбалансированность социально-экономической системы, отягощенная внутривластными и внешними обстоятельствами. По поводу такого критического состояния социальных систем С. Лем писал:

Общественные структуры обладали различной сопротивляемостью подобным нарушениям, иногда нарушения выводили всю систему за пределы устойчивости в зону необратимых переходов, приводили к революционным изменениям всей структуры²⁹.

Многие исследователи видят причину прекращения существования СССР в системном кризисе, к которому привело «сочетание явлений». При этом под системой понимается

идеологически организованная форма государственной власти с присущими ей политическими, экономическими и социальными особенностями³⁰,

что в случае с Советским Союзом означало совмещение факторов, приведших непосредственно к сецессии, с кризисом социализма, являвшегося системообразующим основанием государственности.

Разрушение государства и социализма

Последний председатель Госплана СССР В.И. Щербаков в своих мемуарах описал ситуацию, сложившуюся к началу перестройки:

Пятилетку за пятилеткой руководители государства безуспешно пытались разрешить принципиальное противоречие социализма: найти меру сопряжения общественного характера производства с его товарностью. Логика номенклатуры не признавала иных способов управления, кроме выполнения партийных решений и директивных планов социалистического строительства. Повседневная же практика, не говоря уже о зарубежных примерах, убеждала, напротив, в преимуществе экономических, рыночных методов³¹.

В докладе на XXVII съезде партии в 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев сформулировал основные направления структурных преобразований в стране. При этом фундаментальные основы социалистических отношений не подвергались сомнению. Качественным изменениям подлежали не «принципы планового руководства, а лишь его методы и приемы», не социалистическая ответственность как «основа» общественного строя, а реальные условия влияния «на организацию производства, распределение и использование результатов труда»³². Относительно рынка прямо заявлялось, что

здоровое функционирование товарно-денежных отношений на социалистической основе способно создать такую обстановку, такие условия хозяйствования, при которых его результаты всецело зависят от качества работы коллектива, от умения и инициативы руководителей³³.

²⁸ *Гайдар Е.Т.* Гибель Империи...

²⁹ *Лем С.* Сумма технологий. М., 2021. С. 244–245.

³⁰ *Пихоя Р.Г.* О периодизации системного кризиса Советского Союза // *Российская история*. 2019. № 2. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S086956870004488-7>

³¹ *Щербаков В.И.* Крушение советской империи глазами последнего председателя Госплана СССР. М., 2021. С. 21–22.

³² *Материалы XXVII съезда КПСС*. М., 1986. С. 39.

³³ Там же. С. 40–41.

Первым реальным актом, связанным с качественной трансформацией хозяйственного механизма, стал Закон № 7284-ХІ «О государственном предприятии (объединении)», принятый Верховным Советом СССР 30 июня 1987 г. и вступивший в силу с 1 января 1988 г. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, закон был принят скоропалительно, без глубокой проработки вопроса. Предоставление предприятиям широких полномочий в условиях практически их монопольного положения в выпуске определенных групп продукции, в том числе малорентабельной, привело к массовому отказу от выпуска изделий, не обеспечивающих достаточного уровня прибыльности, к нарушениям дисциплины поставок и разрыву их производственных цепей. По этому поводу бывший в то время зампредом Стройбанка СССР Я.И. Дубенецкий писал:

Принятие закона о предприятии было стратегической ошибкой. В нем уже в совершенно гипертрофированном виде развилась непродуманная идея о благе полной самостоятельности предприятия без сколь-нибудь серьезной ответственности в условиях отсутствия рынка и конкуренции. На практике эта беспредельная самостоятельность привела к вымыванию из производства массового дешевого ассортимента потребительских товаров, сокращению производства продукции, по тем или иным причинам не подходящей предприятию, ослаблению договорной дисциплины, вздуванию цен и другим негативным последствиям, означавшим резкое ослабление административной системы управления при практически полном отсутствии рыночных механизмов и регуляторов. Положение усугубилось совершенно уж нелепыми решениями о выборах директоров предприятий, утверждением безграничного произвола созданных советов трудовых коллективов. Наступала полная анархия, в то время как современное производство требует жесточайшей технологической дисциплины и ответственности³⁴.

Если ранее в отдельных видах потребительских товаров наблюдался недостаток, то спустя некоторое время после принятия закона из оборота совершенно исчезли многие виды продукции промышленности.

Также контрпродуктивным оказалось осуществление преобразований, предусмотренных законом «О кооперации», вступившим в силу в середине 1989 г. Функционировавшие в течение года без налогов кооперативы превратились в «лавочки» для отмывания незаконного оборота денег, в том числе наличных, перепродажи продукции государственных предприятий, бенефициаров объектов общественной собственности. Приведем свидетельство министра финансов СССР В.С. Павлова:

Целый год кооператоры жили практически вообще без налогов – с них брали всего лишь по три процента от прибыли. Этот порядок, и вернее, полный экономический беспорядок позволил многим дельцам прошлой эпохи успешно отмыть свои теневые капиталы. Делалось это в принципе просто: бралась лицензия на продажу цветов, пирожков, корочке, всего, чего угодно. Этих товаров продавали на сто рублей, а в финансовые органы заявляли, будто продали на сто тысяч рублей. Платили 3 000 налогов – и вот вам, пожалуйста, чистенькие, отмывтые 97 000! Не понимать этого механизма отмывки теневых капиталов наши ведущие экономисты, конечно, не могли. Обо всем остальном можно лишь предполагать и догадываться³⁵.

Возможность быстрого обогащения, даже в ущерб общественным интересам, и легализация теневого сектора экономики привели к бурному росту организаций с кооперативной вывеской, которых к 1990 г. насчитывалось более 200 тыс. При этом по данным, приведенным академиком Л.И. Абалкиным, 86 % из них были организованы при госпредприятиях. Во многих псевдокооперативах на 3–5 пайщиков приходилось по 150–200 наемных работников³⁶.

Таким образом, и разгосударствление экономики через необдуманый акт насаждения кооперации обернулось полным крахом, расхищением государственной

³⁴ Щербаков В.И. Крушение советской империи... С. 131.

³⁵ Там же. С. 142–143.

³⁶ Там же. С. 144, 147.

собственности, ростом цен и криминализацией общества. Более проработанному плану перехода к рынку, предложенному Председателем Совета министров СССР Н.И. Рыжковым и принятым постановлением Верховного Совета СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике СССР»³⁷, не суждено было воплотиться в практику хозяйствования.

Возглавляемое председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным руководство республики фактически саботировало конструктивные усилия союзного правительства. На заседании Президентского совета председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов прямо заявил, что Б.Н. Ельцин «держит курс на развал Союза»³⁸.

Уже когда центробежные силы было невозможно остановить, в материалах XXVIII съезда КПСС отмечалось:

Острота социально-экономической ситуации в стране подвела нас вплотную к необходимости фундаментальных перемен в экономической системе. Речь идет о формировании новой модели экономики: многоукладной, с разнообразными формами собственности и хозяйствования, современной рыночной инфраструктурой. Тем самым будет открыт простор деловой активности и инициативе людей, созданы новые сильные мотивы плодотворного труда, роста эффективности экономики³⁹.

В условиях нарастания структурного кризиса советской экономики и неудачных последствий ее реформирования системный кризис с неизбежностью распространился (при ослаблении репрессивной вертикали власти) на консолидирующие социетальные «скрепы» только формирующейся политической нации, именуемой в официальных партийных документах того времени «советский народ».

Ослабление идеологических устоев советского общества вкупе с резким падением материального уровня жизни населения страны закономерно продуцировали поиск национально-культурных оснований объединения социумов союзных республик. Начало националистическим проявлениям положили события 17–18 декабря 1986 г. в столице Казахстана Алма-Ате,⁴⁰ затем последовал февральский 1988 г. армяно-азербайджанский кризис в Нагорном Карабахе⁴¹.

Ситуация в сфере национальных отношений потребовала принятия специальной Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС от 1 июля 1988 г.⁴² Однако запущенный маховик национального размежевания в условиях расширения социально-экономического кризиса в СССР было невозможно остановить.

Уже 16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию «О суверенитете Эстонской ССР»⁴³. За Декларацию «О государственном суверенитете Литвы» Верховный Совет Литовской ССР проголосовал 18 мая 1989 г.⁴⁴ Верховный Совет Латвийской ССР принял Декларацию «О государственном суверенитете Латвии» 28 июля 1989 г.⁴⁵ Конституционный закон «О суверенитете Азербайджан-

³⁷ Постановление Верховного совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1558-1 «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. С. 464–471.

³⁸ В Политбюро ЦК КПСС: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 645–652.

³⁹ Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского союза. М., 1990. С. 13.

⁴⁰ Доклад Американской Хельсинской группы (сентябрь 1990 г.) «О волнениях в Казахстане // Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). М., 2016. Т. 1. С. 106.

⁴¹ Правда. 1988. 24 марта. С. 3–4.

⁴² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г.: стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. С. 156–160.

⁴³ Советская Эстония (вечерний выпуск). 1988. 18 ноября. С. 6–8.

⁴⁴ Советская Литва. 1989. 20 мая. С. 4–5.

⁴⁵ Коммунист Советской Латвии. 1990. № 6. С. 21–26.

ской ССР» был принят 23 сентября 1989 г.⁴⁶ После того, как к «параду суверенитетов» 12 июня 1990 г. присоединилась РСФСР⁴⁷, декларирование независимости поддержали все остальные республики. В итоге проявившийся в социально-экономическом строе механизм деструкции стал обретать системный характер⁴⁸.

Выводы

Таким образом, СССР с момента своего создания должен был стать идеологической и социально-экономической альтернативой неизбежных изъянов капитализма (таких, как эксплуатация, социальное неравенство, дифференциации труда и собственности). Однако первый опыт реализации социалистического проекта осуществлялся в стране с наименьшими материальными и технологическими предпосылками. Справедливости ради следует заметить, что такие предпосылки или первые признаки таковых появляются в наиболее развитых странах только в настоящее время.

Мобилизационные механизмы позволили Советскому Союзу решить многие проблемы социально-экономического развития и занять место в ряду наиболее могущественных стран мира. Однако изначально присутствующие структурные дисфункции системы по мере ослабления репрессивного и идеологического давления на социум постепенно вели к ее неизбежному кризису.

Конечно, крах советского государства не носил фатального характера. «Трагедии XX века» вполне можно было избежать. Подтверждений тому достаточно в мировой истории, когда политические элиты ряда стран (и прежде всего Китая, Южной Кореи и др.), осознавшие необходимость структурной трансформации, осуществили успешные реформы. Вместе с тем история не знает сослагательного наклонения. Совокупность объективных и субъективных причин создала критическую массу, сдвинувшую в пропасть воздвигаемое трудом многих поколений советских людей равновесие, и великая держава СССР прекратила свое существование.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 23.09.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.10.2022

References

- Artemyev, M. "The Collapse of the Union." *Historian*, no. 12 (December 2021): 62–71 (in Russian).
- Beletskaya, M.Yu. "Economic assistance to foreign countries from the USSR." *Economics and entrepreneurship*, no. 2 (2017): 1119–1130 (in Russian).
- Gaidar, Ye.T. *The Death of the Empire. Lessons for modern Russia*. URL: <https://bookscafe.net/book/gaydar-egor-gibel-imperii-23836.html> (accessed: 21.01.2022).
- Haas, R. *World Disorder*. Moscow: AST Publ., 2019 (in Russian).
- Hilferding, R. *Financial capital. The newest phase in the development of capitalism*. Moscow: URSS Publ., 2022 (in Russian).
- Kirsanov, R.G. "The state of the consumer market in the USSR (late 1970s – early 1990s)." *Bulletin of the Buryat State University*, no. 3 (2014): 37–42 (in Russian).
- Krotov, N.I., and Shcherbakov, V.I. *The Death of the Soviet Empire through the eyes of the last chairman of the USSR State Planning Committee*. Moscow: Economic Chronicle. Our Tomorrow Publ., 2021 (in Russian).
- Kuvalin, D.B. *Economic policy and behavior of enterprises: mechanisms of mutual influence*. Moscow: Maks Press, 2009 (in Russian).
- Lavrenov, S.Ya. "Farewell to the Soviet Union. To the 30th anniversary of the collapse." *Observer*, no. 1 (2022): 84–100 (in Russian).
- Lem, S. *Summa technologi*. Moscow: AST Publ., 2021 (in Russian).

⁴⁶ Бакинский рабочий. 1989. 5 октября. С. 11–13.

⁴⁷ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. С. 22–24.

⁴⁸ Пихоя Р.Г. О периодизации системного кризиса... С. 4–5.

- Ligachev, E.K. *Who betrayed the USSR*. Moscow: Eksmo, Algorithm Publ., 2009 (in Russian).
- Markedonov, S. “Beneficiaries of military alarm.” *Vedomosti*, August 21, 2021 (in Russian).
- Medvedev, V.A. *In Gorbachev's team*. Moscow: Bylina Publ., 1994 (in Russian).
- Mirkin, Ya. “The collapse of the indestructible.” *Rodina*, no. 12 (December 2021): 89–105 (in Russian).
- Mironov, B.N. “From korenization to sovereignization: how the disintegration of the USSR was being prepared.” *Russian History*, no. 6 (2021): 3–24 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086956870017379-7>
- Mironov, B.N. “The Suffering salvation of Russia.” *Rodina*, no. 12 (2021): 116–122 (in Russian).
- Pikhoya, R.G. “On the periodization of the systemic crisis of the Soviet Union.” *Russian History*, no. 2 (2019): 3–14 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S086956870004488-7>
- Rumer, E., Sokolsky, R. *Grand Illusions. The impact of Misperceptions About Russia on U.S. Policy*. Carnegie Endowment for International Peace, 2021.
- Sazonov, A.A. *Who and how destroyed the USSR? Archival documents*. Moscow: Algorithm Publ., 2018 (in Russian).
- Shubin, A.V. “How the fate of the Soviet Union ended. How did the USSR come to the Belovezhskaya Agreement and what role did Leonid Kuchma's STUPID and ‘battering ram’ play in it.” *Expert*, December 20, 2021; January 10, 2022: 83–91 (in Russian).
- Sorokin, A. “Commemorations on the market.” *Rodina*, no. 12 (2021): 106–115 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Economic problems of socialism in the USSR*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1952.
- Vdovin, A.I. *USSR. The History of the Great Power (1922–1991)*. Moscow: RG-Project Publ., 2021 (in Russian).
- Vorotynsky, I., Nalgin, A. “‘Introverted’ and ‘extroverted’ development strategy.” *Expert*. December 13, 2021 (in Russian).
- Yegorov, V.G. “Civilizational prerequisites for the political and socio-economic evolution of Russia.” *Teaching history at school*, no. 7 (2018): 18–23 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Георгиевич Егоров, д-р. истор. наук, д-р эконом. наук, профессор, директор научной школы «Экономическая теория» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова; 117997, Россия, Москва, Стремянный пер., 36; заведующий кафедрой международных отношений и геополитики транспорта, Российский университет транспорта; 127994, Москва, ул. Образцова, 9/9; korrka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2473-8590>

Vladimir G. Egorov, Dr. Habil. Hist., Dr. Habil. Economics, Professor, Director of the Scientific School “Economic Theory,” Plekhanov Russian University of Economics; 36, Stremyanny Pereulok, Moscow, 117997, Russia; Head of the Department of International Relations and Geopolitics of Transport, Russian University of Transport; 9/9, Obraztsova Str., Moscow, 127994, Russia; korrka@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2473-8590>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Научная статья / Research article

Княгиня Анна Тайшина – первая правительница ставропольских крещеных калмыков, 1737–1742

Степан Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: Рассматривается вовлеченность калмыцкой княгини Анны Тайшиной в процесс встраивания крещеных калмыков в экономическое, политическое и административно-правовое пространство России. Основываясь на обширной документальной базе, автор отмечает, что образование обособленного калмыцкого княжества на Средней Волге стало следствием российской политики христианизации и целенаправленного поселения крещеных калмыков за пределами Калмыцкого ханства. Передача территорий с особым административным статусом в единоличное женское управление, пусть и под строгим правительственным контролем, является единственным примером в истории царской России. Отмечается, что в хрониках середины 20-х – 30-х гг. XVIII в. Анна Тайшина упоминалась исключительно в связи с активной политической деятельностью ее мужа Петра Тайшина и заинтересованностью в его услугах российских властей. Выявлено, что наделение Тайшиной властными полномочиями произошло не только в силу случайного стечения обстоятельств: неожиданная смерть ее мужа и отсутствие высокородных отпрысков среди калмыков, принявших крещение, но и стремлением российского правительства поселить крещеных калмыков на удаленной территории. Исследование показало, что за короткий период княжения Тишиной были заложены основы административно-территориального устройства калмыцкого поселения, его властной структуры и порядка управления, хозяйственного и социального развития; о высоком правовом статусе калмыцкой княгини свидетельствовала передача калмыцкого поселения в ведомство Коллегии иностранных дел. Подтверждается, что все нововведения, поддержанные правительством, осуществлялись по инициативе Анны Тайшиной либо ставропольского коменданта, но обязательно со ссылкой на ее мнение. Сделан вывод: сложившийся при жизни Анны Тайшиной порядок задал вектор развития калмыцкого поселения вплоть до его упразднения в 1842 г.

Ключевые слова: Коллегия иностранных дел, крещеные калмыки, Ставрополь-на-Волге, Оренбургская экспедиция, Оренбургская комиссия, Российская империя, управление

Для цитирования: Джунджузов С.В. Княгиня Анна Тайшина – первая правительница ставропольских крещеных калмыков, 1737–1742 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 541–555. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Princess Anna Taishina, the First Ruler of the Stavropol Baptized Kalmyks, 1737–1742

Stepan Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Abstract: The involvement of Kalmyk princess Anna Taishina in the process of baptized Kalmyks fitting into the economic, political and administrative-legal space of Russia is examined. Based on extensive documentary data, the author notes that the formation of a separate Kalmyk principality on

© Джунджузов С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the Middle Volga was the consequence of the Russian policy of Christianization and purposeful settlement of baptized Kalmyks outside the Kalmyk Khanate. The transfer of territories with a special administrative status to a sole female administration, albeit being under strict government control, is the only example in the history of Tsarist Russia. In the chronicles of the mid-1720–1730s Anna Taishina was mentioned solely in connection with the active political activities of her husband, Pyotr Taishin, and the interest of the Russian authorities in his services. A. Taishina was granted authority not due to coincidence: it was not only the unexpected death of her husband and the absence of high-born off-spring among the baptized Kalmyks, but also the desire of the Russian government to settle baptized Kalmyks in the remote territory. Within the short period of A. Taishina's reign, there were laid the foundations of the administrative-territorial structure of the Kalmyk settlement, its power structure and order of administration, economic and social development. The high legal status of the Kalmyk princess was evidenced by the transfer of the Kalmyk settlement to the Collegium of Foreign Affairs. It is confirmed that all innovations supported by the government were carried out on the initiative of Anna Taishina, or the Stavropol commandant, but always considering her opinion. The conclusion is that the order that took shape during the life of Anna Taishina set the vector for the development of the Kalmyk settlement until its abolition in 1842.

Keywords: Anna Taishina, Department of Foreign Affairs, baptized Kalmyks, Stavropol-on-Volga, Orenburg expedition (commission), the Russian Empire, management

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan. "Princess Anna Taishina, the First Ruler of the Stavropol Baptized Kalmyks, 1737–1742." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 541–555. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Введение

С именем калмыцкой крещеной княгини Анны Андреевны Тайшиной связано образование калмыцкого поселения на Средней Волге, основание города-крепости Ставрополя-на-Волге, формирование этноконфессиональной сословной группы ставропольских крещеных калмыков. В отличие от своих воинственных современниц, вдов Аюки хана и Дондук-Омбо, ханш Дармы-Балы и Джан, Анна не плела заговоры, не участвовала в мятежах, не подстрекала калмыков к откочевке за пределы России. Своим возвышением она обязана браку с калмыцким крещеным нойоном Петром Тайшиным и амбициозному плану российского правительства передать под ее правление всех крещеных калмыков.

В исторической литературе персона княгини А. Тайшиной в основном упоминается в контексте исследования христианизации калмыков¹ и административного устройства, отведенной для их поселения, территории². Цель данной статьи – рассмотреть вовлеченность калмыцкой правительницы в процесс встраивания крещеных калмыков в экономическое, политическое и административно-правовое пространство России. Эпистолярные и иные источники, исходившие от А. Тайшиной, в которых находили выражения ее помыслы и желания, позволяют судить взаимоотношения княгини с правительственными чиновниками, заботе о благополучии вверенных ей калмыков, ее бытовых предпочтениях и нуждах.

¹ Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (К вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100; Комиссаренко А.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в XVIII в. // Документальный источник в историческом исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А.А. Зимина. Материалы международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ. М., 2020. С. 478–479; Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. Цюрюмов А.В., Курапов А.А. Христианизация калмыков в российско-калмыцком взаимодействии в конце XVII – середина XVIII вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4 (48). С. 40–41.

² Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск, 2008; Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий ин-т. общественных наук, 1992. С. 50–56.

Письма Анны Тайшиной, адресованные императрице Анне Иоанновне, вице-канцлеру графу А.И. Остерману и начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву представлены в документах фонда «Ставропольская канцелярия» Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Часть документов, относящихся к периоду княжения А. Тайшиной, вошли в первый том сборника документов «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.», изданный в 2011 г.³ Ссылки на волеизъявление калмыцкой княгини, выраженные в виде прошений или донесений, содержатся в указах и других документах, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи» или обнаруженных в ходе исследования в фондах центральных и региональных архивов.

Выявленные к настоящему времени архивные источники не позволяют установить ряд существенных биографических фактов, относящихся к периоду жизни А. Тайшиной в Калмыцком ханстве. В них нет указаний о ее возрасте, вступлении в брак, количестве детей. Пробелы в биографии А. Тайшиной объясняются отсутствием метрических книг в калмыцких улусах. Для российского правительства важна была не столько личность будущей княгини, сколько ее статус жены и особенно вдовы принявшего христианство видного представителя ханской династии.

Данное исследование в определенном смысле является продолжением опубликованной в 2019 г. статьи, посвященной жизненному пути и политической деятельности Петра Тайшина. В ней упоминаются события, связанные с семейной жизнью православного калмыцкого нойона, однако А. Тайшина была представлена в них лишь как сопутствующий персонаж своего властолюбивого мужа⁴.

Заложница политических интриг

Церен-Янжи, так звали Анну до перехода в православие, происходила из знатного рода дербетских нойонов. Ее отец Четерь-тайши оказывал большое влияние на расклад политических сил в Калмыцком ханстве. Женитьба внука Аюки хана на дочери дербетского нойона должна была содействовать укреплению авторитета Четеря в кругу представителей высшей калмыцкой знати.

Решающее влияние на судьбу Церен-Янжи оказали события, связанные с восприятием ее мужем Баксадаем Доржи христианства и его десятилетним участием в политической борьбе за верховную власть в Калмыцком ханстве. Будучи вторым внуком от старшего сына Аюки хана Чакодорджаба, Баксадай, став христианином, надеялся обрести в лице Российского императора сильного покровителя и при его поддержке занять ханский престол. Предпринятая в 1724–1725 гг. поездка Баксадая Доржи для принятия крещения в Москву и Санкт-Петербург, как ему казалось, оправдала все его ожидания. Сам император Петр I пожелал стать восприемником калмыцкого нойона и нарек его своим именем – Петром⁵. Однако у имперской власти были в отношении него другие планы.

После некоторых колебаний царское правительство, согласуясь с волей умершего в 1724 г. хана Аюки, настояло на утверждении нойонами заместником Калмыц-

³ Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы / отв. ред. А.С. Ряжев; сост.: С.В. Джунджузов, А.В. Тепикин, Л.Б. Четырова. Ростов н/Д, 2011. Т. 1.

⁴ Джунджузов С.В. Перепитии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещенных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1725–1736. Д. 14. Л. 68–68 об.

кого ханства младшего сына Аюки, Церен-Дондука⁶. Петру Тайшину, если можно так выразиться, отводилась роль «агента российского влияния». Его пример, как надеялся Петр I, призван был «склонять владельцев и законников их (калмыков. – С.В.) в христианство»⁷. Для закрепления успеха в деле распространения христианства среди калмыков в 1725 г. была учреждена православная миссия, прикомандированная к улусу Петра Тайшина. До 1734 г. ею руководил иеромонах Никодим (Ленкеевич).

В первые месяцы после возвращения в Калмыцкие степи П. Тайшин, по крайней мере, публично, старался представляться защитником крещеных калмыков. Он не возражал против крещения жены и детей. 20 сентября 1726 г. Ленкеевич уведомил архимандрита Гавриила, что через П. Тайшина Церен-Янжи объявила ему о согласии перейти в христианство. Ее восприемником чета Тайшиных хотела видеть астраханского губернатора Артемия Волынского. А. Волынский уклонился от участия в обряде крещения, сославшись на отсутствие полномочий. Неделию спустя Церен-Янжи от своего имени, минуя губернатора, отправила на высочайшее имя прошение, в котором подтвердила желание перейти в православие и просила на то императорского дозволения. Содержание письма было доведено до сведения Екатерине I. Императрица дала согласие и пожелала Тайшиной принять крещение «где пожелает или в Петербурге»⁸. Так имя будущей калмыцкой княгини стало известно в высших правительственных кругах.

Обращение Церен-Янжи к Екатерине I соответствовало интересам П. Тайшина. По возвращении из Санкт-Петербурга Петр, уверовавший в покровительство царского двора, поссорился не только с наместником ханства, но и со своими братьями, выдавшими в нем сторонника принудительной христианизации калмыков. Конфликт между братьями перерос в вооруженную борьбу, в результате которой Нитар Доржи со своими людьми напал на кибитки, принадлежавшие П. Тайшину, захватил в плен Церен-Янжи и членов православной миссии⁹. После примирения со старшим братом Дасангом П. Тайшин перестал поддерживать православную миссию. В 1728 г. он уведомил Коллегию иностранных дел, что желал бы прибыть к императорскому двору для проведения обряда крещения Церен-Янжи. Поездка была отложена из-за начавшейся в Царицыне эпидемии моровой язвы¹⁰.

Настоящей трагедией для Церен-Янжи обернулся сговор П. Тайшина с двоюродным братом Дондук-Омбо и инициированное ими в 1731 г. вооруженное выступление против хана Церен-Дондука. Поражение ханского войска в районе озера Сасыколи дало повод России для поддержки своего ставленника и законного правителя направить в Калмыцкую степь воинскую команду во главе с генерал-лейтенантом князем И. Ф. Барятинским. Дондук-Омбо со своим улусом успел уйти на Кубань. П. Тайшин был задержан и арестован И. Ф. Барятинским в городке Красный Яр. Возможно, нерасторопность мятежного владельца объяснялась беспокойством о семье, посаженной под караул в Астрахани¹¹.

До 1734 г. Петр и Церен-Янжи содержались в Царицыне. Улус П. Тайшина был отдан в управление нойону Дондук-Даши, а принадлежавший ему и его людям скот передан казакам в награду за участие в походе¹². За без малого два года, проведенных

⁶ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 41–45.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Изд. 1. Т. VII. СПб., 1830. С. 207.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Джунджузов С.В. Перепетии судьбы... С. 534.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1731. Д. 1. Л. 54–54 об.

¹¹ Джунджузов С.В. Перепетии судьбы... С. 537–539.

¹² АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725–1736. Д. 14. Л. 129.

в неволе, умерли дети Тайшиных – сын и две дочери, что стало в скором будущем причиной пресечения первой династии православных калмыцких князей¹³.

В конце февраля 1734 г. П. Тайшин обратился к Анне Иоанновне с двумя покаянными письмами. В первом из них Петр описывал невзгоды, обрушившиеся на него в связи с монаршей опалой, уверял императрицу, что «никогда не причинял вреда русским людям»¹⁴. Во втором письме он уже ставит вопрос о возвращении отобранного улуса и выделении указанного для кочевания месте: между Волгой, Доном и Донцом. Оба письма завершались клятвенными уверениями в верности¹⁵.

Указ, адресованный астраханскому губернатору И. Измайлову и полковнику В. Беклемишеву об отправке Петра Тайшина в Санкт-Петербург, стал стечением нескольких обстоятельств:

– необходимость вывода из Калмыцкого ханства крещеных калмыков, подвергавшихся репрессиям со стороны некрещеных нойонов и подпадавших под влияние буддийского духовенства;

– умиротворение калмыцкой элиты путем передачи верховной власти в Калмыцком ханстве Дондук-Омбо. Одним из условий своего возвращения с Кубани Дондук-Омбо называл освобождение от наказания П. Тайшина;

– раскаяние самого П. Тайшина позволяло передать под его управление, созданное в отдалении от Калмыцкого ханства, поселение крещеных калмыков.

Формальным актом прощения раскаявшегося крещеного нойона стала аудиенция у императрицы, состоявшаяся 29 августа 1734 г. после которой в Петербург было велено доставить жену П. Тайшина Церен-Янжи. По прибытии в российскую столицу она была удостоена высочайшего приема и после необходимой подготовки, 3 июня 1735 г., была крещена под именем Анна. Ее восприемницей стала сама императрица Анна Иоанновна, а восприемником – один из влиятельнейших сановников того времени, вице-канцлер, граф Андрей Иванович Остерман¹⁶.

В 1736 г. начался поиск территории, подходящей для поселения крещеных калмыков. Забота о размещении крещеных калмыков была отнесена к компетенции начальников Оренбургской экспедиции, в апреле 1737 г. переименованной в Комиссию. 23 декабря 1736 г. от начальника экспедиции И.К. Кирилова последовало предложение разместить крещеных калмыков в радиусе полутора сотен верст, выше города Самары, на реке Ток. Степное пространство этого места было удобно для разведения скота. Однако отсутствие крепостей, которые еще только предполагалось построить вдоль Самарской линии, оставляло калмыцких поселенцев без надежной защиты от набегов казахов и их некрещеных соплеменников¹⁷.

Княжение

Смерть Петра Тайшина, случившаяся в начале 1737 г., никак не сказалась на процессе создания поселения крещеных калмыков. Так как после П. Тайшина не осталось наследников, и среди крещеных калмыков на тот момент не было отпрысков знатных нойонских родов, управление крещеными калмыками решено было передать вдове П. Тайшина, Анне. 20 июля 1737 г. Анна Иоанновна подписала Жалованную грамоту, на основании которой повелела «именовать и писать» Анну Андреевну Тайшину княгиней и «поручить в ведение и управление [ее] всех кра-

¹³ Орлова К.В. История христианизации калмыков. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 56–57.

¹⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

шенных калмык»¹⁸. Жалованная грамота была призвана официально закрепить возведение А. Тайшиной в княжеское достоинство. Княгиней она стала титуловаться раньше. Так, уже в названии Указа Коллегии иностранных дел от 7 апреля 1737 г. И.К. Кирилову содержалась формулировка:

О скором отправлении княгини Анны Тайшиной с людьми из Саратова к месту постоянного пребывания и необходимости строительства там крепости¹⁹.

Дарованию Грамоты предшествовала присяга, данная калмыцкой княгиней 1 июня 1737 г. Наряду с обещанием «быть верным, добрым и послушным рабом е. и. в.» Анна клялась быть истинной христианкой и подчиненных ей калмыков в православной христианской вере утверждать. В конце текста присяги указаны имена 9 крещеных калмыков из окружения Анны Тайшиной²⁰.

Жалованная грамота на ближайшие восемь лет, а в отдельных своих положениях и до самого его упразднения в 1842 г., определяла основы административного устройства и порядок управления калмыцким поселением. На начальном этапе поселение крещеных калмыков имело монархическую форму правления и административно-правовое устройство, выстроенное по примеру Калмыцкого ханства. Ближайшими помощниками и советниками княгини становились зайсанги. В Жалованной грамоте перечислены крещеные зайсанги, находившиеся при А. Тайшиной в Петербурге: Иван Шора, Кирил Шарап, Матвей Бату Менка и Иван Чидор²¹. Позднее к ним присоединились зайсанги, переселившиеся из Калмыцкого ханства и к концу 1737 г. этот список увеличился до 19 фамилий²². Предполагалось, что каждый зайсанг будет управлять собственным аймаком – административной единицей, объединявшей определенное количество калмыцких семей (кибиток).

На отведенной крещеным калмыкам территории дозволялось заниматься охотой, рыболовством, разведением скота, заготовкой сена и хлебопашеством. В периоды проведения земледельческих работ допускался наем «русских мужиков с паспортами»²³.

В круг обязанностей княгини А. Тайшиной входил контроль за соблюдением калмыками общественного порядка и спокойствия, недопущения с их стороны ссор с соседними поселенцами, угонов скота и лошадей. В случае конфликта крещеных калмыков с другими российскими подданными суд и судебное решение должны были производиться и приниматься по российским законам. Княгиня и зайсанги должны были следить, чтобы в их владениях не селились некрещеные калмыки.

Для надзора за калмыками вводилась должность командира и военного коменданта строящейся для калмыков крепости. Первым исполняющим эту должность был назначен полковник Андрей Иванович Змеев. Особым Указом ему вменялось в обязанность вместе с княгиней через зайсангов осуществлять общее руководство калмыками. При этом он должен был выстраивать в отношениях с калмыцкой правительницей такую линию поведения, чтобы

¹⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 51–52.

²¹ Там же. С. 55.

²² *Ряжев А.С.* Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30–60-е гг. XVIII в. // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2020. № 58 (4). С. 2355–2356.

²³ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 55.

оную княгиню иметь в почтении и, не озлобляя ее, к пользе интересов Ее императорского величества к доброму порядку калмыков приводить рассуждением²⁴.

Как представитель российской власти, А.И. Змеев при калмыцкой княгине был одновременно и советником, и надзирателем. Прежде всего он должен был оградить княгиню от недостойных и неспособных к административной деятельности зайсангов. В соответствии с секретной инструкцией Кабинет-министров от 30 июня 1737 г. о деловых качествах зайсангов учитывалось мнение, как самой правительницы, так и рядовых калмыков. Если полковник А.И. Змеев находил кого-то из них недостойным, то должен был «советом своим ею склонить, чтоб такова недостойного, другим достойным переменить»²⁵.

Составители «Инструкции» учли даже такой свойственный калмыкам обычай, как безвозмездная раздача нуждающимся своего имущества, что могло привести к разорению самого благотворителя. А.И. Змеев обязался следить и отговаривать княгиню от обременительных пожертвований, следить:

чтоб она в расходах своих имела сама смотрение и порядочную экономию и потому довольствие себе и ни в чем недостатка не имела²⁶.

Анне дозволялось обращаться с прошениями к императрице и членам правительства и направлять в столицу своих доверенных посланцев. В свою очередь, адресованные ей правительственные указы, предписывалось объявлять через начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева и генерал-майора Л.Я. Соймонова²⁷. Как «передаточное звено» полковник Змеев должен был руководствоваться правилом:

О чем надлежит ведать княгине Анне Тайшиной и другим, о том сообщать, а что надлежит до тайности, оно содержать в секрете только для собственного своего известия²⁸.

В соответствии с секретной инструкцией Кабинета-министров от 30 июня 1737 г. А. Тайшиной в сопровождении полковника А. Змеева следовало выехать в Саратов, там соединиться с отправленными из нижеволжских городов крещеными калмыками и вместе с ними двигаться к определенному для их поселения месту²⁹. Из донесений А.И. Змеева следует, что кампания по сбору крещеных калмыков и поиск подходящего для их поселения места, затянулись на более продолжительное, чем предполагалось, время.

Полковник А.И. Змеев с княгиней А. Тайшиной прибыли в Саратов 18 сентября. 29 сентября Змеев принял от саратовского воеводы полковника В.П. Беклемишева 300 кибиток, в которых насчитывалось 2104 человека, из них – 1092 – мужского пола и 1 012 женского³⁰. Собранные в Саратове крещеные калмыки составляли менее 40 % от их общего количества. По сведениям, собранным в Коллегии иностранных дел на 1736 г., в низовьях Волги проживало не менее 5,5 тыс. крещеных калмыков³¹.

В 1738 г. А. Тайшина обратилась к императрице за содействием в выводе из Калмыцкого ханства крещеных калмыков. Она напомнила, что согласно указу все

²⁴ ПСЗРИ-1. Т. X. С. 125.

²⁵ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 62.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 2. С. 515.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 140. Л. 13 об.

крещенные калмыки должны находиться в ее владении. К маю 1738 г. в ее ведомстве состояло 700 кибиток. По мнению княгини, в собственном улусе ее мужа состояло до 1 тыс. кибиток, и все они отошли к хану Дондук-Омбо. Разоренными оказались и состоявшие при ней зайсанги, лишившиеся имущества и скота³².

Правительство не располагало действенными средствами, способными принудить укрывателей возвращать беглых крещеных калмыков в определенные для их поселения места. Обращения по этому поводу к калмыцким правителям русских чиновников выглядели скорее не требованиями, а просьбами. Последние клятвенно заверяли, что не принимали и не будут принимать в своих улусах вероотступников. Хан Дондук-Омбо уведомлял своего «верного друга бригадира Юнгера», что «с теми кривцами и ворами не советовался и им к себе приходить не велел». Но обещал, если они к нему прикочуют, то сообщит в тот же день³³.

С местом под строительство крепости для княгини А. Тайшиной удалось определиться только с третьего раза. В.Н. Татищев, назначенный начальником Оренбургской комиссии после смерти И.К. Кирилова, 24 сентября 1737 г. уведомил Коллегию иностранных дел, что для строительства крепости выбрано урочище Кунья Волшка, окрестности которого богаты лесом и лугами. Через месяц, 31 октября, предложение начальника Оренбургской комиссии получило законодательное закрепление³⁴. 14 мая 1739 г. по инициативе коменданта А.И. Змеева вверенная ему крепость стала называться Ставрополем – городом Святого Креста. До того времени ее именовали по географическому названию – Кунья Воложка³⁵.

Ко времени прибытия калмыцких поселенцев в указанное В.Н. Татищевым место строительство жилья для них еще даже не начиналось. Княгиня А. Тайшина с зайсангами и служителями из Самары были отправлены зимовать в Саратов³⁶. В декабре 1737 г. комендант А.И. Змеев просил своих непосредственных начальников – тайного советника В.Н. Татищева и генерал-майора Л.Я. Соймонова направить для завершения строительства потребное число мастеровых людей и определить на постоянное поселение в крепости для поддержания ее сохранности и ремонтных работ 29 мастеров разных специальностей. Запрос коменданта был удовлетворен лишь частично. За недостатком ремесленников ему разрешалось привлекать к строительным работам отставных солдат приписанного к Куньей Воложке ландмилицкого батальона, а также живших в окрестных селениях их отцов и братьев³⁷.

Из-за ведомственной несогласованности и нерасторопности чиновников в Кунью Воложку не было завезено достаточного количества продовольствия, а предлагавшиеся подрядчиками цены оказались слишком завышенными. Положенных А. Тайшиной пятисотрублевого годового содержания и пятисот четвертей хлеба было недостаточно, так как значительная часть этих средств шла на благотворительность. К началу зимы еще не было определено ведомство, ассигнующее расходы на содержание калмыцкой княгини. А. Тайшина постоянно напоминала коменданту А.И. Змееву о положенном ей денежном и хлебном жаловании³⁸. В.Н. Татищев распорядился до получения ассигнований из Казанской губернии, провиант княгине выдавать из

³² РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.

³³ НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 99–99 об., 102.

³⁴ *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край... С. 512.

³⁵ ПСЗРИ-1. Т. 10. С. 773.

³⁶ *Волжские Ставропольские калмыки.* Т. 1. С. 73.

³⁷ Там же. С. 71–72.

³⁸ Там же. С. 9–70.

продовольственных поставок в Кунью Воложку, а деньги: «сколько потребно можно для необходимой нужды» – из средств Оренбургской комиссии³⁹.

На формирование военно-административной структуры калмыцкого поселения было направлено совместное Определение В.Н. Татищева и Л.Я. Соймонова от 18 декабря 1737 г., оно устанавливало штатное расписание и должностные оклады калмыцких чиновников. По представлению А. Тайшиной зайсангам присваивались казачьи звания, что придавало крещеным калмыкам особый военно-сословный статус. Отныне правовое положение зайсанга определялось не только знатностью происхождения, особое значение стало придаваться званию и занимаемой должности. В таблице представлены звания и должностные оклады, установленные для крещеных калмыков совместным определением начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева и астраханским вице-губернатором, начальником Башкирской комиссии Л.Я. Соймонова 18 декабря 1737 г.

**Звания и должностные оклады, установленные для крещеных калмыков /
Ranks and official salaries established for baptized Kalmyks**

№	Звание и должность / Title and position	Штатных единиц / Established units	Оклад, руб. / Salary, rubles
1.	Полковник / Colonel	1	50
2.	Войсковой есаул / Military captain	1	40
3.	Писарь / Clerk	1	40
4.	Ротмистр / Captain	5	3/30, 2/25
5.	Хорунжий / Cornet	10	12
6.	Есаул / Yesaul	2	10
7.	Рассыльщик / Mailer	2	7
8.	Толмач / Interpreter	2	6
Всего должностей / Total positions		24	426

Источник: Волжские Ставропольские калмыки. Т. 1. С. 72.
Source: *Volzhskie Stavropolskie kalmyki*. Vol. 1. P. 72.

Зависимость калмыцких поселенцев от казенных поставок продовольствия и предметов хозяйственного обихода, обрекавшая их на нищенское существование, побудили Анну Тайшину направить к императорскому двору своего посланца зайсанга Кирилла Шарапа. В письме, датированном 25 мая 1738 г., Анна просила императрицу о содействии экономическому развитию калмыцкого поселения и хозяйственной активности его жителей. Княгиня подтверждала желание жить со своими улусными людьми в определенном им месте и заниматься хлебопашеством, но на первых порах они нуждаются в вспомоществовании – найме «охочих людей» для строительства дворов. Для поддержания авторитета княжеской власти А. Тайшина просила увеличить положенные ей ежегодные выплаты еще на 500 руб. Эти деньги она обязалась раздавать нуждающимся калмыкам. Благотворительные выплаты должны были продолжаться до тех пор, пока калмыки не обзаведутся пашнями и не будут обеспечены собственным хлебом⁴⁰. Большую полемику в чиновничьих кругах вызвало пожелание А. Тайшиной владеть деревнями. У крестьян, которые будут выращивать хлеб, разводить скот и заготавливать сено, она надеялась «обучаться российскому обычаю и житью»⁴¹.

³⁹ Волжские Ставропольские калмыки. Т. 1. С. 71–72.

⁴⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 329. Оп. 1. Д. 51. Л. 429 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

Месяцем раньше, 14 марта 1738 г., с той же просьбой о пожаловании деревень княгиня Анна обращалась к В.Н. Татищеву⁴², который посчитал ее заслуживавшей удовлетворения. Начальник Оренбургской комиссии, ссылаясь на мнение полковника А.И. Змеева, решил, что

полезнее деревнями, нежели деньгами их [калмыков] содержать, ибо через то они скорее к домо- водству привыкнут и работам помалу обучаться будут⁴³.

В.Н. Татищев даже не пытался скрыть своей заинтересованности переложить бремя содержания крещеных калмыков на подневольных крестьян, которые должны были фактически подвергнуться новому закрепощению. В управление княгини А. Тайшиной он предложил отдать бывших дворцовых, Усольской волости, и монастырских, Савина монастыря, крестьян, приписанных к Коллегии экономии⁴⁴.

Аргументы В.Н. Татищева не нашли поддержки у чиновников Коллегии иностранных дел. Они высказали мнение, что вместо того, чтобы перенимать опыт земледельческих работ, калмыки будут злоупотреблять трудом крестьян пожалованных их княгине деревень и тем самым доведут их до разорения⁴⁵. Это была единственная просьба А. Тайшиной, затрагивавшая проблемы улучшения хозяйственного состояния крещеных калмыков, отклоненная правительством. Задачу приобщения калмыков к занятию земледелием правительство предлагало решать через наделение каждого из них, с учетом сословного статуса, земельными угодьями, и для обучения навыкам возделывания пашни направлять на период сельскохозяйственных работ солдат из крепостного гарнизона. Бедным калмыкам разрешалось дать по одной лошади на семью и, по усмотрению А.И. Змеева, необходимый для посева семенной хлеб⁴⁶.

Другие просьбы А. Тайшиной, призванные способствовать хозяйственному развитию калмыцкого поселения, включали разрешение калмыкам беспрепятственно выезжать в соседние города со своим товаром и вести там беспошлинную торговлю. В Куньей Воложке А. Тайшина просила построить гостиный двор и поселить несколько купцов. С ними калмыки будут вести меновую торговлю и приобщатся к коммерции. Наличие собственного торгового призыва было избавить калмыцких поселенцев от дальних поездок за покупками и существенно снизить цены на ввозимые оптом товары. В то же время, заботясь о здоровье и нравственности своих подданных, княгиня просила не допускать открытия кабаков⁴⁷.

Предложенные княгиней А. Тайшиной способы достижения крещеными калмыками экономической независимости с незначительными оговорками были поддержаны сенатским указом 29 сентября 1738 г. Беспошлинно торговать лошадьми, скотом и производимыми самими калмыками товарами разрешалось на месте, в построенной для них крепости. Чтобы казна не терпела убытка, пошлина перекаладывалась на покупателей калмыцких товаров⁴⁸.

В середине сентября 1738 г. княгиня Тайшина с зайсангами переехала из Самары в Кунью Воложку. Это событие можно считать начальной датой регулярного поселения ставропольских калмыков. К этому времени были построены дома для княгини, архимандрита Никодима, коменданта и других должностных лиц, а также

⁴² Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 78–79.

⁴³ Там же. С. 79.

⁴⁴ Там же. С. 80.

⁴⁵ Там же. С. 82.

⁴⁶ Там же. С. 82.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.

⁴⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 82.

здания и строения административного и хозяйственного назначения⁴⁹. Военное значение Куньей Воложки как приграничной крепости подчеркивало размещение гарнизона⁵⁰.

Следующим шагом после строительства крепости и поселения в ней княгини стало, произведенное во время инспекторского посещения в сентябре 1738 г. В.Н. Татищевым Куньей Воложки, распределение калмыков по партиям или, как их вскоре стали называть, ротам. Для каждой роты строилась отдельная слобода с деревянными избами и дворами. Слободы располагались в радиусе 100 верст от Куньей Воложки в междуречье Сока, Кондурчи и Черемшана. Строительство слобод завершилось весной 1739 г. Роты именовались по аналогии с названиями слобод: Преображенская, Теневская, Сусканская и др.⁵¹ Роты стали административно-территориальными подразделениями Ставропольского ведомства. К середине 1740 г. поселение ставропольских крещеных калмыков состояло из 8-ми рот⁵².

Расселение крещеных калмыков в Среднем Поволжье завершилось наделением их земельными наделами по установленным нормам. В соответствии с указом от 26 февраля 1739 г. каждой калмыцкой семье нарезалось по 60 четвертей пахотной земли (30 десятин) и по сто копен (10 десятин) сенокосных угодий. Зайсанам полагались наделы в двойном размере, а княгине А. Тайшиной в десятикратном, т. е. не менее 300 десятин пахотной земли⁵³. Предполагалось, что ежегодно, на первых порах с помощью наемных работников, а позднее самостоятельно калмыцкие семьи будут засеивать хлебом не менее 10 десятин земли. Однако надежды правительства на постепенный переход калмыков к оседлости к земледелию не оправдались. С весны до поздней осени они, как и их предки, вели кочевую жизнь, и лишь зимняя стужа вынуждала их искать укрытие в деревянных избах. Основным занятием крещеных калмыков оставалось скотоводство и связанный с ним скорняжный промысел.

Одновременно с вопросами организационно-управленческого устройства и экономического развития калмыцкого поселения начальники Оренбургской комиссии и комендант А.И. Змеев проявляли заботу о духовном просвещении, образовании и медицинском обслуживании ставропольских крещеных калмыков. В переписке с правительственными учреждениями они нередко ссылались на мнение калмыцкой княгини. Действительно, в письмах А. Тайшиной к Анне Иоанновне и вице-канцлеру А.И. Остерману содержалась просьба о направлении к ней грамотных священнослужителей и лекаря.

Незнание калмыцкого языка приписанных к крещеным калмыкам православных священников препятствовало организации миссионерской деятельности. Архимандрит Никодим Ленкеевич, призванный возглавить православную миссию в Куньей Волошке, уже через полгода с формулировкой «за старостью и дряхлостью» был отпущен «на покой» в Михайловский монастырь Киевской епархии⁵⁴. А. Тайшина не только доходчиво описала сложившуюся ситуацию, но и предложила для назначения знакомую ей еще по службе в первой православной миссии кандидатуру бывшего ученика Славяно-греко-латинской академии Андрея Чубовского:

⁴⁹ Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 88.

⁵⁰ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. С. 262.

⁵¹ Там же. С. 282.

⁵² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. Оренбург, 1912. Вып. 7. С. 74.

⁵³ Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край... С. 519.

⁵⁴ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 237.

Как мне самой, так и другим, обретающимся здесь при мне крещеным калмыкам, за незнанием языка от священника слушать молитвы и грехи свои исповедовать весьма трудно, и для того прошу обретающегося здесь при Дондук Даше школьника Андрея Чубовского пожаловать поставить в попы и ко мне прислать⁵⁵.

Более сорока лет продолжалось подвижническое служение А. Чубовского среди крещеных калмыков. В сопровождении учеников он часто посещал калмыцкие кочевья и слободские церкви, совершал богослужения, требы, разъяснял основы христианского вероучения на понятном калмыкам народном наречии. Миссионерскую деятельность протопоп А. Чубовский успешно сочетал с педагогической деятельностью. Его попечению была передана школа для обучения калмыцких детей.

А. Тайшина придавала большое значение обучению юных калмыков русскому языку. В 1738 г. через Кирилла Шарапа она просила определить к ней состоявших еще при ее муже в первой православной миссии трех «школьников» для обучения «малых ребят»⁵⁶. Заслуга в открытии в Ставрополе школы принадлежала коменданту А.И. Змееву. Им была составлена смета учебного заведения, разработана программа обучения и воспитания калмыцких школьников, условия и порядок их содержания⁵⁷. Доказывая правительству потребность в открытии школы, Змеев ссылаясь на мнение княгини А. Тайшиной, которая

и сама <...> и многие калмыки желают, дабы для такого полезнейшего дела ту школу завести и тех калмыцких ребят обучать и приводить в истинное познание с полезным наставлением⁵⁸.

Годы, проведенные в России, оказали заметное влияние на образ жизни калмыцкой княгини. Она усвоила манеру общения с представителями правящего дворянского сословия в соответствии с их местом в иерархии сановных должностей. В ее письмах к императрице сочетались покорность и раболепие:

Ваша Великой Государыни Вашего Императорского Величества всеподданнейшая и всенижайшая и вернейшая раба княгиня Анна Тайшина, колени приклоняя, Вас, Всемиловитвейшую Государыню Императрицу прошу о нижеследующим⁵⁹.

Просьбы к влиятельным чиновникам калмыцкая княгиня старалась формулировать в почтительном, подобострастном тоне. Так, добываясь покровительства вице-канцлера А.И. Остермана, она подчеркивала:

ибо, как и вам известно, кроме вас иному меня жаловать не кому, чего ради всей моей жизни радость и печаль от вас зависеть может⁶⁰.

В то же время А. Тайшина гордилась своим княжеским титулом и, пользуясь связями в придворных кругах, могла сама оказывать покровительство провинциальным чиновникам. А.И. Остермана она информировала:

По отъезде моем от вас симбирский воевода Иван Иванович Немков, уведовав, что мне восприемницей изволила быть Великая Государыня, а восприемником вы, принял меня лаской и в проезде моем учинял всякое удовольствие, и того ради прошу содержать его в вашей милости⁶¹.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 138. Л. 604, 608.

⁵⁸ *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край... С. 525.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 7.

⁶¹ Там же. Л. 8.

Немногочисленные просьбы личного характера А. Тайшиной к своему приемнику и покровителю А.И. Остерману позволяют говорить о восприятии княгиней предметов материального быта российского дворянства и приверженности к традиционным развлечениям калмыцкой знати. Свидетельством первого являются обращения о починке часов и пожаловании «хорошей коляски с добрыми лошадьми», второго – ежегодное выделение ей пяти кречетов и десяти соколов, чтобы, как она писала: «со скуки могла забавляться птичьей охотой»⁶².

Из обращения, переданного К. Шарапом Анне Иоанновне, можно судить о недоверии А. Тайшиной к современной европейской медицине. При наличии в Ставрополе гарнизонного врача княгиня просила «выпросить» у наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и к ней определить одного калмыцкого лекаря⁶³.

А. Тайшина поддерживала связи с оставшимися в Калмыцком ханстве родственниками. По сведениям А.В. Цурумова, в июле 1737 г. княгиня даже просила хана Дондук-Омбо и своего отца Четеря «принять ее к себе»⁶⁴. После переселения в Ставрополь А. Тайшина пыталась добиться разрешения на поездку в Царицын для встречи с отцом. Однако в связи со смертью в 1739 г. нойона Четеря вице-канцлер А.И. Остерман счел поездку ненужной и ответил отказом⁶⁵.

Княгиня Анна Тайшина умерла в 1742 г. Ранняя смерть детей лишила чету Тайшиных прямых наследников. Тем не менее Анна надеялась сохранить династию, а с ней и сложившийся порядок управления крещеными калмыками. Своим преемником она надеялась видеть внучатого племянника Петра Тайшина, которого по отцу называла «чидановым сыном». Она напоминала императрице, что о его усыновлении ходатайствовал перед ней сам П. Тайшин. В 1738 г. А. Тайшина просила забрать указанного ею наследника у хана Дондук-Омбо⁶⁶. Петр Торгоутский поселился в Ставрополе в 1743 г. В Указе Сената «О правилах содержания и управлении Ставропольской крепости...» он титулуется «князем» и указывается наследником княгини Тайшиной. Умер князь Петр в 1744 г. В сенатском указе он упоминается в связи с признанной незаконной уступкой полковнику К. Шарапу на получение дохода от винной торговли⁶⁷.

После смерти А. Тайшиной должность полковника, являющуюся высшей в чиновничьей иерархии Ставропольского калмыцкого ведомства, занимал К. Шарап. Переселенные в Ставрополь крещеные отпрыски калмыцкого владельческого рода братья Петр и Павел Торгоутские были назначены на нижестоящие должности судьи и войскового надзирателя с меньшими, чем у полковника К. Шарапа, окладами. Дальнейшая ориентация на знатность принимавших крещение калмыков, приходивших в Ставрополь в сопровождении сотен подвластных им людей, была чревата опасными конфликтами. Альтернативой такого сценария служил опыт поселенных на Слободской Украине и причисленных к казакам чугуевских калмыков. По их примеру у ставропольских крещеных калмыков стали внедряться казачьи порядки, превращавшие их в военно-служилое сословие, а для управления ими был создан

⁶² РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁶³ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 140. Л. 381–382; Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁶⁴ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных усобиц. Элиста, 2005. С. 137–138.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. об.

⁶⁷ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 149.

коллегиальный орган – Калмыцкий суд⁶⁸. Результатом этих преобразований стало закрепленное за поселением крещеных калмыков в 1756 г. официальное название – Ставропольское калмыцкое войско.

Выводы

Образование обособленного калмыцкого княжества на Средней Волге стало следствием российской политики христианизации и целенаправленного поселения крещеных калмыков за пределами Калмыцкого ханства. Передача территорий с особым административным статусом в единоличное женское управление, пусть и под строгим правительственным контролем, является единственным примером в истории царской России. В исторических хрониках середины 20-х – 30-х гг. XVIII в. Анна Тайшина упоминалась исключительно в связи с активной политической деятельностью ее мужа, Петра Тайшина, и заинтересованностью в его услугах российских властей. К их числу относились переписка о крещении будущей калмыцкой княгини и ее арест в связи с обвинением П. Тайшина в государственном преступлении. Наделение А. Тайшиной властными полномочиями произошло не только в силу стечения ряда обстоятельств (неожиданная смерть мужа, отсутствие высокородных отпрысков среди калмыков, принявших крещение), но и в результате стремления российского правительства поселить крещеных калмыков на территории, отведенной для освоения Оренбургской экспедиции. За короткий пятилетний период княжения А. Тайшиной были заложены основы административно-территориального устройства калмыцкого поселения, его властной структуры и порядка управления, хозяйственного и социального развития. О высоком правовом, по сути вассальном, статусе калмыцкой княгини свидетельствовала передача калмыцкого поселения в ведомство Коллегии иностранных дел. Все нововведения, поддержанные правительством, осуществлялись по инициативе Анны Тайшиной либо ставропольского коменданта, но обязательно со ссылкой на ее мнение. Сложившийся при жизни Анны Тайшиной порядок задал вектор развития калмыцкого поселения в качестве самоуправляемого, этнического и военно-сословного территориального образования вплоть до его упразднения в 1842 г.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.09.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.08.2022

References

- Bakunin, V.M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda*. Elista: Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1995 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. “The revelations of the fate of the Kalmyk owner Pyotr Taishin: from the adoption of Christianity to the creation of a settlement of baptized Kalmyks in the Middle Volga region (1724–1737).” *RUDN Journal of the Russian History* 19, no. 3 (2020): 525–543 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Iuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniia etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaiia chetvert' XX veka)*. Orenburg: OGAU Publ, 2014 (in Russian).
- Guriy (Stepanov). “The first Orthodox mission among Kalmyks and its practical life.” *Orthodox interlocutor*, no. 2 (1914): 271–327 (in Russian).
- Komissarenko, A.I. “Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v XVIII v.” In *Dokumental'nyi istochnik v istoricheskom issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniia, sovremennye problemy i zadachi: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Zimina. Materialy mezhd-*

⁶⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 134–135.

- narodnoi nauchnoi konferentsii. Archive of RAS-RSUH*, 476–485. Moscow: Archives of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. *Irregulyarnye voiska Orenburgskogo kraia*. Samara; Chelyabinsk: [S.n.], 2008 (in Russian).
- Orlova, K.V. *Istoriia khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v.* Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2006 (in Russian).
- Ryazhev, A.S. “The fate of the seal of the Kalmyk khan: ethno-confessional processes in the south-east of Russia in the 30–60s. XVIII century.” *Bylye gody* 58, no. 4 (2020): 2356–2364 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Topografiia Orenburgskoi gubernii*. Orenburg: Orenburgskoe otdelenie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1887 (in Russian).
- Shovunov, K.P. *Kalmyki v sostave Rossiiskogo kazachestva (vtoraia polovina XVII–XIX vv.)*. Elista: Soiuz kazakov Kalmykii, Kalmytskii in-t. obshchestvennykh nauk Publ., 1992 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. *Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh usobits*. Elista: Dzhangar Publ., 2005 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V., and Kurapov, A.A. “Christianization of Kalmyks in Russian-Kalmyk interaction in the late 17th – mid-18th centuries.” *Vestnik of Kalmyk University* 48, no. 4 (2020): 38–45 (in Russian).
- Vitevskiy, V.N. *I.I. Nepliev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.*, vol. 2. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova, 1897 (in Russian).
- Zudina, V.N., Perla N.Y. “Stavropol Kalmyks and Buddhism in the Southeastern Frontier of European Russia in the 18th–19th centuries. (On the issue of preserving traditional faith).” *Bulletin of the Samara State University*, no. 8/2 (2012): 87–100 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Степан Викторович Джунджузов, д-р. истор. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; 460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Stepan V. Dzhundzhuzov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>

Научная статья / Research article

Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг.

Гадиля Корноухова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация: Освещается проблема транзита европейских товаров из черноморских портов России через Закавказье на северные рынки Ирана в XIX в. Автор анализирует историю его функционирования, уделяет специальное внимание процессу обсуждения российской бюрократией вопроса о целесообразности сохранения закавказского транзита, окончательно закрывшегося в 1883 г. Историкографический анализ позволил выявить, что проблема роли российских предпринимателей в отмене беспошлинного провоза европейских товаров через Закавказье в Иран еще не получила специального освещения. Выявляется позиция предпринимателей по существовавшему вопросу через анализ материалов, отложившихся в фонде Московского биржевого комитета Центрального государственного архива города Москвы; рассматриваются доводы в пользу ликвидации транзита тех предпринимателей, которые в начале 1880-х гг. были связаны с иранским экспортом; выявлены обращения предпринимателей к царскому правительству. Автор приходит к выводу об отсутствии в кругах высшей бюрократии единой позиции по данному вопросу, что было обусловлено различиями в оценке роли коммерческих грузов, следовавших из Европы в Иран, для развития российской экономики. Если одна группа чиновников, как и представители торгово-промышленных кругов, видела в сохранении транзита препятствие для сбыта отечественной продукции, то для другой части государственной бюрократии это был фискальный источник пополнения казны. В результате давление со стороны торгово-промышленных кругов, участвовавших в экспортной торговле с Ираном, привело к отмене беспошлинного транзита для европейских товаров.

Ключевые слова: российско-персидская торговля, позднеимперская Россия, международный рынок, российское купечество, экономическая история, внешняя торговля

Для цитирования: Корноухова Г.Г. Российские экспортеры в Иран vs закавказский транзит европейских товаров в начале 1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>

Russian Exporters to Iran vs Transcaucasian Transit of European Goods in the Early 1880s

Gadilya Kornoukhova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

✉ kornoukhova-gg@rudn.ru

Abstract: The problem of European goods transit from the Black Sea ports of Russia through Transcaucasia to the northern markets of Persia in the 19th century is considered. The author analyzes the history of its functioning, pays special attention to the process of Russian bureaucracy's discussion of the issue of the expediency of preserving the Transcaucasian transit which was finally closed in 1883. The historiographic analysis reveals that the problem of the role of Russian entrepreneurs in

the abolition of duty-free transportation of European goods through Transcaucasia to Iran has not yet been covered properly. The author discloses the position of entrepreneurs on the issue under consideration through the analysis of materials stored in the fund of the Moscow Exchange Committee of the Central State Archives of Moscow; there are considered the arguments in favor of abolishing the transit expressed by the entrepreneurs associated with export to Iran in the early 1880s; there are revealed the Russian entrepreneurs' appeals to the government. The author comes to the conclusion that in the circles of the highest bureaucracy there was no unified position on this issue, which was due to the differences in the assessment of the role of commercial cargo from Europe to Iran for the development of the Russian economy. Whereas some officials, as well as representatives of the commercial and industrial circles, considered the preservation of transit to be an obstacle to the sale of their own products, for another part of the state bureaucracy it was a fiscal source of replenishment of the treasury. As a result, the pressure on the part of the commercial and industrial circles involved in the export trade with Iran led to the abolition of duty-free transit for European goods.

Keywords: Russo-Persian trade, late imperial Russia, international market, Russian merchants, economic history, foreign trade

For citation: Kornoukhova, Gadilya. "Russian Exporters to Iran vs Transcaucasian Transit of European Goods in the Early 1880s." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 556–567. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-556-567>

Введение

Россию и Иран связывают давние торгово-экономические отношения. С начала текущего столетия осуществляется заметное сближение двух государств, правительства которых выражают свое твердое намерение развивать торгово-инвестиционные связи в условиях существования жесткого санкционного режима по отношению к двум государствам. В том числе речь идет и о продолжении реализации проекта создания международного транспортного коридора «Север – Юг», который предусматривает транспортировку товаров из Индии в Иран и далее через железнодорожную сеть Азербайджана в различных направлениях, включая российское. Новый маршрут должен, таким образом, превратить Россию в крупное транзитное государство, по которому будут следовать грузы из восточноазиатских в европейские страны; дать России возможность не только увеличить собственный грузооборот, но и получить существенный доход от транзита¹.

Реализация текущего проекта актуализирует обращение к истории функционирования европейского транзита в Иран через закавказскую территорию Российской империи в XIX в., функционирование которого началось в 1821 г., неоднократно прерывалось и окончательно было прекращено в 1883 г.

К настоящему времени в отечественной историографии сформировалась солидная историографическая база по рассматриваемой проблеме, включая труды по истории создания закавказского транзита, товарообороту между Ираном и Россией в условиях беспошлинного провоза европейских товаров по российским дорогам Закавказья. Исследователями сделан вывод о пагубности влияния существовавшей ситуации на российский экспорт в Иран, выявлено доминирование показателей ввоза европейских товаров над российскими в северо-западные провинции соседнего государства².

¹ Международный транспортный коридор «Север – Юг» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy/ism_communication/-/asset_publisher/fajfwCb4PqDA/content/id/2510952 (дата обращения: 23.07.2020).

² Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в VII – первой половине XIX века (по материалам русских архивов). Саранск, 1977; Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991; Кулагина Л.М. Торгово-Экономические связи России и Ирана (XIX – начало XX вв.) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С.М. Алиева. М., 2009. С. 120–121.

Окончательная отмена закавказского беспошлинного транзита европейских товаров в отечественной историографии получила единодушно положительную оценку. При этом заметна диспропорция в освещении вклада отдельных социальных групп в достижение этого решения. О.А. Никонов³, А.В. Пыжиков⁴ указывают в своих исследованиях на решающую роль российских чиновников в закрытии маршрута между черноморскими и каспийскими портами России для европейских конкурентов. В.Л. Степанов при этом отмечает роль редактора-издателя журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова, к мнению которого прислушивались «и в кругах высшей бюрократии, и при императорском дворе». В 1880-е гг. Катков, как известно, был сторонником идеи создания «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами, и потому активно продвигал на страницах своей газеты вопрос о необходимости ликвидации закавказского беспошлинного транзита⁵.

В гораздо меньшей степени проработан вопрос об участии российских предпринимателей в решении транзитного вопроса. Существует ряд исследований, в которых данный аспект лишь упоминается⁶. Чуть более развернуто он представлен в статье Т.Л. Морозовой, которая обратила внимание на неоднородность взглядов отечественной буржуазии. Автор смогла выявить существование конфликта интересов между представителями двух промышленных центров – Москвы и Петербурга. Первые при этом, представляя интересы текстильной и легкой промышленности, выступали за его отмену. Вторые, представляя интересы финансистов, тяжелой индустрии и дворянской столичной знати, тесно связанной с экспортом хлеба и сырья, выступали за сохранение закавказского беспошлинного транзита для европейских товаров⁷.

Таким образом, в отечественной историографии вопрос о закавказском транзите получил многостороннее освещение. Между тем недостаточно проработанной остается роль российских предпринимателей в решении существовавшей проблемы. Упомянутые авторы лишь вскользь указывают на участие российских экспортеров в обсуждении проблемы транзита. При этом не рассматривается их система аргументации, доводов и суждений.

В данной статье ставится задача восполнить существующий пробел за счет анализа материалов, хранящихся в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи и в фонде «Московский биржевой комитет» (Ф. 143) Центрального государственного архива г. Москвы. Исследование построено, главным образом, на основе делопроизводственной документации: консульских донесений представителей МИД в Иране и заявлений российских предпринимателей в Московский биржевой комитет по вопросу о существовании беспошлинного закавказского транзита европейских товаров.

³ Никонов О.А. Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М., 2015. С. 39, 41.

⁴ Пыжиков А.В. Грани русского раскола: тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2018.

⁵ Степанов В.Л. М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм? (1860–1880-е гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 116–129.

⁶ Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис, 1923. С. 253–254; Шустер У.А. Экономическая борьба Москвы с Лодзью (из истории русско-польских экономических отношений в 80-х годах прошлого века) // Исторические записки. Вып. 5 / отв. ред. Б.Д. Греков (1882–1953). М., 1939. С. 188–245; Куприянова Л.В. Морозовы и Общество для содействия русской промышленности и торговле // Морозовские чтения. 1996 г. URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya96/index.html> (дата обращения: 28.10.2021).

⁷ Морозова Т.Л. К истории отмены закавказского транзита // История СССР. 1977. № 3. С. 135.

Транзит европейских товаров через Закавказье в первой половине XIX в.

Спустя некоторое время после присоединения к России территорий, лежавших на западной стороне Каспийского моря от р. Аракс до р. Кура, российское правительство поставило своей задачей привлечь отечественный и иностранный капитал для экономического оживления данного региона. В 1821 г. было издано правительственное постановление, согласно которому всем предпринимателям, учредившим в Закавказье торговые дома для осуществления оптовой торговли, с 1 июля 1822 г. в течение десяти лет предоставлялись права купцов первой гильдии без уплаты гильдейских и личных податей⁸. Кроме того, согласно специальному указу от 8 октября 1821 г. для европейских товаров, ввозившихся в Закавказье, вводился пятипроцентный льготный тариф и разрешался их беспошлинный транзит в Иран⁹.

Предпринятые меры, действительно, привели к ожидаемому притоку капиталов в Закавказье. Если с 1807–1822 гг. сборы пошлин по тифлисской таможене составляли 274, 2 тыс. руб. серебром, то в период с 1822–1832 гг. они возросли до 740 тыс. руб.¹⁰ Местное купечество также получало соответствующую прибыль, будучи втянутым в международный товарообмен.

Между тем стали проявляться и негативные стороны проводившейся транзитной политики. По наблюдениям А.С. Грибоедова, неограниченный приток европейских товаров отнюдь не способствовал росту местного производства, а тифлисский базар, пестревший привозными изделиями, был очень скудным в предложениях местных товаров¹¹. Не лучше обстояла ситуация и на иранском рынке, наводненном европейской продукцией.

Поступление информации о негативном влиянии свободного европейского транзита через Закавказье сподвигло правительство на введение ограничительных мер. В 1832 г. был принят запретительный таможенный устав, который привел к закрытию черноморских портов для иностранных грузов и резкому повышению тарифа на них. Эта мера должна была остановить транзит европейских товаров, серьезно осложнив их проникновение в Иран. Однако на деле поток не прекратился в связи с освоением европейскими комиссионерами нового пути в обход российской территории через Турцию – из Трапезунда и Хоя в Тавриз. Ожидания, связанные с доминирующим присутствием русских товаров на северо-западных границах Ирана, таким образом, не оправдались. Напротив, в период 1832–1834 гг. российский экспорт снизился более чем на 1 млн руб. Что касается европейского экспорта, то его поток в Иран, наоборот, возрос с 20 млн руб. в 1833 г. до 52 млн руб. в 1836 г.¹² Так называемый эзрурумский путь к тому же обладал рядом преимуществ перед закавказским. Здесь использовалось большее количество перевозочных средств, существовало больше пастбищ на протяжении маршрута, что обеспечивало дешевизну перевозки кладей в сравнении с путем, пролегавшим от Поти в Джульфу через Тифлис¹³.

Обеспокоенность остановкой торгового движения через Закавказье побудила кавказского наместника князя М.С. Воронцова выступить с ходатайством о необходимости установить беспошлинный транзит европейских товаров. Эта инициатива была одобрена и реализовалась в виде «Высочайшего указа о беспошлинном

⁸ Неболсин Г. П. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. 2. С. 164.

⁹ Куканова Н.Г. Очерки по истории... С. 119.

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ Там же. С. 122.

¹² Там же. С. 126.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 388. Л. 77 об.

транзите через Закавказский край» 14 декабря в 1846 г. Согласно ему, начиная с 1848 г., продвижение европейских товаров осуществлялось из Редут-Кале через Тифлис в иранские Джульфу и Тавриз. В начале 1860-х гг. было добавлено еще два новых маршрута: первый – из Поти (заменившего собой Редут-Кале в 1858 г.) и Сухума на Кутаис, Ахалцих, Ахалканаки, Александрополь, Эриван, Нахичевань и Джульфильскую переправу (через Аракс); и второй – из Поти и Сухума на Кутаис, Тифлис, Елисаветполь, Шемаху, Баку. С 1864 г. транзитные товары было разрешено перемещать из Баку морем при условии, что они будут грузиться исключительно на российские суда и доставляться в те персидские порты, в которых было российское консульство¹⁴.

Обсуждение вопроса о закавказском транзите в правительстве в 1870-х – начале 1880-х гг.

В 1870-е гг. перемещение европейских товаров облегчалось в связи с запуском в 1872 г. Поти-Тифлисской железной дороги. Следствием создания таких комфортных условий для европейского транзита, при отсутствии мер по облегчению поставок российской продукции из внутренних регионов страны, стало значительное увеличение объема европейских товаров, проникавших в Иран через Закавказье. Конкретные данные по годам приведены в таблице.

Вывоз российских и транзит европейских товаров в Иран в 1870–1876 гг., руб.

Год	Отпущено российских товаров в Персию	Транзитом перевезено в Персию иностранных товаров
1870	1 662 370	1 826 594
1871	1 429 968	1 348 462
1872	1 693 379	1 977 866
1873	1 819 516	2 643 164
1874	1 845 762	3 692 053
1875	1 873 530	3 486 247
1876	1 676 563	3 898 456

Цит. по: *Шавров Н.А.* Русский путь в Закавказье. СПб., 1883. С. 13.

Показатели таблицы демонстрируют положительную динамику в транзитной перевозке европейских товаров в Иран на протяжении 1870–1876 гг. в то время, как российские показатели оставались практически на одном уровне. Всего же за семь лет через закавказскую границу отечественных товаров в Иран было перевезено на сумму, равную чуть более 12 млн руб., в то время как стоимость европейских товаров составила 18,9 млн руб.

На пагубность существования беспошлинного европейского транзита для российского экспорта в Иран обращали внимание представителями МИД¹⁵. Однако с точки зрения закавказского чиновничества активизация перевозок европейских товаров с открытием Поти-Тифлисской железной дороги была выгодна для Закавказского края, поскольку транзит формировал немалую статью дохода местной казны, принося более чем в 200 тыс. руб. в год¹⁶. В результате вопрос о необходимости отмены беспошлинного транзита в первой половине 1870-х гг. остался открытым.

¹⁴ *Тихоцкий Е.А.* Закавказский транзит и наша с ним конкуренция по торговле с Персией в 1862–1881 гг. Киев, 1883. С. 9.

¹⁵ *Никонов О.А.* Политика Российской Империи... С. 39.

¹⁶ *Палашковский С. Е.* Закавказский транзит в Персию. СПб., 1876. С. 7.

Вторая половина XIX в. была временем бурного развития отечественной нефтедобычи и началом экспорта нефти за границу. Для облегчения ее вывоза с территории Апшеронского полуострова на черноморское побережье и дальнейшей транспортировки на мировые рынки появился проект строительства железнодорожной ветки Тифлис – Баку, которая должна была стать продолжением участка Поти – Тифлис Закавказской железной дороги. Концессию на ее строительство, начавшееся в 1878 г., получили близкие к царской бюрократии предприниматели С.Е. Палашковский и А.А. Бунге¹⁷.

Последние строительные работы на участке Тифлис – Баку Закавказской железной дороги заканчивались в 1883 г. Начало же возведения железнодорожной магистрали активизировало в правительственных кругах дискуссию об оправданности существования беспошлинного европейского транзита через российскую территорию. Обсуждение, развернувшееся внутри МИД, обнаружило раскол мнений по данному вопросу. Заметная часть представителей дипломатического корпуса выступала за сохранение беспошлинного транзита. Так, генеральный консул в Тавризе Я. Кребель в 1878 г. писал в своем донесении российскому посланнику в Тегеран, что считает неверным подвергать транзитную торговлю каким-либо стеснительным мерам, даже если «предположить», что она «служит причиной упадка нашей торговли в Персии». Полезным же, с его точки зрения, было не только допускать, но и всеми средствами облегчать и поощрять транзит иностранных товаров через Закавказье с целью отвлечь иностранные грузы от трапезунд-эрзурумского маршрута. Дипломат призывал даже сделать закавказский путь более комфортным в эксплуатации, а для этого соединить Батумский порт рельсовой магистралью с Тифлисом и Тегераном. Совместными усилиями с персидским правительством предлагалось построить «колесную дорогу» от Джульфы до Тегерана, упростить таможенное прохождение товаров и учредить солидную транспортную компанию с агентствами на всем протяжении пути от Батуми до Тавриза. Я. Кребель полагал, что в дальнейшем по мере развития товаропотока возникнет возможность заменить шоссейную дорогу между Тифлисом и Тавризом на железную, продолжив ее до Тегерана и даже далее, на юго-восток, до северных границ Индии. Это, с его точки зрения, обеспечило бы привлечение европейских товаров, поскольку новая железная дорога была бы удобнее проектируемой англичанами «Евфратской линии», нацеленной на соединение Средиземного моря с Персидским заливом. Подобная дорога, по мнению Я. Кребеля, могла бы иметь и стратегическое значение в случае возникновения напряженной ситуации на западе или на востоке от указанного пути¹⁸.

Другая часть российских дипломатов во главе с российским полномочным министром в Тегеране И.А. Зиновьевым придерживалась противоположного взгляда, указывая на то, что беспошлинный транзит в условиях строившейся железнодорожной ветки Тифлис – Баку в дальнейшем облегчит проникновение европейских товаров не только в северные иранские провинции, но и в Закаспийский край, следуя по пути Тифлис – Баку – Красноводск – Ашхабад¹⁹.

¹⁷ С.Е. Палашковский был сыном бывшего уездного бакинского начальника, а А.А. Бунге – племянником министра финансов; Завершение строительства железнодорожной ветки было связано уже с Бакинским домом Ротшильдов в связи с финансовыми проблемами, с которыми столкнулись первые учредители. См. об этом подробнее: *Славкина М.В.* Российская добыча. М., 2014. С. 51–52.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 388. Л. 89–92.

¹⁹ *Никонов О.А.* Политика Российской Империи... С. 112.

Обсуждение вопроса о транзите среди предпринимателей

Запуск движения по единой магистрали Поти – Баку с нетерпением ожидался нефтепромышленниками. В то же время серьезную озабоченность он вызывал у другой части российских предпринимателей – тех, чья экспортная торговля была связана с Ираном. На повестку встал вопрос о возможном распространении практики беспошлинного транзита европейских товаров и на новый участок Закавказской железной дороги. Даже С.Е. Палашковский, доказывая в своей работе «Закавказский транзит в Персию» выгоду строительства новой железнодорожной ветки для нефтепромышленников и государства, в 1876 г. признавал, что в случае открытия беспошлинного европейского транзита по Закавказской железной дороге до Баку именно товары отечественной хлопчатобумажной промышленности получат невыгодную ценовую конъюнктуру. Концессионер подсчитал, что с этого момента иностранная мануфактура, стоившая в Иране около 60 руб. за пуд, могла подешеветь на 20 коп., т. е. приблизительно на 0,3 %. Даже для грубых бумажных тканей, аршин которых стоил около 15 коп., это удешевление составило бы 20 коп.²⁰

Вполне оправданную озабоченность в связи с этим стали выражать и сами представители текстильной промышленности. Одним из главных центров, аккумулировавшим купеческое недовольство в связи с перспективой распространения беспошлинного транзита европейских товаров на новый железнодорожный участок – Тифлис – Баку, был Московский биржевой комитет (МБК). 6 октября 1882 г. сюда поступило заявление от российских предпринимателей во главе с текстильным промышленником, потомственным почетным гражданином В.Е. Морозовым. В нем сообщалось об обеспокоенности деловых кругов России вопросом беспошлинного транзита иностранных товаров через Закавказский край и содержалась просьба к председателю МБК Н.А. Найденову обратиться к министру финансов Н.Х. Бунге с тем, чтобы собрание выборных Московского купеческого общества получило право ходатайствовать об ограждении своих интересов в торговле с Закавказским краем и Ираном²¹.

28 октября 1882 г. в МБК поступило письмо от председателя Нижегородского ярмарочного биржевого комитета П.В. Осипова, в котором сообщалось о просьбе со стороны ряда фирм и отдельных предпринимателей, торговавших с Ираном и Кавказом, «всесторонне рассмотреть» вопрос о беспошлинном транзите через Закавказье для иностранных товаров²².

В ноябре 1882 г. в МБК поступило очередное заявление за подписью В.Е. Морозова и других предпринимателей, в котором указывалось на существование высокой степени озабоченности российских деловых кругов судьбой российской промышленности в виду существования беспошлинного европейского транзита. В письме, в частности, писалось:

В настоящее время промышленный и торговый мир как Москвы, так и других центральных губерний смотрит на вопрос о транзите через Закавказский край с тревогой, смущаемый изъяснениями о том направлении, которое приняло обсуждение этого вопроса²³.

Также в заявлении содержалась просьба позволить избрать «особую депутацию» для ходатайства перед императором о защите интересов российской промышленности и торговли путем закрытия транзита иностранных товаров через Закавказский край в Иран²⁴.

²⁰ Палашковский С. Е. Закавказский транзит в Персию. СПб., 1876. С. 32.

²¹ Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Л. 113.

²⁴ Там же. Л. 113.

Идею об отмене беспошлинного транзита европейских товаров стали высказывать и представители других производственных отраслей. В частности, в МБК поступило заявление от фабриканта фарфоровых и фаянсовых изделий Потомственного Почетного гражданина М.С. Кузнецова, в котором он выражал солидарность с остальными предпринимателями в желании сподвигнуть правительство на закрытие Закавказского транзита. Эти настроения он выражал следующими словами:

Я считаю своею обязанностью высказать свое мнение по интересующему всех нас фабрикантов вопросу и голос свой присовокупляю к тому мнению Московского биржевого комитета, как и большинства русских коммерческих людей, которые высказываются за закрытие Закавказского транзита²⁵.

Далее М.С. Кузнецов излагал свои аргументы о вреде беспошлинного провоза европейских товаров с позиции производителя фарфоровых и фаянсовых изделий.

Он заметил, что с фабрик в Астрахань, а оттуда и с Нижегородской ярмарки в Иран товары направлялись только в период навигации. На стороне Великобритании было то преимущество, что товары свои она могла отправлять круглый год. Также в случае наплыва западных товаров неизбежно могла возникнуть опасность исчезновения у иранцев необходимости направляться в Астрахань и Нижний Новгород за российской продукцией. В этом случае, считал М.С. Кузнецов, даже если коммерсанты придут на ярмарку, они будут только продавать свои товары, а вырученные деньги повезут на родину, не приобретая на них российской продукции. Деньги же они отдадут англичанам в качестве платы за изделия британских производителей²⁶.

М.С. Кузнецов заявлял, что от разрешения транзитного вопроса «зависит участь не одной сотни тысяч фабричных людей», поскольку при наполнении иранского рынка европейскими товарами неминуемо произойдет вытеснение российских аналогов. В этом случае отечественные производители, учитывая понижение спроса на внешнем рынке, должны будут сократить производство соответствующей продукции. Это, в свою очередь, станет причиной увольнения рабочих, что «повлечет за собой крайнюю между ними нужду и неизбежное нищенство»²⁷.

Антитранзитные настроения поддержали, в частности, и предприниматели Егорьевского уезда Рязанской губернии, которые обратились в МБК с просьбой

присоединить их ходатайство перед Высшим Правительством о совершенном запрещении беспошлинного провоза транзитом иностранных товаров по вновь открытой Закавказской железной дороге²⁸.

Последние выражали свою убежденность в том, что его разрешение обеспечит британских конкурентов не только дешевизной перевозки по железнодорожной магистрали, но и коротким путем по Каспию от Баку до иранского побережья. Кроме того, они указывали на тот факт, что сама транспортировка из Великобритании до Поти обходилась дешевле для британцев чем доставка отечественных товаров по внутренним речным путям из-за высоких фрахтов российских перевозчиков. При этом пути по Волге через Астрахань в Иран были закрыты в течение полугода. Все эти отягчающие обстоятельства, с точки зрения егорьевских предпринимателей, способны были вытеснить российские товары со всех иранских рынков, лежавших по берегу Каспийского моря²⁹.

Позицию сахарных производителей в своем заявлении в МБК выразил Почетный гражданин г. Москвы Н.П. Сергеев, который указал на необходимость защищать интересы российской экспортной сахарной торговли пошлинами на иностранные

²⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 126.

²⁶ Там же. Л. 127.

²⁷ Там же. Л. 127 об.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ Там же.

аналоги. Вместо этого Закавказская железная дорога, с точки зрения предпринимателя, давала «заграничным товарам легкую возможность проникать как на северо-западное, так и на восточное побережье Каспийского моря» и создавать там конкуренцию российскому сахару³⁰.

На основе поступивших обращений от российских предпринимателей собрание выборных Московского биржевого общества провело обсуждение вопроса о влиянии закавказского транзита на положение российской промышленности и торговли. 5 ноября 1882 г. был напечатан «Приговор собрания выборных Московского биржевого общества» по рассмотренной проблеме. В нем признавались справедливыми все аргументы российских предпринимателей в пользу запрета на существование беспошлинного провоза иностранных товаров по железной дороге Поти – Баку. Помимо ранее упомянутых доводов в «Приговоре» содержались и другие доказательства невыгодности его существования для российской внешней торговли. В частности, речь шла о существовании контрабандных перевозок в Россию через Каспий в связи с отсутствием контроля за маршрутом судов в морской акватории. С открытием железной дороги до Баку при разрешении беспошлинного транзита создавались еще более благоприятные условия для провоза контрабанды³¹.

Отдельное внимание было уделено альтернативному пути иностранных товаров в Иран со стороны Турции. В экспертном заключении МБК было показано, что турецкий путь для иностранных коммерсантов не был выгодным с финансовой точки зрения и закавказский путь по-прежнему сохранит свою привлекательность даже в случае отмены беспошлинного транзита. В качестве доказательства приводился расчет. Согласно ему плата за провоз товаров от Великобритании до Тавриза составляла 3 руб. с пуда, а до Решта – 4 руб. 60 коп. В то же время в случае доставки аналогичного товара из Британии через Поти до Тифлиса и через Джульфу до Тавриза стоимость сокращалась до 2 руб. с пуда. Если же груз следовал через Поти по железной дороге до Баку и морем до Решта, стоимость составляла только 1 руб. 62 коп. с пуда. Следовательно, провоз до Тавриза через Джульфу обходился бы дешевле британским экспортерам более чем на 1 руб. за пуд, а до Решта через Баку – почти на 3 руб. Более того, выгодность использования Закавказской железной дороги состояла также и в скорости доставки: на провоз товаров по ней из Великобритании до Решта уходило 20 дней, тогда как на транспортировку через Трапезунд, которая осуществлялась выючным путем, требовалось от трех до четырех месяцев³².

Также в «Приговоре собрания выборных Московского биржевого общества» было обращено внимание на более легкое в случае допуска беспошлинного транзита проникновение европейских товаров через Баку и Каспийское море не только в северо-восточную часть Ирана – наиболее удаленную территорию для иностранных коммерсантов, – но и в среднеазиатские владения России. В составленном документе содержалось в связи с этим предостережение об отрицательном влиянии транзита на экономические результаты и о «несоответствии последствий транзита политическим видам России»³³.

Собрание выборных пришло к единогласному заключению, что транзит иностранных товаров через Закавказье

представляется в интересах России безусловно вредным и потому неотлагательно уничтожение его оказывается крайне необходимым³⁴.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 136.

³¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 386. Л. 121.

³² ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 24 об.

³³ Там же. Л. 26; АВПРИ. Ф. 488. Оп. 144. Д. 386. Л. 123 об.

³⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 26.

На основе принятого решения председатель МБК Н.А. Найденов 30 ноября 1882 г. направил министру финансов Н.Х. Бунге ходатайство о возможности встречи представителей от МБК с императором по вопросу о функционировании закавказского транзита³⁵. Однако эта инициатива не получила поддержки. 8 декабря 1882 г. был получен ответ, что на ходатайство московского купечества о принятии от них депутации «Всемиловейшего на сие соизволения не воспоследовало»³⁶.

Вопрос о транзите оставался открытым. Между тем его обсуждение получило широкое освещение в печати при поддержке М.Н. Каткова. Сам он защищал позицию той части высшей бюрократии, которая выступала за усиление протекционистского курса в пику политике министра финансов Н.Х. Бунге, не одобрявшего крайностей таможенной защиты во избежание возможных экономических потрясений³⁷.

Дополнительную поддержку российские экспортеры в Иран получили со стороны Общества для содействия русской промышленности и торговле, которое в конце 1882 г. посвятило сразу несколько заседаний обсуждению данного вопроса. В январе 1883 г. общее собрание Общества решило ходатайствовать перед правительством о закрытии беспошлинного транзита европейских товаров через Закавказье³⁸.

МБК вернулся к рассмотрению вопроса о транзите весной 1883 г. К этому времени сюда поступило заявление за подписью 79 московских промышленников с просьбой повторить ходатайство по поводу закавказского транзита перед правительством. Подписавшие его предприниматели указывали на приближение найма рабочих на «новую поживу с Пасхи до 1 октября» – им важно было знать исход разрешения вопроса для того, чтобы определиться с вопросом о количестве нанимаемых работников. В заявлении указывалось на распространение слуха о значительном усилении подвоза иностранных товаров для транзита к Поти и Батуми. Обращавшиеся в адрес МБК писали, что «один только слух уже действует удручающим образом на торговлю произведениями русских фабрик» и, вызывая значительное уменьшение объема выработки товаров, может вынудить предпринимателей приступить к сокращению рабочих мест.

Особое внимание уделялось неблагоприятным изменениям, к которым мог привести беспошлинный транзит на участке Тифлис – Баку для российской торговли в северо-восточном районе Ирана. В частности, в заявлении, поступившем в МБК от экспертов по металлической промышленности, указывалось, что до отсутствия нового участка грузовой транзит для европейских металлов до Баку был относительно дорогим. Железнодорожная же перевозка должна была открыть им рынки всего побережья Каспийского моря и дать преимущество перед российскими товарами, обеспечив круглогодичную поставку. В свою очередь, местонахождение отечественных заводов обуславливало доставку российских металлов на восточное и южное каспийское побережье не через Баку, а через Астрахань. Порт же этого города оставался закрытым в течение шести месяцев. Для решения проблемы предлагалось увеличить перевозной тариф для европейского металла по железной дороге по направлению Поти – Баку до развития южных российских заводов по производству железа

когда последние, удовлетворив местное потребление, будут в состоянии уделять свои произведения для Кавказа и Закавказья³⁹.

Наконец, 23 марта 1883 г. в МБК поступила телеграмма о запланированном на 31 марта в Государственном совете рассмотрении дела о Закавказском транзите.

³⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 118.

³⁶ Там же. Л. 121.

³⁷ Степанов В.Л. М.Н. Катков о проблемах таможенной политики... С. 123.

³⁸ Куприянова Л.В. Морозовы и Общество...

³⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 101 об. – 102.

Также в ней говорилось, что министр финансов поручает МБК направить трех экспертов от различных отраслей промышленных производств⁴⁰. В соответствии с этим запросом МБК было принято решение отправить в качестве представителя от хлопчатобумажной промышленности А.И. Баранова, от шерстяной промышленности – И.М. Матвеева и от сахарной – М.Ф. Марка⁴¹.

В назначенный день в Государственном совете состоялось обсуждение вопроса о допущении транзита по вновь открываемой Закавказской железной дороге. Министр финансов Н.Х. Бунге предлагал, закрыв беспошлинный транзит для европейских товаров на Каспийское море, сохранить его в направлении Джульфы. Однако против принятия каких-либо компромиссных решений выступил бывший министр финансов А.А. Абаза при поддержке председателя Комитета министров М.Х. Рейтерна. По свидетельству государственного секретаря А.А. Половцева, с ними согласились все министры⁴².

3 июня 1883 г. закон об отмене транзита был утвержден⁴³. И, хотя, по признанию самих же российских предпринимателей, он не привел к немедленному положительному изменению в соотношении европейских и отечественных товаров в Иране, в долгосрочной перспективе он дал свои результаты, став еще одним шагом по закреплению монопольного положения России в северных провинциях Ирана.

Выводы

Проведенное исследование показало, что российские предприниматели, связанные с иранским рынком, были хорошо осведомлены о механизмах поставок на него отечественных и европейских товаров. Ими были просчитаны все издержки, которые могла понести торговля в случае сохранения беспошлинного транзита на функционировавших железнодорожных линиях и его распространения на новой ветке Тифлис – Баку. Вопросы о защите российских торговых интересов на Среднем Востоке находились в центре внимания правительственных кругов, одновременно заинтересованных в обеспечении финансовых поступлений в государственную казну за счет притока иностранных капиталов в Закавказский регион. Российские предприниматели смогли доказать отсутствие серьезных финансовых потерь для российского бюджета в случае отмены беспошлинного транзита для иностранных товаров и одновременно раскрыть выгоду, которую могла принести эта мера для развития российско-иранских торговых отношений.

Хотя официальные обращения к правительству делались от лица Московского биржевого общества, участие в их разработке принимали предприниматели из различных регионов, включая поволжский и юго-западный. Торгово-промышленные круги, связанные с иранским рынком, воспринимали европейский транзит через Закавказье исключительно в качестве негативного фактора, наносившего ущерб торговле в Иране, а следовательно, и препятствовавшего динамичному развитию самой отечественной промышленности.

Российская бюрократия не имела однозначно отрицательного отношения к вопросу о транзите европейских товаров через закавказскую территорию. Российские экспортеры в вопросе о транзите смогли выработать единую позицию, и проявленные ими консолидированность и компетентность сыграли решающую роль в ходе обсуждения вопроса об отмене бесплатного закавказского транзита для иностранных товаров.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 31.10.2022

⁴⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 169.

⁴¹ Там же. Л. 171.

⁴² Половцев А.А. Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. 1. С. 80.

⁴³ Полный свод законов Российской империи. СПб., 1886. Собр. 3. Т. III. № 1581.

References

- Ataev, Kh.A. *Torgovo-ekonomicheskie svyazi Irana s Rossiei v XVIII–XIX vv.* Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiia vostochnoi literatury Publ., 1991 (in Russian).
- Bobylin, N.N. *Persii, ee ekonomicheskoe polozhenie i vneshniaia torgovlia 1901–1923.* Tiflis: Tipografiia Voennoego Komissariata Publ., 1923 (in Russian).
- Kukanova, N.G. *Ocherki po istorii rusско-iranskikh torgovykh otnoshenii v VII – pervoi polovine XIX veka (po materialam russkikh arkhivov).* Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1977 (in Russian).
- Kukanova, N.G. *Torgovo-ekonomicheskie otnosheniia Rossii i Irana v period pozdnego feodalizma.* Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta Publ., 1993 (in Russian).
- Kulagina, L.M. “Torgovo-Ekonomicheskie svyazi Rossii i Irana (XIX – nachalo XX vv.)” *Iran. Istoriiia, ekonomika, kul'tura. Pamyati S.M. Alieva*, 118–140. Moscow: IV RAN Publ., 2009 (in Russian).
- Kupriyanova, L.V. “Morozovy i Obshchestvo dlia sodeystviia russkoi promyshlennosti i torgovle.” *Morozovskie chteniia.* 1996 g., Accessed October 28, 2021, <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/chteniya96/index.html> (in Russian).
- Lobko, P.L. *Vsepoddaniishii otchet Gosudarstvennogo kontrolera.* St. Petersburg: [S.n.], 1901 (in Russian).
- Morozova, T.L. “On the history of the abolition of the Transcaucasian transit.” *History of the USSR*, no. 3 (1977): 3 128–140 (in Russian).
- Nebol'sin, G.P. *Statisticheskie zapiski o vneshnei torgovle Rossii.* St. Petersburg: [S.n.], 1835 (in Russian).
- Nikonov, O.A. *Politika Rossiiskoi Imperii na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v.* Moscow: Prometei Publ., 2015 (in Russian).
- Palashkovskii, S.E. *Zakavkazskii tranzit v Persiiu.* St. Petersburg: tip. t-va Obshchestv. Pol'za Publ., 1876 (in Russian).
- Polovtsev, A.A. *Dnevnik Gosudarstvennogo sekretaria.* Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2005. Vol. 1 (in Russian).
- Pyzhikov, A.V. *Grani russkogo raskola: tainaiia rol' staroobriadchestva ot 17 veka do 17 goda.* Moscow: Conceptual Publ., 2018 (in Russian).
- Shavrov, N.A. *Russkii put' v Zakavkaz'e.* St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina Publ., 1883 (in Russian).
- Shuster, U.A. “Ekonomicheskaiia bor'ba Moskvy s Lodz'iu (iz istorii rusско-pol'skikh ekonomicheskikh otnoshenii v 80-kh godakh proshlogo veka).” *Istoricheskie zapiski*, no. 5 (1939): 188–245 (in Russian).
- Slavkina, M. V. *Rossiiskaia dobycha.* Moscow: Rodina MEDIA Publ., 2014 (in Russian).
- Stepanov, V.L. M.N. “Katkov o problemakh tamozhennoi politiki v Rossii: fritrederstvo ili protektsionizm? (1860–1880-ye gg.)” *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 3 (2020): 116–129 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10306>
- Tikhotskii, E.A. *Zakavkazskii tranzit i nasha s nim konkurentsiiia po torgovle s Persiei v 1862–81 gg.* Kiev: S.V. Kul'zhenko Publ., 1883 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Корноухова Гадилia Гизатуллаевна, канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, Российской университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; kornoukhova-gg@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7553-1856>

Gadilya G. Kornoukhova, PhD in History, Ass. Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; kornoukhova-gg@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7553-1856>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Научная статья / Research article

Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам

Залина Плиева ^a, Берта Туаева ^a✉,
Залина Канукова ^b, Али Калирад ^c

^a Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Россия

^b Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН,
Владикавказ, Россия

^c Тегеранский университет, Тегеран, Иран

✉ ms.amaga@mail.ru

Аннотация: Анализируется деятельность консульских служб Ирана на Кавказе, их роль в российско-кавказских дипломатических отношениях, в частности, в процессах адаптации иранских трудовых мигрантов в принимающих обществах. Авторы ставят своей целью расширение исторических знаний о пребывании на территории Кавказа иранцев, восстановление полной картины истории миграционных процессов в регионе. Выявлены особенности ирано-кавказских дипломатических отношений в досоветский период, положение мигрантов и их правовое сопровождение, деятельность консульств в сохранении иранской культурной идентичности, внутренние и внешние проблемы в иранских консульских службах. В научный оборот введены документы политических и консульских миссий Ирана на Кавказе за 1905–1911 гг., отложенные в Архиве Министерства иностранных дел Исламской Республики Иран, материалы иранской периодики рассматриваемого времени в совокупности с личными делами вице-консулов, хранящимися в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи. Они позволили определить весомый вклад консульских служб в развитие дипломатических отношений двух стран. Сделан вывод о наибольшей успешности этих отношений в Терской области, что связано с благоприятными условиями ее развивающейся экономики для трудовых мигрантов и такими субъективными факторами, как личные качества ряда вице-консулов, уровень их взаимодействия с российскими властями. Деятельность вице-консулов удачно сочетала содействие инкорпорации мигрантов в российскую экономику и культуру с созданием условий для сохранения иранской культурной идентичности.

Ключевые слова: Персия, российско-иранские отношения, трудовая миграция, административно-правовое сопровождение мигрантов

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56005 «Иранские диаспоры на Северном Кавказе в контексте российско-иранского взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX века)».

Для цитирования: Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад Али. Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Activities of Iran's Consular Services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian Sources

Zalina Plieva ^a , Berta Tuaeва ^a ,
Zalina Kanukova ^b , Ali Kalirad ^c

^a North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia
^b North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V.I. Abaev –
Branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Russia
^c Tehran University, Tehran, Iran
 ms.amaga@mail.ru

Abstract: The authors analyze the activities of Iran's consular services in the Caucasus, their role in Russian-Caucasian diplomatic relations, in particular, in the processes of Iranian labor migrants' adaptation to host societies. The authors aim to expand historical knowledge of Iranians' staying in the Caucasus, to restore a complete picture of the history of migration processes in the region. There are revealed the features of Iranian-Caucasian diplomatic relations in the pre-Soviet period, the situation of migrants and their legal support, the activities of the consulates in preserving the Iranian cultural identity, internal and external problems in Iran's consular services. There have been introduced into scientific use the documents of political and consular missions of Iran in the Caucasus for 1905–1911 stored in the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran, materials of Iranian periodicals of the period under consideration, as well as the personal files of the vice-consuls stored in the Persian Table Foundation (f. 144) of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. They made it possible to determine the significant contribution of consular services to the development of diplomatic relations between the two countries. The conclusion is made about the greatest success of these relations in the Terek region, which is due to the favorable conditions of its developing economy for labor migrants and such subjective factors as the personal qualities of a number of vice-consuls, the level of their interaction with the Russian authorities. The activities of the vice-consuls successfully combined the promotion of the incorporation of migrants into the Russian economy and culture with the creation of conditions for the preservation of Iranian cultural identity.

Keywords: Persia, Russian-Iranian relations, labor migration, administrative and legal support of migrants

Acknowledgements and Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-59-56005 “Iranian diasporas in the North Caucasus in the context of Russian-Iranian co-operation (the second half of the 19th – the first third of the 20th century).”

For citation: Plieva, Zalina, Tuaeва, Berta, Kanukova, Zalina, and Kalirad, Ali. “Activities of Iran's Consular Services in the Caucasus in 1905–1911: According to Iranian Sources.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580>

Введение

Интерес к международным миграциям определяется представлением о миграциях и формирующихся ими зарубежных диаспорах как факторе глобального влияния на экономику, политику, этническое и культурное развитие современного мира. Поэтому обращение к историческому опыту массовых миграционных движений и формирования зарубежных диаспор, в частности иранских, представляется перспективным. Актуальность исследования миграционной истории иранского населения на Кавказ определяется современным уровнем российско-иранского взаимодействия, основным вектором которого является развитие регионального сотрудничества, в том числе и в сфере гуманитарной науки. Целый ряд международных российско-иранских научных форумов способствовал обмену научной информацией, формированию новых исследовательских направлений, появлению совместных проектов в области исторических исследований.

Одним из них является исследование истории иранского населения Кавказа, в частности Терской области, которое стало формироваться со второй половины XIX в. в городах региона. Удачное географическое положение области, экономическое развитие, обусловленное проведением ряда реформ, и миграционная политика российского правительства, нацеленная на обеспечение региона трудовыми ресурсами, вызвали массовый приток мигрантов из российских губерний, европейских государств и стран Ближнего Востока, в частности Ирана.

В Иране в рассматриваемый период времени сложилась тяжелая экономическая ситуация: вмешательство иностранного капитала, проведение неэффективных реформ, давление на традиционные виды хозяйства, многолетние проблемы с ирригацией, приведшие к засухе и неурожаю. Все это привело к трудовой миграции населения Ирана, в том числе и приверженных традиции этнических персов. В процессах регистрации и обустройства иранских переселенцев, в поддержании дипломатических и торговых контактов между Россией и Ираном важную роль играли консульские службы и лично консулы и вице-консулы, которые опекали подданных своего государства, обеспечивали юридическое сопровождение их пребывания в России.

Различные отрасли промышленности, появившиеся на Кавказе (включая разработку медных рудников, производство цемента, строительство дорог и развитие сети железных дорог), нуждались в рабочей силе. За короткий промежуток времени значительная часть иранских мигрантов была трудоустроена в качестве работников нефтяной промышленности и других отраслей экономики, некоторые стали заниматься сезонным земледелием. При этом квалифицированные рабочие и инженеры-технологи являлись гражданами других национальностей, таких как русские, украинцы, армяне.

Однако рост численности мигрантов со временем привел к перенасыщенности рынка труда, ухудшению условий жизни и перемещению иранцев на Северный Кавказ, в Терскую и Дагестанскую области, активное экономическое развитие которых требовало новых трудовых ресурсов – рабочих, торговцев, ремесленников.

Предстоявшие мигрантам сложные процессы адаптации к хозяйственно-бытовой и культурной среде усугублялись незнанием русского языка и российских законов. Многие из них прибывали нелегально, не имели паспортов и видов на жительство, что выводило их из правового поля страны. Административно-правовое сопровождение переселенцев должны были осуществлять иранские консульства, но в связи с ростом миграции они плохо справлялись с поставленными задачами. Поэтому встал вопрос об открытии вице-консульств, которые внесли существенный вклад в упорядочение жизнеустройства мигрантов и в развитие российско-иранских отношений в целом.

История иранских мигрантов на Кавказе долгое время не привлекала внимания исследователей. В последние годы, в связи с установлением российско-иранских научных контактов, проведены исследования многих аспектов жизни иранцев на Кавказе. В частности, обстоятельно описаны история, причины и маршруты трудовой миграции, процессы хозяйственной адаптации иранцев к городской среде Владикавказа и городов Дагестана¹. Выявлены социально-политические связи в XIX – начале XX в. и родственные отношения иранцев с народами Северного Кавказа².

¹ Канукова З.В., Плиева З.Т., Туяева Б.В. Персидское население Терской области во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2021. № 11. С. 379–394; Мусаева С.И. Приморский Дагестан в истории культурно-экономического сотрудничества России и Ирана // Известия СОИГСИ. 2019. № 34. С. 73–83. <https://doi.org/10.23671/УЖ12019.73.43107>

² Марзоев И.Б.Т. Осетино-персидские социально-политические связи и родственные отношения в XIX – начале XX вв. // Kavkaz-Forum. 2020. № 2. С. 74–82.

В ряде публикаций исследована история вице-консульств, система назначения консулов и ее реформирование, деятельность по обеспечению мигрантов необходимой документацией³, выявлены имена неизвестных вице-консулов, определена их роль в организации религиозной и образовательной сфер на территории распространения их влияния⁴. Результаты исследований нашли отражение и в ряде обобщающих работ⁵.

Цель настоящей статьи – выявление особенностей ирано-кавказских дипломатических отношений, роли консульств в инкорпорации персов в российскую экономику и культуру.

Источниковой базой настоящей статьи стали иранские и отдельные российские источники. Российские источники представлены личными делами вице-консулов, хранящимися в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи, которые позволили определить весомый вклад консульских служб и отдельных консулов в развитие дипломатических отношений двух стран.

Преимущества международного российско-иранского сотрудничества открыли новые возможности в привлечении архивных материалов Ирана, среди которых обнаружилось и важные документы по истории мигрантов и деятельности консульств на Кавказе. Впервые введены в научный оборот иранские источники – документы политических и консульских миссий Ирана на Кавказе за 1905–1912 гг., в том числе переписка между представительствами Ирана и Кавказа с Министерством иностранных дел Ирана, которые хранятся в Тегеране, в МИД Ирана, Архиве Управления дипломатической истории и документации. В этих письмах самой часто обсуждаемой проблемой является транзит и легализация пребывания персидско-подданных в России. Источники содержат важную и новую для нас информацию о социально-политической ситуации, связанной с миграцией граждан Ирана на Кавказ и проблемами их жизнеустройства, правовой и культурной адаптации в регионе. В отличие от российских источников иранские документы, особенно эпистолярные, содержат неизвестные российским исследователям сведения о внутренних проблемах, существовавших в консульствах, о коррупционных схемах, злоупотреблениях чиновниками своей властью в вопросах легализации мигрантов, которые проясняют причины частой сменяемости консулов и вице-консулов.

Использованы также персидские документы о положении иранцев на Кавказе и функционировании иранских посольств в 1905–1911 гг., опубликованные Резапуром Аббасом. Из российских источников известно о тяжелом положении мигрантов, но иранские документы позволяют глубже понять причины такого положения, среди которых – нелегальный переход ирано-российской границы, ментальные особенности переселенцев, обусловившие особенности их поведенческих стратегий, например, политической пассивности, приверженности к традиционному образу жизни.

Привлечены и материалы иранской периодики, в частности газеты «Jabal-al-Matin» за 1907 г., где содержатся сведения о действиях иранских властей по защите прав персидско-подданных на Кавказе.

³ Плиева З.Т., Канукова З.В., Туаева Б.В. Персидские вице-консулы на Северном Кавказе (1894–1920) // *Kavkaz-Forum*. 2022. №10. С. 84–95.

⁴ Хансаева Д.В. Персидская диаспора Владикавказа (по материалам периодической печати второй половины XIX – начала XX века) // *От Фирдоуси до Пушкина: русский язык как средство международной коммуникации. Сборник материалов Российско-иранской научно-практической конференции. Владикавказ, 2021. С. 107–112.*

⁵ Этнографический атлас республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ, 2020.

Ирано-кавказские дипломатические отношения в досоветский период

Отношения между Тегераном и Петроградом полностью контролировало Министерство иностранных дел Ирана, которое осуществляло постоянную коммуникацию с посольством Ирана⁶.

Рост численности иранских граждан на территории России, безусловно, ставил вопрос об их консульском сопровождении. Необходимость поддерживать связь и решать вопросы, связанные с пребыванием многочисленных иранских граждан, проживавших на Кавказе, побудили иранское правительство расширить посольство в столице Российской империи. Для создания представительств и консульств на Кавказе было задействовано Генеральное консульство Ирана в Тифлисе в качестве общего координатора.

Генеральное консульство сотрудничало с посольством Ирана в Петрограде и консульствами в России, а также вице-консульствами в других городах и регионах Кавказа: Баку, Гянджа, Владикавказ, Астрахань (Астара Хан), Ереван и Батум.

Первое время иранских мигрантов опекал Персидский консул в Астрахани⁷, где иранцы обосновались еще в XVII в. и открыли вице-консульство в 1870-х гг. В период с 1886 по 1890 г. опека над мигрантами перешла к Генеральному консульству Его Величества Шаха Персидского в г. Тифлис⁸. В Терской области персидско-подданных опекало по поручению Кавказского наместничества ее руководство, которое содействовало переселенцам в получении национальных паспортов и билетов на свободное нахождение в области, получении гражданства.

В связи с существенным увеличением численности иранского населения было принято решение о создании вице-консульства Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей с местом пребывания в г. Владикавказ. Первым персидским вице-консулом в 1894 г. Правительствующий Сенат признал по согласованию с персидским генеральным консулом, Халиль Хана, под контроль которого были переданы иранцы, проживающие во Владикавказе, Петровске и в Дагестанской области. Данное обстоятельство подтверждается постановлением Правительствующего Сената о признании Халиль-Хана персидским вице-консулом во Владикавказе, Петровске и в Дагестанской области от 21 октября 1894 г.⁹

Главначальствующий на Кавказе сенатор князь Г.С. Голицын решил изменить систему назначения консулов, вице-консулов и их агентов, унифицировав эти правила с теми, которые действовали по отношению ко всем другим странам и предусматривали согласование с правительством через Министерство иностранных дел.

В 1897 г. по Указу Его Императорского Величества Правительствующий Сенат назначил персидским вице-консулом во Владикавказе и Петровске с распространением района его водворения на всю Дагестанскую область Яхья-Бея, который прославился своей активностью в защите шиитской мечети Владикавказа¹⁰.

В 1901 г. вице-консулом был утвержден Давуд-Хан – самый известный и авторитетный вице-консул, который добился основания во Владикавказе русско-персидского новометодного училища «Навруз»¹¹, Общества пособия бедным персидско-подданным

⁶ *Каве Баят*. Буря над Кавказом. Тегеран, 2002. С. 22 (на перс. яз.).

⁷ *Далгат Э.М.* Иранцы в городах Дагестанской области во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 34. С. 60. <https://doi.org/10.23671/UJH.2019.73.42914>

⁸ *Дадаева Л.А.* Персидско-подданное население в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: социально-экономический аспект // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 13-16.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (Далее – АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 3359. Л. 5.

¹⁰ *Плиева З.Т., Канукова З.В., Туаева Б.В.* Персидские вице-консулы... С. 88.

¹¹ Там же. С. 89.

в городе Владикавказе и Терской области «Химмат», женской гимназии в Темир-Хан-Шуре, Персидского дома во Владикавказе. Вице-консул выстроил хорошие отношения с начальством Терской области, с администрацией городов, с исламским духовенством региона, с главами национальных и религиозных общин. Ежегодно он устраивал торжественные приемы в дни персидских национальных праздников, на которые приглашались его многочисленные друзья. Давуд-Хан дольше всех вице-консулов занимал свою должность, пустил «корни» во Владикавказе, женившись на представительнице знатного осетинского рода Тугановых. При Давуд-Хане иранская община на Северном Кавказе существенно укрепилась организационно и материально, создала институты, поддерживающие сохранение и укрепление этничности, и в то же время влилась в местную социально-культурную среду.

Однако после его ухода с должности начался период кадровой лихорадки. В 1908 г. временно управляющим вице-консулом был назначен Мирза Исаак Хан, в 1909 г. – Мирза-Мохаммед Риза Хан, а через несколько месяцев – Мирза Гаффар, в 1910 г. – Мирза Ибрагим Хан, затем Садык Хан, в 1911 г. – Мирза Али Экбер Шахсуваров, затем Мирза Ибрагим Хан, в 1912 г. вернулся Мирза Гаффар Хан¹². В имеющихся документах нет сведений о каких-либо заслугах этих лиц, но их частая сменяемость позволяет предполагать наличие проблем в Генеральном консульстве и даже в правительстве Ирана.

Масштабность деятельности иранских представительств зависела от количества граждан Ирана в той или иной части Кавказа, а также от типа и объема бизнеса и деловых отношений, специализации региона.

Правительственные отчеты и телеграммы, которыми обменивались между собой представители консульств и Министерство иностранных дел, носили официальный характер, но среди них встречаются нарративные документы, которые позволяют анализировать различные инциденты и события, связанные с персидско-подданными на территории Кавказа.

Иранские исследователи отмечают очень частую смену дипломатических чиновников на Кавказе. При этом каждый последующий консул или вице-консул нередко указывал на свою более профессиональную и качественную работу в сравнении с предшественником, критически оценивая его деятельность.

Статистика выдачи удостоверений личности иранцам, отправлявшимся на Кавказ в конце XIX в., показывает значительный рост числа мигрантов. Наличие же в регионе нескольких консульств и представительств Министерства иностранных дел Персии свидетельствует о большом количестве иранцев, которые работали постоянно или сезонно на Кавказе в различных сферах и районах. Однако подсчитать, сколько было иранцев, мигрировавших на Российский Кавказ, невозможно, потому что число нелегальных в несколько раз превышало численность зарегистрированных персидских мигрантов. Сведения о количестве официальных мигрантов разнятся. Так, российский консул в Урмии указывал цифру 15 615 чел. в 1891 г., 22 861 чел. – в 1897 г. и 59 121 чел. – в 1900 г. только из консульства России. Это консульство в Урмии выдало визы на въезд в Россию 22 861 чел. в 1904 г.¹³

В корреспонденции иранских консульств на Северном Кавказе тема транзита и проблем с легализацией пребывания персидско-подданных в России была одной из самых обсуждаемых.

Причина создания Генерального консульства Ирана в Тифлисе заключалась не только в росте численности мигрантов, но и в том, что именно там находилась рези-

¹² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 3362–3368.

¹³ *Резанур Аббас*. Документы о положении иранцев на Кавказе и функционировании иранских посольств в 1905–1911 гг. // История дипломатии. 2012. № 54. С. 75–99 (на перс. яз.).

денция кавказского наместника на Кавказе. Очевидно, что политическая значимость Генерального консульства Ирана в Тифлисе была многогранна, учитывая геополитическое расположение и осуществляемый через кавказские дипломатические офисы обмен политической информацией¹⁴. Например, на Саеда Аль Зареха возлагалась задача трансляции политической линии Ирана непосредственно в Тифлисе¹⁵. Посредническая роль иранских консульств в отношениях между Тегераном и Санкт-Петербургом в координации некоторых проектов сотрудничества считалась очень важной. Среди них – постройка Кавказской перевальной дороги с конечным пунктом в одном из городов Ирана; упоминаются и такие случаи, как покупка боеприпасов¹⁶.

Иранские источники о положении мигрантов и их правовом сопровождении

Многие проблемы, свойственные массовой миграции населения, наблюдались при пересечении границы персидских граждан и распределении их по Кавказскому региону. Газета «Хабаль аль-Матин» свидетельствует о тяготах мигрантов. В ней, в частности, отмечается:

В этом году поздней осенью более 500 бедных семей Хамадана, Азербайджана и других регионов Ирана, намеренных переселиться в Россию, укрылись от суровости холода и безденежья в приютах и мечетях. 30 из них умирают каждый день из-за сильного голода и наготы¹⁷.

Достигнув Кавказа, переселенцы часто оказывались в неприемлемых для проживания условиях. Профессиональная специализация в такой ситуации не имела значения – мигранты были вынуждены соглашаться на самую черную и тяжелую работу, от которой отказывались местные жители.

Иранские исследователи указывают, что одной из причин сложившейся на рынке труда для иранских рабочих ситуации было воспитание иранцев во внутренней авторитарной среде, не позволявшей им отстаивать свои права. Поэтому они не участвовали в выступлениях против продолжительного рабочего дня и низкой заработной платы, что делало их весьма желанными для работодателей. Сохранилось описание тяжелых условий существования мигрантов неким рабочим Касимовым:

Приходилось жить группами по 40 и 50 человек в скромном доме без санузлов. Риск инфекционных заболеваний был всегда, а еда была очень плохой, часто это были объедки. Нас били палками, некуда было обращаться с нашими жалобами. Полиция всегда была на стороне работодателей¹⁸.

Заработная плата иностранцев была значительно ниже, чем у других рабочих. Например, носильщики получали от 50 до 60 коп. в день за 13 часов тяжелой работы, что составляло от 15 до 20 руб. в месяц. Шахтерам платили примерно за 9 часов работы от двадцати до двадцати пяти манатов. Горняки пользовались такими льготами, как бесплатные жилье и вода, некоторыми другими привилегиями, в то время как для носильщиков («амбалов») – преимущественно иранцев все это было недоступно¹⁹.

¹⁴ Archive of the Ministry of Foreign Affairs. Tehran (Henceforth – AMFA Tehran). B. 5. D. 4. 1910; Ibid. B. 5. D. 33.1910 (на перс. яз.).

¹⁵ Ibid. B. 12. D. 5. 1911.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Хабаль аль-Матин. № 18. 1907 г. 7 февраля (24 месяца зихадже 1324 г. по лунной хиджре) (на перс. яз.).

¹⁸ *Резанур Аббас*. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 83 (на перс. яз.).

¹⁹ *Зайнал Абдин Маргай*. Рассказ о путешествиях Ибрагима Бейка. Тегеран, 1986 (1364 г. по хиджре). С. 18 (на перс. яз.).

Иранские мигранты своим тяжелым трудом способствовали экономическому процветанию Кавказа, но часто встречали унижительное обращение со стороны местного населения. Джафар Пишвари, иммигрировавший в детстве со своей семьей в Баку, отмечал, что

кавказцы и местное население иранского гражданина считали низким и презренным <...> Они унижали его и не пускали в рестораны и места общественных развлечений²⁰.

Рост численности мигрантов на Кавказе поставил в актуальную повестку вопрос о защите прав иранцев и их консульского сопровождения. Отчеты, которые присылались из кавказских консульств в МИД, свидетельствовали, что большинство из проживавших там иранцев были простыми рабочими, которые зачастую ненамеренно нарушали российское законодательство, не зная языка и местных законов. Это делало их уязвимыми перед полицией и создавало много проблем консульствам, вынужденным тратить время на решение таких проблем, как несанкционированное пересечение границы, отсутствие законного контракта с местными работодателями, страхование труда и отсутствие гарантий занятости. Даже в случае наличия требуемых документов судебное расследование было дорогим и занимало месяцы, при этом исход дела зачастую был безуспешен²¹.

Со временем иранцы поняли, что лучше отстаивать собственные права, используя привилегии, которые имели российские предприниматели, поэтому появилось большое количество желающих получить российское подданство, добавить суффикс «ов» к фамилии, принять православие²².

Для рассмотрения судебных исков между иранцами и россиянами при Министерстве иностранных дел действовала административная организация, известная как Иностранный суд, который занимался рассмотрением с учетом положений Туркманчайского договора²³, вопросов дискриминации и осуждения подданных Ирана, особенно за границей. Материалы по этим вопросам готовили консульства и консульские отделы, в том числе и северокавказские.

Персидские консульства на местах настоятельно рекомендовали правительству Ирана действовать в рамках мирных доброжелательных отношений, поддерживать регулярное общение с российскими официальными лицами на местах, организовывать проведение приемов и вручение подарков, так как эти шаги облегчают процесс консульского делопроизводства²⁴.

Учитывая возникающие проблемы и необходимость их разрешения, консул Ирана в Баку Саеду Аль Зари направил обращение в МИД Ирана следующего содержания:

На Кавказе сто тысяч граждан иранцев, из которых 90 тыс. рабочих и торговцев, из-за незнания правильных законов или коррупции среди некоторых иранских чиновников, загнаны в ловушку. Их ловят и сажают в тюрьмы здесь. Необходимо назначить надлежащего официального адвоката, который при необходимости выезжал бы в суды и по домам персидско-подданных. Согласно местному законодательству, он должен был бы защищать права граждан, а также при консульстве требуется свой врач²⁵.

²⁰ Пишхури, Джафар. Партия истории справедливости. Тегеран, 1981 (1359 г. по хиджре). С. 16.

²¹ AMFA Tehran. В. 12. D. 5. 1911 (на перс. яз.).

²² Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 89 (на перс. яз.).

²³ Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном // Исторический факультет МГУ им. М. Ломоносова [сайт]: URL:

<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁴ AMFA Tehran. В. 12. D. 5. 1911 (на перс. яз.).

²⁵ Ibid. В. 120. D. 12. 1910 (на перс. яз.).

Роль консульств Ирана в сохранении иранской культурной идентичности

Актуальным вопросом в процессах адаптации иранцев в России было сохранение ими иранской и исламской идентичности в условиях процессов интеграции и ассимиляции мигрантов, а также политики распространения пантюркизма османского правительства. Задача создания условий для сохранения культурных ценностей, нравов, национальных обычаев и религии на Кавказе была возложена на официальных иранских представителей в регионе и в целом в России.

В период активной миграции персидского населения на рубеже XIX–XX вв. сотрудники и руководители иранских консульств прилагали усилия для политической и духовной поддержки, для сохранения культурных, языковых, религиозных и исторических связей иранцев с родиной.

В городах создавались персидские школы, на которые возлагалась задача преподавания и сохранения персидского языка; организовывались благотворительные общества для поддержки учащихся, заботы о сиротах и бедных иранских гражданах, торговые представительства; предпринимались также усилия по изданию газет на персидском языке. Такие мероприятия были характерны для всех диаспорных групп, но иранцы считали, что это является неотъемлемой частью деятельности правительства Ирана с целью предотвращения пропаганды против него²⁶.

В переписке представителей персидских консульств на Кавказе отложились и благодарности, в частности, благодарность от МИД Ирана за усилия по созданию благотворительных организаций по уходу за бедными пациентами – иранцами, за возмещение расходов на захоронение мертвых. Документы содержат и призывы к иранским предпринимателям участвовать в благотворительности путем сбора денежных средств²⁷.

Присутствие иранских консульств на Кавказе в некоторых случаях эффективно содействовало предотвращению этнических и религиозных противостояний, снижению напряженности в регионе. За такие заслуги иногда для подданных Ирана запрашивали награды и знаки отличия²⁸. Процедура награждения иранцев была достаточно длительной по времени, поскольку для нее запрашивалась характеристика с места проживания в Иране. В Архиве внешней политики Российской империи имеется дело о награждении орденом Св. Станислава третьей степени Али Бека Ирзабекова – персидско-подданного, директора Грозненского отделения областного комитета общества попечительного о тюрьмах²⁹.

Иранские консульства в некоторых случаях участвовали в рассмотрении вопросов, связанных не с персами, а, например, с кавказскими мусульманами – азербайджанцами, это были вопросы, касающиеся прежде всего беженцев.

Указанные серьезные конструктивные действия официальных лиц Ирана по защите прав своих подданных на Кавказе, побудили граждан европейских стран, таких как Швеция, Норвегия и Дания, у которых не было представительств на Кавказе, несмотря на наличие генеральных консульств Германии, Османской империи, Австрии и Франции – предпочесть, чтобы их курировали иранские чиновники³⁰.

²⁶ Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 77 (на перс. яз.).

²⁷ AMFA Tehran. В. 6. D. 3. 1911 (на перс. яз.).

²⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1162. Л. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ AMFA Tehran. В. 55. D. 4. 1911 (на перс. яз.).

Внутренние и внешние проблемы в деятельности иранских консульских служб

Помимо искренних усилий большинства представительств МИД Ирана по решению проблем иранцев на Кавказе нельзя не обратить внимание на другие факторы – внешние и внутренние, вызывающие потерю доверия подданных Ирана к консульствам.

К внешним факторам относятся: хаос, вызванный слабостью центральной власти, безразличие иранского правительства к проблемам людей за границей своего государства, недоброжелательные действия российских и иностранных чиновников против иранцев. Проблему представляла и необходимость покрытия расходов в связи с неожиданными событиями, такими как стихийные бедствия, беспорядки и революции, что не было чем-то необычным в кавказском регионе и возлагало на иранские консульские службы тяжелое финансовое бремя.

Внутренние факторы включают недостаточный бюджет представительств и несвоевременное распределение прав и обязанностей между сотрудниками. Сообщения из консульских представительств сигнализировали о различных злоупотреблениях (в частности, о присвоении имущества умерших на чужбине подданных Ирана).

В документах иранских кавказских консульских служб отложилась переписка по сбору средств на возмещение дополнительных расходов, вызванных непредвиденными событиями в регионе. Расчеты по счетам и решение возникших финансовых трудностей (личных или административных на местах) в Тегеране по квитанциям осуществлял МИД, а в случае нехватки денег прибегали к помощи иранских купцов и ростовщиков, некоторых местных жителей.

Также действенными были займы у финансистов в случае неприбытия вовремя перевода заработной платы сотрудников консульств из столицы, что постепенно формировало особые отношения между сотрудниками консульств с торговцами и ростовщиками и ожиданием от последних предоставления некоторых услуг. Такие действия свидетельствовали о независимости принятия решений должностными лицами, но и способствовали распространению административной и даже политической коррупции. В переписке имеются также свидетельства того, как иранские предприниматели-резиденты выражают свое недовольство подобными фактами.

После публикаций большого количества статей в иранских газетах, таких как «Сорайя», «Хабалул Матин», «Ахтар», персидские дипломаты вынуждены были обратить внимание на права соотечественников на Кавказе.

Кроме того, в адрес чиновников поступало много писем и жалоб, как личных, так и групповых. К разрешению вопросов и инспекции консульств были привлечены бельгийские советники в правительстве Ирана, появившиеся после назначения в 1898 г. бельгийца Науса главой таможенного ведомства.

В ходе проверок бельгийскими инспекторами было подтверждено, что финансовая и административная коррупция являлись неотъемлемой частью работы консульств на Кавказе.

Обращаясь к Почетному генеральному консулу правительства Ирана в Тифлисе, ереванский консул писал после такой инспекции:

За последние три года, когда наше государственное управление было перевернуто с ног на голову, а авторитарное правление сменилось конституционным строем, министерство иностранных дел Персии должно было иметь в своих рядах соответствующих чиновников для организации работы в новых условиях. Была сформирована и отправлена на Кавказ дипломатическая миссия. Дипломаты сразу же приступили к работе, ожидая, что их службу и старания оценят

<...> Но он так прижал дипломатов, контролируя и приводя их в состояние растерянности, что они довольствуются собственной смертью. И я один из тех людей, который недавно несколько раз пытался покончить с собой, потому что служба в пятнадцать лет и все заработанное имущество пошли прахом. Правительство должно знать о таких неуместных проявлениях. Остаток преданным Вам³¹.

Изучение переписки консульств с Министерством иностранных дел показывает, что личные злоупотребления государственным и административным положением, особенно в случае выдачи национальных паспортов, были настолько распространены, что вполне ожидаемым был их «прорыв» из закрытого пространства консульского делопроизводства в репортажи на страницах периодических изданий. Сообщения о коррупционных схемах и неорганизованности на местах упоминаются также в различных путевых заметках.

Джавад Сад од-Доуле, занимавший дважды посты министра иностранных дел и премьер-министра, обращался к руководителям консульских служб на Кавказе с призывом быть предельно внимательным и аккуратным в выдаче в кавказских представительствах удостоверений личности курдам и российским подданным, а также требовал точности в подсчете сумм уплаченных пошлин и расходов в кавказских консульствах и не принимать отчет без тщательной проверки³².

Понятно, что в условиях изменения статус-кво и порядка ведения дел после конституционной революции в Иране 1907–1911 гг., навести порядок в вопросах, связанных с мигрантами, издав несколько директив и инструкций за короткий период времени, было невозможно.

Выводы

Консульские службы Ирана в России внесли существенный вклад в развитие дипломатических отношений двух стран. Рост численности мигрантов на Кавказе поставил в актуальную повестку вопрос о защите прав иранцев и их консульского сопровождения. Вопрос активно обсуждался в Иране, общественность которого требовала от правительства конкретных мер по защите иранцев и выступала против коррупции чиновников. Эти настроения нашли отражение в иранской периодике и воспоминаниях путешественников.

Проявляя заботу о трудоустройстве своих граждан, они способствовали развитию местной промышленности, торговли и ремесленного производства, интеграции своих подданных в экономику и культуру Российской империи. С другой стороны, они создавали условия для сохранения иранской культурной идентичности. Следует отметить, что наиболее заметные успехи в административно-правовом сопровождении мигрантов были достигнуты в Терской области.

Анализ иранских источников позволяет конкретизировать представления о деятельности консульских служб на Кавказе, сложившиеся в российской историографии. В частности, выявлено, что иранские мигранты, спасаясь от экономического кризиса и внутривластного хаоса на родине, в своем большинстве прибывали в регион нелегально. У них было много правовых и организационных препятствий, начиная с особенностей менталитета и заканчивая незнанием местного законодательства и русского языка, отсутствием страхования и действующего трудового договора с местными работодателями, незнанием собственных прав в стране пребывания. Эти проблемы касались прежде всего консульских служб. Однако в рассматриваемый период сложная политическая ситуация в Иране не позволяла прави-

³¹ Резанур Аббас. Документы о положении иранцев на Кавказе... С. 84 (на перс. яз.).

³² Ibid.

тельству страны уделять должное внимание работе консульств и вице-консульств, успешность которой определялась уровнем взаимодействия с российскими властями, личными качествами консулов, другими субъективными обстоятельствами.

Поступила в редакцию / Submitted: 10.08.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.10.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 29.10.2022

References

- Bayat, Kaveh. *Toofan bar faraz-e Qafqāz* [Storm over the Caucasus]. Tehran: Center for Diplomatic History and Documents Publ., 1380 (in Persian).
- Dadaeva, L.A. “Persidsko-poddannoe naselenie v Dagestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: sotsial’no-ekonomicheskii aspekt.” *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 4 (2014): 13–16 (in Russian).
- Dalgat, E.M. “Irantsy v gorodakh Dagestanskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 34 (2019): 54–62 (in Russian). <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.73.42914>
- Kanukova, Z.V., Plieva, Z.T., and Tuaveva, B.V. “Persidskoe naselenie Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov.” *Nauchnyi dialog*, no. 11 (2021): 379–394 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-11-379-394>
- Khapsaeva, D.V. “Persidskaia diaspora Vladikavkaza (po materialam periodicheskoi pechati vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka).” In *Ot Firdousi do Pushkina: russkii iazyk kak sredstvo mezhdunarodnoi kommunikatsii. Sbornik materialov Rossiisko-iranskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 107–112. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2021 (in Russian).
- Marzoev, I.B.T. “Osetino-persidskie social’no-politicheskie svyazi i rodstvennye otnosheniia v XIX – nachale XX vv.” *Kavkaz-Forum*, no. 2 (2020): 74–82 (in Russian).
- Musaeva, S. I. “Primorskii Dagestan v istorii kul’turno-ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Irana.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 34 (2019): 73–83 (in Russian). <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.73.43107>
- Pishhour, Ja’far. *Tārikhche-ye hezb-e edālat [History of Hizb Adalat]*. Tehran: Alam Publications Publ., 1981 (in Persian).
- Plieva Z.T., Kanukova Z.V., and Tuaveva, B.V. “Persidskie vice-konsuly na Severnom Kavkaze (1894–1920).” *Kavkaz-Forum*, 10 (2022): 84–95, <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.17.10.005> (in Russian).
- Plieva, Z.T. “Migratsionnaia istoriia irantsev na Severnom Kavkaze.” *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*, no. 4 (2021): 49–56. <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-4-49-56> (in Russian).
- Rezapour, Abbas. “Asnādi ax vaz’iyat-e irāniyān dar Qafqāz va a mallard-e namāyandegihā-ye Irān tey-ye sālhā-ye 1323-1329 ghamari [Documents on the situation of Iranians in the Caucasus and the functioning of Iranian embassies during the lunar years 1329–1323].” *Faslnāme-ye tārikh-e ravābet-e khāreji – Yearbook of Foreign Relations*, no. 54 (2012): 75-99 (in Persian).
- Zeynol’ābedin Marāghei. *Siāhatnāme-ye Ebrāhim Beyk [Ebrahim Beyk’s travelogue]*. Tehran: Asfar Publishing House Publ., 1986 (in Persian).

Информация об авторах / Information about the authors

Залина Тимуровна Плиева, канд. истор. наук, доцент кафедры российской истории, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; za-li@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9024-7175>

Zalina T. Plieva, PhD in History, Ass. Professor of the Russian History Department, North Ossetian State University named after Kosta Khetagurov; 46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Russia; za-li@yandex.ru; orcid.org/0000-0002-9024-7175

Берта Владимировна Туаева, д-р истор. наук, профессор кафедры российской истории; Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова; 362025, Россия, Владикавказ, ул. Ватутина, 46; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>

Berta V. Tuaveva, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, North Ossetian State University named after Kosta Khetagurov; 46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Russia; ms.amaga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9745-7776>

Залина Владимировна Канукова, д-р истор. наук, профессор кафедры российской истории; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира, 10; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>

Али Калирад, д-р истор. наук, доцент кафедры истории (Программа изучения Центральной Азии и Кавказа); Тегеранский университет; Иран, Тегеран, ул. Шанздах-э-Азар, площадь Энгеллаб, 16; kalirad@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-5940-702X>

Zalina V. Kanukova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS; 10, Prospekt Mira, Vladikavkaz, 362040, Russia; z.kanukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7353-4324>

Ali Kalirad, PhD in History of Islam, Assistant Professor of the Department of History (Central Asian & the Caucasus Studies Program), University of Tehran; 16th Azar Str., Enghelab Sq., Tehran, 1417466191, Iran; kali-rad@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-5940-702X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Научная статья / Research article

Казнен под фамилией Антонов: революционная биография Владимира Свириденко

Олег Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

✉ olegmilevsky@mail.ru

Аннотация: На основе использования методологических подходов, присущих направлению «personal history», осуществляется реконструкция революционной биографии ранее практически неизвестного в научном сообществе народника Владимира Антоновича Свириденко, казненного под фамилией Антонов. Источниковой базой являются документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованные материалы, прежде всего существующая мемуарная литература. Автором рассматривается и анализируется процесс идейной эволюции Свириденко от мирного пропагандиста до активного члена «южного Исполнительного комитета», исповедавшего тактику политического террора в борьбе против представителей власти Российской империи. В процессе изучения источников, в том числе документов жандармского ведомства, удалось установить, что Свириденко был весьма заметной фигурой в плееде революционеров юга России. Изучение биографии Свириденко позволяет выявить ранее малоизвестные факты из истории революционной пропаганды на юге России (Одесса, Николаев) среди военных моряков. Особое внимание уделяется деятельности В.А. Свириденко в Киеве в 1878 – начале 1879 г. в рядах «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии», созданного В.А. Осинским. Рассматриваются переговоры представителей «южного ИК» с либералами в Киеве в конце 1878 г., в которых Свириденко принимал непосредственное участие. Анализ идейной эволюции революционера помогает не только лучше понять мотивы его поступков, но и на примере личной судьбы проследить типический путь многих революционеров-южан от тактики пропаганды к террору. На основе изученного материала автор приходит к выводу о том, что во многом центральная власть сама спровоцировала переход части революционеров-народников, включая Свириденко, к насильственным действиям. Поэтому реконструкция революционной биографии одного из участников народнического движения на примере его жизни и деятельности крайне важна для выяснения причин эволюции революционного народничества от мирной пропаганды к политическому террору.

Ключевые слова: народничество, революционная борьба, самодержавие, пропаганда, военные моряки, южный Исполнительный комитет, терроризм

Для цитирования: Милевский О.А. Казнен под фамилией Антонов: революционная биография Владимира Свириденко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 581–596. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Executed under the name of Antonov: Revolutionary Biography of Vladimir Sviridenko

Oleg Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

✉ olegmilevsky@mail.ru

Abstract: The article reconstructs the “revolutionary biography” of populist Vladimir Antonovich Sviridenko who was previously practically unknown in the scientific community, using the methodological approaches inherent to the “personal history” direction. The source base of the article is both docu-

ments from the archives of Moscow (State Archive of the Russian Federation) that were not previously introduced into scientific use, and the existing memoir literature. The article examines and analyzes the process of Sviridenko's ideological evolution from a peaceful propagandist to an active member of the "Executive Committee of the Russian Social-Revolutionary Party" ("Southern Executive Committee") who used the tactics of political terror against the representatives of the Russian ruling elite. In the process of studying the sources, including the documents of the Gendarme department, it was possible to establish that Sviridenko was a very prominent figure among the revolutionaries of the south of Russia in the late 1870s. The study of Sviridenko's revolutionary biography revealed previously little-known moments of populist propaganda in Novorossiia (Odessa, Nikolaev) among military sailors. It was also established that at that time the revolutionaries decided to use dynamite to prepare for regicide. Special attention is paid to Sviridenko's activity in Kiev, in 1878-early 1879, in the ranks of the "Southern Executive Committee" created by V.A. Osinsky. There is analyzed the role played by Sviridenko in its work. There are also considered the negotiations of the representatives of the "Southern Executive Committee" with the liberals in Kiev at the end of 1878 in which he was directly involved. The analysis of Sviridenko's ideological evolution allowed us not only to better understand the motives of his actions, but also made it possible to trace on his example the typical path of the transition of southern revolutionaries from propaganda to terror. On the basis of the material studied, the author comes to the conclusion that the reconstruction of V.A. Sviridenko's "revolutionary biography" is extremely important for clarifying the reasons for the evolution of revolutionary populism from peaceful propaganda to political terror.

Keywords: Narodnichestvo, revolutionary struggle, autocracy, propaganda, military sailors, Southern Executive Committee, terrorism народничество

For citation: Milevsky, Oleg. "Executed under the name of Antonov: Revolutionary Biography of Vladimir Sviridenko." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 581–596. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Введение

Изучение истории революционного народничества имеет давнюю, более чем вековую традицию. Однако до сих пор в ней наличествует немало лакун. Причем очень часто за фасадом, казалось бы, очевидных и давно изученных фактов при более детальном знакомстве с архивными документами оказывается немало скрытых деталей и обстоятельств, позволяющих по-иному посмотреть на давно известные сюжеты из истории революционной борьбы 1870–1880-х гг. или «воскресить» из исторического небытия ранее малоизвестные фигуры, на деле оказавшиеся отнюдь не второстепенными.

Такова, например, исследовательская судьба так называемого южного «Исполнительного комитета» русской социально-революционной партии (ИК РСРП), действовавшего в 1878 – начале 1879 г. и лиц, его создавших. В советской историографии деятельности этой организации, преимущественно ассоциировавшейся с именем В.А. Осинского, традиционно отводилась роль предвестника политической борьбы посредством использования террора. Колебался только диапазон оценок. Так, в отличие от М.Г. Седова¹ и С.С. Волка², Н.А. Троицкий³ и В.А. Твардовская не считала деятелей «южного ИК» сознательными политическими революционерами⁴. При этом и ведущие советские, и современные российские историки не подвергали сомнению «последовательно террористический характер кружка В.А. Осинского»⁵. В литературе для обозначения ИК РСРП еще использовался термин «кружок Осинского – Лизогуба»⁶.

Таким образом, когда в исторической среде речь заходила о «южном ИК», то все преимущественно связывалось с именем Осинского, а остальные участники этого

¹ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 78–80, 82.

² Волк С.С. «Народная воля». 1879–1882 г. М. – Л., 1966. С. 71.

³ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 217.

⁴ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 21.

⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 53.

⁶ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 22–23.

кружка оказывались вне зоны научного внимания. Но если ряду персоналий, в том числе и самому Осинскому, посвящены хотя бы отдельные статьи в историко-революционных журналах 1920–1930-х гг.⁷, то судьба некоторых, действительно неординарных фигур, напрямую связанных с ИК РСРП, оказалась вообще вне поля зрения исследователей.

К числу таковых относится и имя Владимира Антоновича Свириденко. Если он и упоминался историками, то только в контексте его совместной казни с Осинским⁸. Хотя на юге России в конце 1870-х гг. Свириденко представлял из себя вполне самостоятельную и весьма крупную революционную фигуру. Более того, например, в некоторых показаниях, полученных в ходе жандармского дознания, Свириденко фигурирует как «человек № 2» после Осинского в революционном Киеве⁹. Однако парадоксальным образом о нем до сих пор очень мало известно, хотя использующиеся сегодня в исторической науке методологические подходы, в том числе метод «personal history», позволяют восполнить этот пробел.

Задачей данной статьи является реконструкция революционной биографии В.А. Свириденко. Наиболее полное восстановление его биографии и политических взглядов позволит получить более объективное представление о том, что происходило в то время в революционных кружках юга империи и о том, какие воззрения там господствовали и какую эволюцию под давлением обстоятельств они претерпели. Последнее имеет особую актуальность в связи с развернувшейся дискуссией между современными историками о природе революционного насилия¹⁰.

Новые «литературные пророки» и молодежь

Свириденко родился в Симферополе, в семье чиновника в чине коллежского ассессора, точная дата его рождения не установлена, традиционно указывают 1850 г.¹¹ Подробности детских лет его жизни также неизвестны, но судя по упорному желанию сохранить свое инкогнито на следствии, чтобы не расстраивать мать¹², отношение Владимира с ней были весьма теплыми. Свое обучение он начал в Симферопольской гимназии, которую на рубеже 1860–1870-х гг. коснулись новые веяния, связанные с проникновением в гимназическую среду передовых идей, культивируемых публицистами демократических изданий, которым провластные «консервативные пророки» ничего не могли противопоставить. Учившийся практически одновременно со Свириденко в гимназии будущий известный литературовед Д.Н. Овсяннико-Куликовский вспоминал об атмосфере, которая там господствовала. «Это время было наполнено литературными интересами, – вспоминал он, – вслед за Белинским пришли Добролюбов, Писарев, Михайловский, «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Дело», «Знание»»¹³. Результат подобного интеллектуального воздействия

⁷ См. напр.: *Дейч Л.Г.* Валерьян Осинский (к 50-летию его казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 9–43; *Прибылев А.* Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 127–147; *Стеблин-Каменский Р.Г.* Григорий Анфимович Попко (Опыт биографии) // Былое. 1907. № 5. С. 179–204; *Щеголев П.Е.* Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 67–110.

⁸ *Я. Д. Б.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 68–76.

⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 274.

¹⁰ *Будницкий О.В.* Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015) // Российская история. 2015. № 3. С. 119–137; *Pipes R.* The Trial of Vera Z. // Russian History. 2010. Vol. 37. № 1. P. 1–82; *Патук Л.Е.* Remembering «The Terrorism»: Sergei Stepniak-Kravchinskiis «Underground Russia» // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 4. P. 758–781.

¹¹ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2. Вып. 4. М., 1932. Стб. 1433.

¹² *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 85.

¹³ *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 317.

на читающих, а следовательно, наиболее думающих гимназистов оказался весьма разрушительным в плане их отношения к той политической действительности, которая существовала в стране.

На этот радикальный переворот идейных установок в умах гимназической молодежи указывал все тот же Овсяннико-Куликовский:

За это же время я превратился из религиозного, наивно верующего и смиренного юноши в «неверующего» и «протестующего» радикала. Само собой разумеется, о каких-либо мало-мальски выработанных взглядах и «убеждениях» смешно было бы говорить (мне было 18–19 лет). Это была лишь соответствовавшая возрасту, душевным предрасположениям и духу времени перемена настроения; это был также психологически закономерный кризис личного и социального самочувствия – этап умственного развития, реакция просыпающейся души на новые впечатления жизни и мысли¹⁴.

Эти слова будущего маститого литературоведа вполне применимы и к характеристике психологического состояния Свириденко. Представляется, что и для Свириденко (кроме него в той же гимназии начинал обучение будущий член «великого ИК» Народной воли М.Н. Тригони) и для Овсяннико-Куликовского и других гимназистов, поклонников передовой литературы, одной из главных причин перехода в стан «отрицателей» являлась невыработанность религиозного чувства.

На этот факт как на основной впоследствии указывал Л.А. Тихомиров: «Что касается религиозного настроения, оно у нас было очень слабо. Дети поступали в гимназию верующими... Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала»¹⁵. Вера в Бога, вытеснявшаяся под прессом общественного движения 1860-х гг. из сознания юношества, искала замены на что-то иное. Явилась насущная необходимость хоть чем-то заполнять душевную пустоту, и здесь пророк радикальной молодежи и защитник нигилизма Д.И. Писарев выдвинул и свою положительную программу.

Слова «реализм», «мыслящие реалисты», используемые Писаревым, казались сами по себе многозначительны и притягательны. Овсяннико-Куликовский так описывал свои настроения на тот момент времени:

Это были не столько термины с определенным содержанием, за которыми скрывалась бы определенная программа, сколько условные лозунги и символы, открывавшие заманчивую даль будущей деятельности, “плодотворной работы”, борьбы, а может быть, и славы!¹⁶

Но если его спасло от ухода в революцию увлечение филологией, то для Свириденко такого мирного заместителя не нашлось и он с головой отдался новым увлечениям. В результате он оставил гимназию. Что явилось причиной ухода сейчас выяснить сложно. Возможно, на это повлияла высокая плата за обучение, но скорее всего камнем преткновения стало засилье там классицизма. Изучение «мертвых» языков – латыни и греческого, – являлось настоящим проклятием для гимназистов-классиков. В результате Свириденко переходит в Николаевское реальное училище. Впрочем, и пребывание в стенах этого образовательного учреждения не дало успокоения его мятущейся душе, его он также не закончил.

Человек неглупый и начитанный, он попытался найти себе применение на ниве учительства, преподавая в Симферопольском уездном училище¹⁷. Однако на дворе стояли 1870-е гг. – время российских «бури и натиска». Идейными вдохновителями для «поколения 1870-х гг.» выступали П.Л. Лавров и М.А. Бакунин. И книгой, оказавшей наибольшее воздействие на формирование социального мировоззрения семи-

¹⁴ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы... С. 317–318.

¹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 163.

¹⁶ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы... С. 318–319.

¹⁷ Деятели революционного движения в России...

десятников, стали «Исторические письма» Лаврова. Они «были не только настольной книгой молодежи 70-х годов – нет! Это была книга жизни, революционное евангелие, философия революции. Она читалась, перечитывалась. Некоторые главы ее даже переписывались», – вспоминал О.В. Аптекман¹⁸. Стоит обратить особое внимание на ассоциацию Аптекмана, сравнивающего «Исторические письма» с «Евангелием». Во многом для передовой молодежи, оторванной от традиционных православных корней, проповедью публицистов «демократической волны», талантливо и ярко пропагандировавших идеи «пользы», «служения народу» и отказа от традиционной религии в пользу усвоения идей европейских ученых-естествоиспытателей в духе вульгарного материализма и дарвинизма так оно и было. Человеческая природа не терпит пустоты и образовавшийся с отказом от религии мировоззренческий вакуум требовал заполнения. Публицисты 1860-х гг. предложили «веру в прогресс», но лишь наметили вехи практического служения новому идеалу.

По-базаровски «резать лягушек» «поколению 1870-х гг.», было уже мало, и Лавров интуитивно угадал это стремление к активному действию, предложив свою программу, что и сделало его самого и его книгу объектом поклонения, а мужика своеобразным «символом веры» для передовой части молодежи. Не зря сам Лавров называл участников «хождения в народ» «крестonosцами социализма», одним из которых и стал Свириденко.

Начало революционной карьеры

Бурная эпоха «хождения в народ» застала Свириденко в Николаеве, где он в начале 1870-х гг. являлся членом местного пропагандистского кружка. О жизни, быте и буднях этого кружка сохранилось литературное свидетельство, чудом дошедшее до потомков из Шлиссельбургской крепости. Это фрагмент неоконченного романа «Булгаков»¹⁹, принадлежащего перу революционера Ф.Н. Юрковского – знаменитого «Сашки-инженера», экспроприатора Херсонского казначейства (1879 г.). Он, будучи уроженцем Николаева, близко стоял к членам этого сообщества в первые годы его существования. Об участии в «Николаевской коммуне» Свириденко упоминает и А.А. Алексеева, подруга Юрковского²⁰. В то время главными действующими лицами кружка являлись И.М. Ковальский и П.З. Рябков, в него также входили И.В. Дробязгин, сестры Анна и Александра Алексеевы, Е. Ишменецкий и др.²¹ Все они занимались пропагандой среди сектантов-штундистов, а также среди местных гимназистов, их усилиями в гимназии был создан кружок²². В таком составе кружок просуществовал недолго. 30 сентября 1874 г. большинство его членов, среди которых находились Ковальский, Дробязгин, Имшенецкий, Юрковский, М. Ленци и Ал.А. Алексеева были арестованы во время поездки к штундистам²³. Свириденко тогда удалось избежать ареста, что спасло его от привлечения к дознанию по делу «О пропаганде в Империи», которое затем вылилось в «процесс 193-х».

Представляется, что знакомство с Юрковским, личностью неординарной и во многом нетипичной для мирного народничества, оказалось знаковым для Свириденко. В то время Юрковский высказывал идеи, считавшиеся крамольными в народнической среде, но ставшими актуальными в бытность действий ИК РСРП. В частности, он являлся активным сторонником использования пропаганды дей-

¹⁸ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 122.

¹⁹ Юрковский Ф.Н. Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. Воспоминания и письма. Л. – М., 1933.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Там же. С. 227.

²² Там же. С. 71.

²³ Там же. С. 262.

ствием. В романе «Булгаков» Юрковский вложил эту мысль в уста своего героя Николая Булгакова в споре с Дрозденко (прототип Дробязгина. – *О.М.*)²⁴. Впоследствии эту идею в Киеве начнет активно осуществлять ИК РСРП, где одну из ведущих ролей предстояло сыграть Свириденко.

Тогда же Юрковский высказался и в пользу мысли о том, что «революция должна иметь собственные фонды». Вновь обратимся к «Булгакову». В романе Юрковский словами своего героя четко формулирует эту мысль:

Революция должна употреблять революционные приемы, конфискации правительственных капиталов – вот средства, которые лежат перед нами, и мне, кажется, надо раз и навсегда признать их в принципе, не смущаясь их юридическим названиями, ибо дело-то ведь не в названиях²⁵.

Тождество слов своего литературного визави подтверждал и сам Юрковский. В своих воспоминаниях он писал о том, что

в первый раз мысль о казначействе явилась у меня в 74 г., благодаря разговорам с Иваном Позульским, когда я содержался в Николаевском морском остроге²⁶.

Сторонником подобного образа действий выступит как раз Свириденко – тогда еще ортодоксальный народник, которого даже кратковременное общение с Юрковским сподвигло если не на принятие, то на размышление об ином пути достижения народного блага нежели просто мирная пропаганда. Пребывание арестованных николаевских революционеров в местном военно-морском остроге принесло и еще одно открытие. Выяснилось, что офицеры, несшие караульную службу, относятся к политическим преступникам «с полным уважением и симпатией»²⁷. В дальнейшем оставшиеся на свободе николаевские революционеры направят свою революционную пропаганду на военных моряков, и в ней первую скрипку будет играть Свириденко.

Провал «хождения в народ» и шквал правительственных репрессий, обрушившихся на мирных пропагандистов, подталкивали оставшихся на свободе к принятию более радикальной программы действий. Товарищ Свириденко по «николаевской коммуне» Дробязгин, например, принял бакунинскую программу «южных бунтарей». Свириденко также склоняется к более решительным формам борьбы против царской власти. Но он больше тяготеет к работе в городских условиях. В это время он ведет революционную работу не только в Николаеве, но и в соседней Одессе.

Николаевский кружок и военные моряки

Деятельность первых пропагандистов среди гимназистов в Николаеве в начале 1870-х гг. дала свои плоды. На рубеже 1875–1876 г. там оформился народнический кружок, куда вошли те, кто познакомился с революционными идеями как раз в гимназии. Среди них – вернувшийся из-за границы С.Я. Виттенберг²⁸. Вокруг него, а также братьев А.С., Л.С. и С.С. Златопольских, и вращалась тогда радикальная жизнь революционной молодежи Николаева. Свириденко в то время уже опытный революционер и конспиратор (среди местных активистов известный как «Владимир»), бывая в Николаеве, снабжал членов кружка запрещенной литературой, в случае необходимости документами, доставляемыми из Одессы. При этом он вел себя весьма осторожно, особенно в общении с новообращенной революционной молодежью,

²⁴ Юрковский Ф.Н. Булгаков... С. 116.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 169.

²⁷ Там же. С. 228.

²⁸ Морейнис М.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 155.

поэтому в сохранившихся воспоминаниях членов николаевского кружка 1877–1878 гг. о нем немного упоминаний.

Особый его интерес в Николаеве привлекло знакомство Виттенберга с военными матросами. Это произошло на Николаевской острожной гауптвахте в начале 1877 г., где Виттенберг содержался во время своего первого ареста (освобожден примерно через 5 недель. – *О.М.*)²⁹. Там он подружился с боцманом черноморского флотского экипажа И.И. Логовенко³⁰, а через него уже завязали контакты и с другими матросами. Логовенко являл собой тип стихийного социалиста-правдоискателя. «Всем земли поровну и денег» и «пропагандисты добиваются правды», – вот строй его мыслей³¹. У матросов он пользовался большим авторитетом, и это обстоятельство использовал Свириденко для расширения контактов в морской среде.

В результате к середине 1878 г. сложился костяк из матросов, сочувствующих революционерам – П.П. Ключников, М.Г. Скорняков, И.И. Тищенко, Витмунд, писарь главного командира И. Сильчевский, писарь Н. Морозовский и др.³² Всего на следствии выявили контакты Свириденко с 8 моряками³³. Среди военных, сочувствующих революции, оказались и лица офицерского звания, например мичман А. Калюжный, служивший на военном корабле «Новгород»³⁴.

В контактах с матросами Свириденко интересовала не только чистая пропаганда. События в Петербурге, связанные с «боголюбовской историей» (телесное наказание по приказу градоначальника Ф.Ф. Трепова политического заключенного А.С. Емельянова (Боголюбова. – *О.М.*) и ответное покушение 31 марта 1878 г. на Трепова В.И. Заслулич, а также вооруженное сопротивление при аресте в Одессе 30 января 1878 г. Ковальского донельзя обострили градус гражданского противостояния в стране³⁵. Свириденко все более склонялся к активным действиям против правительства в духе идей Юрковского.

Переход на позиции открытой насильственной борьбы с правительством

В марте 1878 г. в Киеве по инициативе Осинского зарождается ИК РСРП. Начало его деятельности было ознаменовано покушениями в Ростове-на-Дону на шпиона Акима Никонова (2 февраля) и товарища прокурора Киевской судебной палаты М.М. Котляревского (23 февраля), появлением прокламаций по этому поводу с печатью в виде перекрещенных кинжала, револьвера и топора. Эта организация первоначально носила во многом фиктивный характер, просто несколько революционеров, группирующихся вокруг Осинского, присвоили себе такое название³⁶.

Однако за короткое время благодаря ряду предпринятых дерзких акций авторитет ИК РСРП среди революционеров юга России стал незыблемым. В их числе – покушение на второго человека в жандармской иерархии Киева барона Г.Э. Гейкинга, организация побега из Киевского тюремного замка трех участников «Чигиринского дела» (Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча, И.В. Бохановского).

Сам Осинский являлся последовательным сторонником борьбы за политические свободы посредством террора, а Свириденко, может быть, не полностью раз-

²⁹ *Морейнис М.А.* Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 51.

³⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 206.

³¹ *Дрезен А.* Матросы в революционном движении 70-х годов // Каторга и ссылка. № 2 (31). 1927. С. 65.

³² Там же. С. 64–67.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ *Пелевин Ю.А.* Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 41–61.

³⁶ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 12–13.

деляя идеи борьбы, в первую очередь за политические свободы, с готовностью принял саму террористическую тактику и стал активно контактировать с ИК РСРП. Известно, что и в Одессе, и в Киеве он не порывал связей с остатками «южных бунтарей» (В.К. Дебагогием-Мокриевичем, М.П. Ковалевской). Именно в это время Свириденко задолго до «Народной воли» рассматривает возможность использования для целей будущего политического террора взрывчатых веществ – пироксилина, который можно было получить через военных моряков. И он начал осуществлять свой замысел.

Во многом на изменение взглядов Свириденко повлияли события в Одессе, связанные с делом его старого друга еще по «никولاевской коммуне» Ковальского, приговоренного 24 июля 1878 г. в Одессе к смертной казни. Последний день суда над Ковальским и его товарищами вылился хотя и в стихийную, но весьма мощную антиправительственную демонстрацию. При оглашении приговора перед зданием суда на Гулевой улице собралось около 3 тысяч человек³⁷.

Среди присутствующих оказалось немало революционеров. В дальнейшем следствие установило, что во время суда в Одессу приезжало несколько нелегальных из Киева и из Николаева, том числе Виттенберг и «Владимир» (Свириденко. – *О.М.*), известный жандармам под фамилией Кавуненко³⁸. В стихийно возникшей перестрелке погибло два человека из числа участников демонстрации и несколько солдат было ранено³⁹. 2 августа 1878 г. Ковальского по приговору суда расстреляли, а 4 августа 1878 г. в Петербурге от удара кинжалом землевольца С.М. Кравчинского скончался глава III Отделения и шеф жандармов генерал-адъютант Н.В. Мезенцов.

После казни Ковальского одесский радикальный мир бурлил и жаждал мести⁴⁰. Возможно, из этого в дальнейшем выросла и стала реализовываться идея царевбийства, запланированного на время проезда царя через Одессу и Николаев. В отношении самого плана покушения на царя в Николаеве у мемуаристов нет единства мнений. Традиционно его зарождение связывают с именами Виттенберга и Логовенко⁴¹. В этом же ключе работало и жандармское дознание. Главным обвинением против Виттенберга, арестованного 16 августа 1878 г., служило «злоумышление на жизнь Государя Императора и приготовительные действия к приведению этого умысла в исполнение»⁴². В его квартире были

найжены все нужные принадлежности для производства взрыва: электрическая и гальваническая батареи, проводники, запалы. Взрыв предполагалось произвести в Спасском во время приезда Государя Императора в Николаев 18 августа 1878 г.⁴³

Однако есть сведения, что к организации этого плана был напрямую причастен и Свириденко. Об этом, ссылаясь на показания арестованного в Николаеве А.Н. Зайднера, пишет А. Дрезен⁴⁴. В любом случае добывать пироксилин для революционных целей начали именно по инициативе Свириденко. Николаевские матросы в разное время передали «Владимиру» до пуда пироксилина, который впоследствии перевезли в Одессу⁴⁵.

³⁷ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 1. (А). Л. 87 об.

³⁸ Там же. Ч. 2. Л. 143.

³⁹ Бухбиндер Н.А. К процессу И.М. Ковальского // Каторга и ссылка. 1928. № 1 (38). С. 71.

⁴⁰ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 47.

⁴¹ Морейнис М.А. Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 55.

⁴² ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 205 об.

⁴³ Там же. Л. 205 об.

⁴⁴ Дрезен А. Матросы в революционном движении 70-х годов // Каторга и ссылка. № 2 (31). 1927. С. 66–67.

⁴⁵ Там же. С. 67.

В составе «южного» Исполнительного комитета

После массовых арестов в Одессе и Николаеве Свириденко вместе с уцелевшим матросом Ключниковым 2 сентября 1878 г. окончательно перебрался в Киев. Показания Ключникова свидетельствуют, что Свириденко в этом городе хорошо знали и уважали, а его слово многое значило в кругу местных радикалов. Фактически в деятельности ИК РСРП осенью 1878 г. сложился триумvirат. Осинский являлся признанным харизматическим лидером «южного ИК». Он добывал средства, контактировал с «Землей и волей», ведал решением различных организационных дел, обеспечивал связи с либеральными кругами. За И.Ф. Волошенко оставались контакты со студенческой и интеллигентной средой⁴⁶. Свириденко отвечал за организацию большинства боевых мероприятий ИК РСРП и непосредственно активно контактировал с киевскими боевиками. Для них он был своим. Вот как отзывались о нем товарищи:

Вл. Свириденко – красавец, смелый, энергичный, сильный; эту силу всегда чувствуешь, когда встречаешься с ним. Для него не было невозможного или опасного. Это был не кабинетный, а боевой революционер⁴⁷.

Тип революционера-боевика, каковым являлся Свириденко, возник во второй половине 1870-х гг. именно на юге России. Причиной тому служило и отсутствие там сильной централизованной организации, такой, как на севере – «Земля и воля», и наличие там большой массы революционеров-бунтарей – «вспышкопускателей», как их еще называли, сторонников пропаганды действием на селе. Очень точно подметил основные черты этого типа южных революционеров Л.А. Тихомиров, познакомившийся с ними летом 1878 г.:

Их психика производила на меня такое впечатление, что было бы только удалое предприятие – и они за всякое возьмутся с радостью... Они чувствовали себя совершенно как смелые молодые люди на войне⁴⁸.

Такие революционеры не обременяли себя излишним теоретизированием, для них аксиомой являлось следующее – самодержавие со всеми его политическими институтами – это враг и его надлежит уничтожить во что бы то ни стало. От них веяло силой и удастью, а главное ощущением скорой победы. К ним тянулась не слишком образованная молодежь, уже затронутая революционной пропагандой и сжигаемая революционным нетерпением. В киевских кружках ее хватало, и там Свириденко оказался незаменим.

Именно через него ИК РСРП наладил контакты с «кружком И.И. Басова». Сам Басов это время вел пропагандистскую работу в Киеве, но ответвления кружка имелись и в Житомире. Кружок состоял из весьма храбрых молодых людей, не слишком отягощенных традиционным этическим кодексом народников. Одной из заявленных целей кружка являлась добыча средств на революцию с помощью экспроприаций у государства. Свидетельством особых отношений Свириденко и «басовцев» служат показания на дознании одного из лидеров кружка Я.Ф. Зубрицкого, который указывал на «Антонова (под этим именем проходил во время жандармского дознания Свириденко. – О.М.) как на учителя и руководителя своего»⁴⁹.

Под непосредственным началом Свириденко осенью 1878 г. планировалось освобождение из харьковской тюрьмы А.Ф. Медведева (Фомина), арестованного

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 258.

⁴⁷ Феохари С.И. Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 42.

⁴⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 280–281.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 185 об.

летом 1878 г. по делу о попытке освобождения П.И. Войноральского. Первая попытка побега Фомина через тюремный подкоп, осуществленная 28 августа 1878 г., оказалась неудачной⁵⁰, и ее решили повторить. Планы устройства побега Фомина целиком вынашивались в Киеве. Непосредственными руководителями этой акции являлись Свириденко и Ив. Ивичевич. В соответствии с ним решено было попытаться освободить Фомина с помощью подложного документа за подписью самого начальника местного Губернского жандармского управления генерал-майора Д.М. Ковалинского о препровождении к нему арестованного для допроса⁵¹. Этот ордер для предъявления тюремному начальству должны были доставить прямо в тюремный замок переодетые в жандармское платье революционеры. При этом ордер был на подлинном бланке, полученном у подкупленного чиновника канцелярии тюрьмы⁵², и это делало поставленную задачу, как казалось, вполне реализуемой.

Для осуществления задуманного плана выбрали двух человек, нетипичных для революционного мира. Один – бывший уголовник И.А. Рашко, по прозвищу «Американец», другой – матрос-дезертир из Николаева Тищенко (Г.Н. Березнюк). Выбор исполнителей кажется весьма странным, но объяснение здесь следующее – именно эти лица наиболее походили на жандармских унтеров, заодно новообращенных проверяли и на лояльность революционной партии. Причем сами революционеры сомневались в одном из «жандармов», по-видимому, в Рашко, однако без него как «без типичной жандармской фигуры обойтись было нельзя»⁵³.

Все первоначальные приготовления к этой акции велись в Киеве. Штаб-квартира располагалась на Большой Житомирской улице, где проживал Свириденко и где готовили жандармскую форму и прочее⁵⁴. В Харькове в качестве базы использовалось жилище местного революционера В.С. Ефремова⁵⁵. Однако из данного мероприятия, осуществленного 20 октября 1878 г., так ничего и не вышло. Подкупленный чиновник, выдавший революционерам официальный бланк, сам же их и предал, сообщив обо всем полиции. В тюремном замке псевдожандармов уже ждали и сразу же арестовали⁵⁶.

Но если устройство побегов из заключения являлось традиционной формой противостояния революционеров и власти, то вторая акция, готовившаяся при непосредственном участии Свириденко, выглядела новаторской и весьма неоднозначной с точки зрения революционной морали того времени. Это был план ограбления почты на дороге между Киевом и Житомиром во время перевозки большой суммы государственных денег. Первоначальная инициатива этого дела принадлежала Зубржицкому⁵⁷. Во второй половине октября 1878 г. к делу подключился и ИК РСРП. Следует отметить, что сам Осинский считал такие акты по экспроприации денег у государства вполне оправданными⁵⁸. Поэтому неудивительно, что в подготовке этого революционного экса приняли участие лица из ближайшего окружения Осинского – Свириденко, П.А. Орлов (Павлюк), Иг.Н. Ивичевич.

Само нападение планировалось на 9 декабря 1878 г. В этот день по тракту должны были провезти 102 тыс. руб.⁵⁹ Сам Свириденко под Житомир не поехал, а непосред-

⁵⁰ Ефремов В.С. Маленькое дело // Былое. 1907. № 5. С. 82.

⁵¹ Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 32.; Щеголев П.Е. Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 73.

⁵² Щеголев П.Е. Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 73.

⁵³ Ефремов В.С. Маленькое дело // Былое. 1907. № 5. С. 84.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 241, 254 об.; Там же. Л. 241 об. – 243.

⁵⁵ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 86.

⁵⁷ Там же. С. 86.

⁵⁸ Аптекман О.В. «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 301.

⁵⁹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 100.

ственными исполнителями акции выступали П.А. Орлов (Павлюк), Иг. Ивичевич, Г.Д. Гольденберг, К.Ф. Багряновский, П.Ф. Федоров (Лобанов-Лобанчук-Гудзь), П. Голушкин и Зубржицкий. Через мост, который почта преодолевала в ночное время, натянули толстую веревку, а вооруженные револьверами экспроприаторы ожидали в засаде. Но попытка не удалась. По официальной версии «заграждение оказалось слабым, лошади порвали веревку»⁶⁰. Однако в последующих показаниях Ключников иначе описывал неудачу мероприятия, ссылаясь на подслушанный им рассказ Орлова (Павлюка) Свириденко и Осинскому. При этом Павлюк объяснил, что

они натянули уже канат и вообще приготовились, но в решительную минуту Павлюк поопасался приступить к нападению, в тех видах, что принял во внимание бывшую ссору со мною Яна (Зубржицкого. – О.М.) он не доверял мне и боялся, что я зная это донесу⁶¹.

Версия, предложенная полиции Ключниковым, вызывает большие вопросы. Представляется, что он, давая такие показания, стремился преуменьшить свою вину и показать, что уже то время являлся только невольной жертвой обстоятельств. Версия поражает нелогичностью. Возникает законный вопрос, зачем тогда вообще было ехать на эту экспроприацию? Да и зная решительность киевских революционеров слабо верится, что их испугало возможное предательство Ключникова, если бы они, действительно, считали его предателем, то его ждала бы судьба Т. Курилова, убитого по подозрению в предательстве в марте 1879 г.⁶²

Неудача этого дела, впрочем, никак не отразилась на авторитете Свириденко в киевских революционных кругах. Об этом свидетельствует тот факт, что 3 декабря 1878 г. он вместе с Осинским, Волошенко, Ковалевской, Дебагорием-Мокриевичем и Л.А. Волкенштейн участвовал в переговорах с земскими либералами на квартире украинофила В.Л. Беренштама⁶³. Со стороны земцев также присутствовали И.И. Петрункевич, А.Ф. Линдфорс, младоукраинофил И.А. Житецкий и графиня А.С. Панина⁶⁴.

Центральным пунктом обсуждения стал вопрос, поставленный Петрункевичем:

согласны ли террористы временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности?⁶⁵

Дебаты проходили весьма горячо. У революционеров не оказалось единства мнений. Одну группу представляли Осинский и его сторонники (Волошенко, Свириденко, Волкенштейн) – так называемые террористы-политики. Их тезисы сводились в целом к принятию базовых установок либералов в отношении необходимости запуска конституционного процесса⁶⁶. Террористы исходили из того, что именно насильственные действия революционеров против власти могут быстрее ослабить ее позиции в центре и дать возможность либеральному лобби добиться конституционных свобод.

⁶⁰ Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 86.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 267.

⁶² Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 86.

⁶³ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции: в 22 т. Т. 21. М., 1993. С. 101; *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59; *Прибылев А.* Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 142.

⁶⁴ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля... С. 102.

⁶⁵ Там же. С. 101.

⁶⁶ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59.

Другую, маргинальную в данной ситуации точку зрения, озвучивала группа «бунтарей» – бакунистов, состоявшая из Дебагория-Мокриевича и его соратницы Ковалевской и отстаивавшая прежнюю бунтарскую позицию⁶⁷. Но в итоге пункт о прекращении террора стал камнем преткновения в диалоге либералов с революционерами. Переговоры, впрочем, не оказались столь неудачными, как их оценивают мемуаристы-народники⁶⁸.

Петрункевич отмечал в связи с этим:

После долгих и горячих дебатов мы не пришли к определенным решениям или обещаниям, но все же разошлись под впечатлением, что наше предложение имело некоторый психологический успех, и что, если нам удастся сдвинуть общественное мнение с мертвой точки равнодушия, то террористы поймут необходимость приостановить свою активную деятельность. Мы убедились также и в том, что, если бы правительство проявило хотя сколько-нибудь готовность сговориться со страной, террор потерял бы под собою почву⁶⁹.

Однако пока террор планировалось продолжать, а это требовало средств и, судя по всему, ИК РСРП начал вынашивать другой план экспроприации. Осинский выделил 120 руб. Свириденко для поездки в Крым с «целью осмотреть местность от Симферополя до Керчи»⁷⁰. Он как уроженец тех мест, по-видимому, должен был произвести рекогносцировку местности. Дававший впоследствии показания Ключников не знал цели поездки, но предположил (и в данном случае с ним вполне можно согласиться. – *О.М.*), что

дело это касалось почты, которая зимою ходит по почтовым трактам, и он действительно уехал на третий день Рождества Христова⁷¹.

В Керчь также зимой ездил и «Никитка» (Левченко Н.В. – *О.М.*) и провел там около месяца⁷².

В это же время члены ИК РСРП начали готовить и покушение на харьковского губернатора Д.Н. Кропоткина, которое, как известно, состоялось 9 февраля 1879 г. Но череда этих планов нарушилась арестами в Киеве. Там 25 января благодаря усилиям Г.П. Судейкина арестовали Волошенко, Осинского и Софью Лешерн фон Герцфельдт.

Арест, суд и казнь

Прошедшие аресты явились началом разгрома ИК РСРП. Буквально через две с половиной недели местных жандармов ожидала еще одна большая удача. Судейкин, благодаря активному использованию наружного наблюдения, смог установить квартиру Дебагория-Мокриевича, а «вслед за тем и то, что в этой квартире (угол Жилианской и Паньковской улиц флигель дома Коссаровской) проживают частью лица, знакомство с которыми Де Багорио (так в жандармских документах. – *О.М.*) было замечено раньше». Хозяевами квартиры в доме Коссаровской числились Ив. Ивичевич, проживавший под фамилией Лихошерстов⁷³, и В.К. Дебагорий-Мокриевич (Федоров).

Далее жандармы дождались удобного случая для проведения арестов, и в конце концов через завербованную Судейкиным слушательницу высших женских курсов Бабичеву (в жандармских документах Бабич. – *О.М.*) получили информацию о том,

⁶⁷ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 60.

⁶⁸ Прибылев А. Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 142; Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59.

⁶⁹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 101.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 267 об.

⁷¹ Там же. Л. 268.

⁷² Там же. Л. 272.

⁷³ Там же. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 84 об.

что Дебагорий-Мокриевич и часть жильцов из флигеля в доме Коссаровской будут 11 февраля по ее приглашению справлять масленицу у нее на квартире на Жилинской улице. Исходя из этого главой киевского ГЖУ полковником В.Д. Новицким и Судейкиным планировалось нанести двойной удар и взять всех сразу на двух квартирах, благо они располагались недалеко друг от друга.

На квартире Бабич находились Дебагорий-Мокриевич, Ковалевская и Орлов⁷⁴ во флигеле в доме Коссаровской – братья Ивичевичи, Л.К. Брандтнер, Н.П. Позен, Р.А. Стеблин-Каменский, С.И. Феохари, Н.А. Армфельдт, Е.П. Сарандович и А.Э. Поталицына. Дальнейшие события весьма подробно описаны мемуаристами. В результате оказанного яростного вооруженного сопротивления в доме Коссаровской, по свидетельству Новицкого, с обеих сторон было выпущено до 60 выстрелов⁷⁵. Братья Ивичевичи были смертельно ранены, ранено еще два революционера (Брандтнер и Г. Иванченко), один жандарм был убит; ранены жандарм и два полицейских, причем жандармы находились в специально заказанных для них двойных кольчугах⁷⁶, что спасло жизнь, например Судейкину. Аресты на другой квартире прошли более спокойно. У находившихся там не оказалось с собой оружия. Уходящий от гостей Свириденко попытался скрыться, но был арестован полицией.

Человек отчаянно смелый, он не капитулировал и в полицейской части, куда его доставили и где он увидел связанных при аресте в доме Коссаровской товарищей. Дебагорий-Мокриевич так описывал эту сцену:

Раздались чьи-то шаги крик усилился и в нашу комнату ворвался Владимир Свириденко, буквально волоча за собой двух полицейских... Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали как угли.

– Что это? Связанные? – крикнул он, увидав Позена и Каменского со скрученными назад руками, и тотчас бросился к одному из них и принялся рвать на нем веревки⁷⁷.

Полицейский пристав Матковский был настолько подавлен натиском Свириденко, что тут же распорядился развязать заключенных⁷⁸. Также дерзко вел себя Свириденко и по доставлении в Киевский тюремный замок. Там арестованным предложили переодеться в казенное платье. На это Свириденко неожиданно для охранников заявил, что он ботинок не отдаст и не отдал⁷⁹. Тюремные чины сочли за благо не связываться с ним по этому поводу.

На протяжении всего следствия Свириденко, как и остальные, отказывался от дачи показаний. Не открывал он и своей фамилии и проходил на следствии под именем Петра Антонова. В его отношении жандармы вынесли следующую характеристику:

Называющий себя Антоновым... лет 28-ми, озлобленный до мозга костей, крайне дерзкий и на все готовый человек⁸⁰.

Следствие велось весьма поверхностно и неряшливо. Власти откровенно боялись революционного подполья, получая постоянные угрозы в виде писем-предупреждений. Это настроение тревоги очень остро ощущается в строках из рапорта Новицкого на имя главноуправляющего Третьего отделения Н.К. Шмидта от 14 февраля 1879 г.:

⁷⁴ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М. – Л., 1930. Кн. 2. С. 62.

⁷⁵ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 97.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 85 об.

⁷⁷ Там же. С. 66.

⁷⁸ Там же. С. 67.

⁷⁹ Феохари С.И. Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 42.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 258.

Не скрою перед Вашим Высокопревосходительством, что жизнь не столько наша, сколько семей наших в городе Киеве, в высшей степени тяжела в нравственном отношении, не ошибусь, если сделаю сравнение, что теперь тяжелее и опаснее живется, чем в момент самого обыска в доме Коссаровской, но духом не падаем, но семейства по возможности ограждаем от могущего покушения на их жизнь злодеев⁸¹.

Другой постоянной головной болью как для тюремщиков, так и для жандармов было опасение, что политические организуют побег. Новицкий прямо высказывал подобные опасения в своей переписке со Шмидтом. Со ссылкой на секретные источники он писал о

намерении злоумышленников во что бы то ни стало освободить арестованных, или посредством отбития во время препровождения, или нападения, открытого на часовых тюрьмы⁸².

Поэтому все допросы проводились только в здании тюрьмы, отстоявшей от городской черты на пять верст. В такой обстановке киевские жандармы и особенно прокуратура больше думали о себе, чем о проводимом расследовании. Шифрованная телеграмма в Третье отделение об окончании дела «о вооруженном сопротивлении в доме Коссаровской 11 февраля» была отправлена Новицким уже 20 марта 1879 г.⁸³ Поэтому неудивительно, что подлинные имена и фамилии трех человек так и не были установлены. Среди них оказался и Свириденко.

На это указывал также при знакомстве с делом военный прокурор полковник В.С. Стрельников. Он лично выразил Новицкому «свой взгляд на неполноту проведенного следствия под наблюдением Киевской прокуратуры» и сказал, что если бы он не был ознакомлен с делом лично Новицким и с дознаниями, проведенными в вверенном ему управлении, а также с политической и административной перепиской, то «не уяснил бы себе важности дела, ибо так поверхностны следственные действия»⁸⁴. Но видимо полностью исправить недочеты следствия не смог и военный прокурор. Дебагорий-Мокриевич вспоминал:

Обвинения, составленные на скорую руку, без достаточного знакомства с делом, бросались в глаза своей бездоказанностью и с юридической точки зрения не выдерживали критики⁸⁵.

Судебный процесс по этому делу начался 30 апреля, хотя многое в нем заранее было predetermined. Само придание дела военному суду означало неминуемые смертные приговоры, о чем свидетельствует и жандармская переписка. Из нее явствует, что основными кандидатами на смертную казнь по этому делу были: обвинявшиеся в вооруженном сопротивлении Антонов (Свириденко), Брандтнер, Стеблин-Каменский и «неизвестный раненный в голову» (Иванченко Г. – *О.М.*). Практически все из подсудимых, кроме Стеблин-Каменского, отказались от защиты. На суде Антонов (Свириденко) на вопрос обвинения «Признаете ли вы себя виновным?» произнес следующее:

Я, действительно, сделал 6 выстрелов, но имел в виду одно – навести панику и, воспользовавшись этим бежать, что мне, как известно почти удалось, но я не имел в виду кого-нибудь убить⁸⁶.

На дальнейшие вопросы он отвечать отказался⁸⁷.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 86 об.

⁸² Там же. Л. 175.

⁸³ Там же. Л. 173, 173 об.

⁸⁴ Там же. Л. 211 об.

⁸⁵ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму... С. 81.

⁸⁶ *Я. Д. Б.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 73.

⁸⁷ Там же. С. 73.

В результате уже 4 мая киевский военный суд вынес свой вердикт, по которому Брандтнер и Антонов приговаривались к смертной казни через расстреляние, а остальные получили многолетние каторжные сроки. На конфирмации, состоявшейся 12 мая, учитывая пожелание Александра II, военный генерал-губернатор М.И. Чертков заменил осужденным на смерть Антонову, Брандтнеру и Осинскому (осужден 8 мая. – *О.М.*) расстрел повешением⁸⁸.

В последний день перед казнью приговоренные, кроме Брандтнера, побеседовавшего с лютеранским пастором, отказались принять священников⁸⁹. Перед самым совершением казни командующий войсками прислал адъютанта с приказанием генерал-майору Кравченко, непосредственно руководившему казнью, чтобы после прочтения конфирмации все-таки допустить священников и пастора к приговоренным, в том случае, если они одумаются и исполнят последний церковный обряд, что и было сделано. Однако когда священники подошли, «то они приговоренными были прогнаны»⁹⁰.

По прочтении приговора осужденные попросили разрешения попрощаться и отдались в руки палача. В рапорте Новицкого можно прочесть следующее:

Приговоренные были бледные, как плотно, но на ногах держались без посторонней помощи; ни возгласов, ни плача, ни обращения к кому-либо не последовало⁹¹.

Первым на эшафот взошел осужденный, назвавшийся Антоновым...

Выводы

Как показало проведенное исследование, поколение революционеров, к которому принадлежал В.А. Свириденко, создали организационную структуру в лице Исполнительного комитета и избрали идеологию, оправдывавшую использование терроризма в качестве средства борьбы за политические свободы. Своими поступками и действиями они демонстрировали силу духа и готовность к самопожертвованию во имя идеи свободы и социальной справедливости в том виде, как они ее понимали. В этой связи споры о правомочности применения революционерами-народниками террористической тактики в борьбе с властью продолжаются уже более века в отечественной и зарубежной историографии. Проведенная в статье реконструкция личной биографии одного из участников этого движения позволяет глубже понять причины эволюции революционного народничества от мирной пропаганды к политическому террору и дать оценку ее последствиям.

Поступила в редакцию / Submitted: 20.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.07.2022

References

- Aptekman, O.V. *Obshchestvo 'Zemlia i volia' 70-h gg. Po lichnym vospominaniyam*. Pgetrograd: Kolos Publ., 1924 (in Russian).
- Berman, A.L. "Zametka o kazni V. Osinskogo i dr." *Katorga i sсыlka*, no. 2 (1930): 110 (in Russian)
- Budnickiy, O.V. "The revolutionary terrorism in Russian empire: historiography of recent years (2000–2015)." *Rossiiskaya istoriya*, no 3 (2015): 119–137 (in Russian).

⁸⁸ Берман А.Л. Заметка о казни В. Осинского и др. // Каторга и ссылка. 1930. № 2 (63). С. 110.

⁸⁹ Я. Д. Б. Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 71.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

- Budnickiy, O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii*. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2000 (in Russian).
- Buhbinder, N.A. “K protsessu I.M. Koval'skogo.” *Katorga i ssylka*, no. 1 (1928): 67–74 (in Russian).
- Debagoriy-Mokrievich, V.K. *Ot buntarstva k terrorizmu*. 2 vols. Moscow; Leningrad, 1930 (in Russian).
- Dejch, L.G. “Valer'yan Osinskii (k 50-letiyu ego kazni).” *Katorga i ssylka*, no. 5 (1929): 9–43 (in Russian).
- Drezen, A. “Matrosy v revoliutsionnom dvizhenii 70-h godov.” *Katorga i ssylka*, no. 2 (1927): 60–80 (in Russian).
- Efremov, V.S. “Malen'koe delo.” *Byloe*, no. 5 (1907): 81–100 (in Russian).
- Feokhari, S.I. “Delo o vooruzhennom soprotivlenii v Kieve 11 fevralia 1879 g.” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1929): 37–51 (in Russian).
- Milevsky, O.A. “‘Bombisty-razrushiteli’ ili ‘tiranobortsy’: ‘Narodnaia volia’ v otsenkakh postsovetsovskei istoriografii.” *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (2018): 141–160 (in Russian).
- Moreynis, M.A. “Avtobiografiia.” In *Deiateli SSSR i revoliutsionnogo dvizheniia Rossii. Entsiklopedicheskii slovar' Granat*, 154–159. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989 (in Russian).
- Moreynis, M.A. “Solomon Iakovlevich Vittenbergi process 28-mi.” *Katorga i ssylka*, no. 56 (1929): 47–67 (in Russian).
- Novitskiy, V.D. *Iz vospominanii zhandarma*. Moscow: MGU Publ., 1991 (in Russian).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. *Literaturno-kriticheskie raboty*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. “Kazus Zasulich.” *Voprosy Istorii*, no. 4 (2015): 41–61 (in Russian).
- Petrunkovich, I.I. *Iz zapisok obshchestvennogo deiatelia. Vospominaniia*. Vol. 21 of *Arkhiv russkoi revolyutsii*. Moscow: TERRA Publ., 1993 (in Russian).
- Pipes R. “The Trial of Vera Z.” *Russian History* 37, no. 1 (2010): 1–82.
- Pribylev, A. “In. Fed. Voloshenko.” *Katorga i ssylka*, no. 3 (1930): 127–147 (in Russian).
- Ratuk, L.E. “Remembering ‘The Terrorism’: Sergei Stepniak-Kravchinskiis ‘Underground Russia’.” *Slavic Review* 68, no. 4 (2009): 758–781.
- Sedov, M.G. *Geroicheskii period revoliutsionnogo narodnichestva*. Moscow: Mysl' Publ., 1966 (in Russian).
- Shehegolev, P. “Aleksii Medvedev.” *Katorga i ssylka*, no. 10 (1930): 67–110 (in Russian).
- Steblin-Kamenskiy, R.G. “Grigorii Anfimovich Popko (Opyt biografii).” *Byloe*, no. 5 (1907): 179–204 (in Russian).
- Tikhomirov, L.A. “Pamiati Y.N. Govorukhi-Otroka.” *Russkoe obozrenie*, no. 9 (1896): 341–360 (in Russian).
- Tikhomirov, L.A. *Teni proshlogo*. Moscow: Moskva Publ., 2000 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *‘Orly-bogatyri’ (Rossiiskie narodniki v iskusstve)*. Saratov: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *Krestonostsy sotsializma*. Saratov: Saratovskogo un-ta Publ., 2002 (in Russian).
- Tvardovskaya, V.A. *Sotsialisticheskaya mysl' Rossii na rubezhe 1870–1880-h gg*. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Volk, S.S. *‘Narodnaia volia.’ 1879–1882 g*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Yurkovskiy, F.N. *Bulgakov. Roman, napisannyi v Shlissel'burge. Vospominaniia i pis'ma*. Moscow; Leningrad: Vsesoiuznoe obshchestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poseletsev Publ., 1933 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Олег Анатольевич Милевский, д-р истор. наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет; 628417, Россия, ХМАО-Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; olegmilevsky@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Oleg A. Milevsky, Dr. Habil. Hist., Professor of Surgut State Pedagogical University; 10/2, 50 let VLKSM Str., Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, 628417, Russia; olegmilevsky@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Обзорная статья / Review article

Феномен советскости в отечественной историографической традиции

Игорь Орлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

✉ IOrlov@hse.ru

Аннотация: Автор предлагает новый историографический подход, в основе которого лежит выделение существенных линий историографического раскола без деления работ по дисциплинарному принципу. Очередной историографический поворот в изучении феномена советскости автор связывает с расширением источниковой базы и прежде всего с обращением к массовым источникам личного происхождения, в частности, письмам во власть, которые в силу представительства разных социальных групп позволяют уточнить процесс утверждения новых советских ценностей и, соответственно, существующие историографические выводы, а также верифицировать теоретические и методологические основания современных исследований. Анализ показал, что при всем многообразии теоретических и методологических подходов наиболее перспективной представляется идея двойственной природы феномена советского и обращение к «большим смыслам». А массовые источники способствуют переходу от изучения абстрактного советского человека к исследованию «homo soveticus» во всем многообразии его жизнедеятельности на разных этапах истории.

Ключевые слова: советская повседневность, ностальгия, письма во власть, надэтничность, историографические расколы

Для цитирования: Орлов И. Феномен советскости в отечественной историографической традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Phenomenon of Sovietness in Russian Historiographical Tradition

Igor Orlov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

✉ IOrlov@hse.ru

Abstract: The author proposes a new historiographic approach which is based on the identification of the essential lines of the historiographic split without dividing the works according to the disciplinary principle. The author connects another historiographic turn in the study of the phenomenon of Sovietness with the expansion of the source base and, above all, with the appeal to mass personal sources, in particular, letters to the authorities, which, due to the representation of different social groups, make it possible to clarify the process of establishing new Soviet values and, accordingly, existing historiographic conclusions, as well as to verify the theoretical and methodological foundations of modern research. The analysis showed that with all the variety of theoretical and methodological approaches, the idea of the dual nature of the phenomenon of Sovietness and the appeal to “greater mean-

ings” seems to be the most promising one, and mass sources contribute to the transition from the study of the abstract Soviet man to the study of “homo soveticus” in all the diversity of his life at different stages of history.

Keywords: Soviet everyday life, nostalgia, letters to power, supra-ethnicity, historiographical splits

For citation: Orlov, Igor. “Phenomenon of Sovietness in Russian Historiographical Tradition.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 597–607. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-597-607>

Введение

Уже с конца 1990-х гг. очевидно вовлечение различных слоев российского социума в «процесс масштабной рефлексии по поводу советского прошлого»¹. Устойчивые настроения ностальгии по советскому периоду фиксировали многочисленные социологические опросы. Советская тематика заполняла ценностный вакуум ранней постсоветской эпохи, не породившей ни позитивных символов, ни общепризнанных достижений².

С этих позиций современность можно рассматривать, во-первых, как период конструктивной дискуссии ученых различных направлений. Во-вторых, как отражение ностальгии по советскости в проектах, активно использующих советскую символику или предпринимающих попытки реконструкции советской истории. Сегодня советская семиосфера распространяется не только на мемориальные и архитектурные комплексы, но и на знаки топонимии. Уникальная информация о «советском колорите» питейных заведений (ленинградской рюмочной, тбилисской хинкальной, одесской бodega, московском пивбаре и пр.) систематизирована М.Ю. Тимофеевым³. В-третьих, как опыт эмоционального обсуждения проблем советской истории в российской блогосфере, которая (включая «народные музеи»⁴) стала одной из площадок трансляции образов советского прошлого.

Сегодня мы наблюдаем актуализацию социального заказа на советскость со стороны власти, бизнеса, населения и научно-экспертного сообщества. По заключению А. Юрчака, особенностью ностальгических настроений последних лет стало снижение уровня этатизма при нарастании «тоски по смыслам»⁵. Возможно именно «тоска по смыслам» стимулирует сохраняющийся до наших дней интерес к феномену советскости. Если для середины 2000-х гг. утверждение Н.Н. Козловой, что мы «знаем о советском обществе непростительно мало»⁶, в целом адекватно отражало состояние историографии, то за прошедшие годы были накоплены обширная источниковая база, опыт описания и интерпретации советской действительности. Но сегодня в силу плюрализма идеологических взглядов, политических пристрастий и научных подходов отсутствуют ее устоявшиеся оценки. Целью краткого экскурса в обширную постсоветскую историографию (1991–2021 гг.) является не только фиксация результатов исследований. Проблему данного исследования можно

¹ Смолина Н.С. Тема «советского» в социально-философском дискурсе 2000-х: проблематизация коллективной идентичности на постсоветском пространстве // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 155.

² Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 13.

³ Тимофеев М.Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ. Ч. I. Артефакты // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 5. С. 62.

⁴ Абрамов Р.Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111; Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 64–73.

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 45.

⁶ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 472.

сформулировать как выявление точек раскола и соприкосновения в работах представителей разных отраслей знания и формулирование на этой основе собственной историографической схемы. Существующие историографические обзоры⁷ помогли выделить основные предметные поля и базовый вектор исследований феномена «советскости». Особо следует отметить те обзоры, в которых анализируются работы с использованием эго-документов, источников личного происхождения и информационно-аналитических материалов контролирующих органов власти⁸. В свою очередь, для подтверждения той или иной исследовательской парадигмы выбирались или пионерные работы или труды, в концентрированном виде освещающие выбранный ракурс.

Историография проблемы: общие подходы к рефлексии

Отсутствие консенсуса по ключевым вопросам, на первый взгляд, делает все попытки историографического подведения итогов малопродуктивными. Но это не снижает значимость подведения промежуточных итогов изучения темы. Например, Е.Ю. Зубкова, наряду с контекстуальным, методологическим и терминологическим разнообразием, обратила внимание не только на двойственность советскости (идентификационного маркера и инструмента построения системы координат жизнедеятельности социума), но и на актуальные предметные поля: место советского в повседневности; хронотоп советского; советскость как сочетание коридора возможностей и ограничительных рамок; поколенческое измерение советскости; советские символы, ритуалы и практики⁹.

Очевидно, что путь к пониманию советскости сегодня лежит через историческую реконструкцию разных аспектов советской истории, а не через «моделирование» абстрактного человека в широком диапазоне от «совка» до «строителя коммунизма». Хотя практически по всем вопросам, связанным с термином «советскость», на сегодняшний день нет общепризнанного мнения, некоторые положения разделяются значительной частью исследователей:

- во-первых, представление категории «советскость» как социокультурной идентичности (советский человек)¹⁰ или надэтнической общности (советский народ)¹¹;
- во-вторых, признание «*homo soveticus*» продуктом идеологического воздействия и результатом социального проектирования путем получения образования, включения в общественную жизнь и внедрения новых бытовых практик и форм досуга¹²;

⁷ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 882–890. <https://doi.org/10.31857/S0869587320090091>; Матвеева Ю.В. Введение // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург, 2021. С. 11–17; Поршинева О.В. Формирование «человека советского»: эволюция теоретических подходов большевистского руководства (1900–1930-е годы) // Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург, 2021. С. 32–49.

⁸ Поршинева О.С. Сознание и поведение человека в постреволюционную эпоху: этапы, характер, результаты трансформации. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. Ч. 2. С. 207–237.

⁹ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь... С. 882–886.

¹⁰ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006. С. 194, 397.

¹¹ Попов М.Е. Метаморфозы надэтнической идентичности: советскость, этничность и российская гражданская нация // Национальная идентичность России и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007. С. 607–617.

¹² Мазур Л.Н. «Человек советский» как результат социального инжиниринга // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 182; Поршинева О.С. «Новый человек» как феномен советского проекта индустриального развития (1920 – нач. 30-х гг.) // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф.

– в-третьих, рассмотрение советскости в контексте советской повседневности, в том числе в виде символов (включая мир моды и вещей)¹³ и разнообразных практик – ритуальных¹⁴, потребительских¹⁵, досуговых¹⁶ и других;

– в-четвертых, констатация наличия весьма тонкой грани между советской и постсоветской реальностью, что демонстрирует, в частности, анализ советских и постсоветских институтов¹⁷;

– в-пятых, создание широкого и разнообразного набора «маркеров» советского образа жизни: материальных (авоська, граненый стакан, кофейный напиток «Народный», цистерна с квасом, пионерский галстук и т.п.), социально-экономических (дефицит, займы, лимитчики, коммуналка и пр.), коммуникационных (слухи, очереди, турпоходы, поездки «на картошку» и т. д.), культурно-мировоззренческих («самая читающая страна», первый полет в космос, победа над фашизмом и т. п.)¹⁸. Контент-анализ номеров журнала «Мурзилка» за 1927–1928 гг. и 1930–1932 гг. позволил О.В. Рыжковой выделить 960 «интегральных» (текстовых и визуальных) символов и 165 визуальных маркеров советскости, признаком которой она считает противопоставление советского канона всему «чуждому» или «чуждому» (как досоветскому, так и западному)¹⁹;

– в-шестых, идентификация советского со временем существования и с территорией СССР, с поправкой, что для довоенного и послевоенного периодов данный феномен имеет существенные различия и, прежде всего, поколенческие²⁰. Выявленный в источниках факт непосредственного влияния на процесс воспитания «настоящих» советских граждан государственных структур позволяет также говорить о зависимости феномена советскости от трансформации коммунистического режима²¹.

Распространено мнение, что советскость превратилась в устойчивую норму к середине 1950-х гг.²², а начальный этап формирования советского человека пришелся на конец 1920-х – 1930-е гг., что связывается с социализацией и сменой первых советских поколений²³. Анализ процесса формирования советскости с помощью школьных букварей 1927–1932 гг. выявил возрастание в них постраничной «дози-

Екатеринбург, 2019. С. 235, 236; *Чернявская Ю.В.* На rendez-vous с эпохой: советский интеллигент в поисках идентичности // *Человек*. 2007. № 5. С. 29.

¹³ *Гурова О.Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М., 2008; *Журавлев С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991 гг. М., 2013.

¹⁴ *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998; *Лисина Е.А.* Ритуал в пост-традиции: на примере советской концепции обрядности // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017. Т. 6. № 1А. С. 215–220.

¹⁵ *Иванова А.С.* Магазины «Берзка». Парадоксы потребления в позднем СССР. М., 2017.

¹⁶ *Ловелл С.* Досуг в России: «свободное» время и его использование // *Антропологический форум*. 2005. № 2. С. 136–173.

¹⁷ *Пивоваров Ю.С.* «...И в развалинах век» // *Полис*. 2011. № 6. С. 52–77.

¹⁸ *Губогло М.Н.* Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте // *Вестник антропологии*. 2017. № 3 (39). С. 8, 10, 12, 17, 20; *Сделано в СССР: символы советской эпохи*. М., 2013 и др.

¹⁹ *Рыжкова О.В.* Визуальные образы «советскости» в детском журнале «Мурзилка» 1920–1930-х годов // *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации*: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. С. 99–100.

²⁰ *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. М., 2005. С. 21.

²¹ *Килин А.П.* «Homo economicus» & «homo soveticus»: практики экономического поведения советского человека // *Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур*. Екатеринбург, 2019. С. 268; *Поршинева О.С.* Сознание и поведение человека раннесоветского общества: предпосылки, этапы, характер трансформации // *Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации*: сб. ст. / под ред. Л.Н. Мазур, О.В. Горбачева. Екатеринбург, 2018. С. 374, 380.

²² *Пивоваров Ю.С.* «...И в развалинах век»... С. 61; *Зубкова Е.Ю.* Советская жизнь... С. 887.

²³ *Сомов В.А.* Феномен советскости... С. 18, 19; *Мазур Л.Н.* «Человек советский»... С. 187.

ровки» советскости²⁴. Увеличение интегрального (в 3,7 раза) и визуального (в 2 раза) индексов «советскости» демонстрируют и итоги контент-анализа материалов журнала «Мурзилка этих лет»²⁵. Важную роль в формировании советских ценностей у подрастающего поколения играли игрушки (например, неваляшка, символизирующая способность советского человека подниматься после любой неудачи), а также пионерские лагеря²⁶.

В период сталинской индустриализации одним из каналов конструирования «нового советского человека» становится фабрично-заводская газета, на страницах которой публиковались биографии «истинно социалистических рабочих» с фотографиями и кратким описанием достижений²⁷. Анализ советской фильмографии, предпринятый Л.Н. Мазур, подтверждает общий тренд советизации российского социума. В фильмах первой половины 1930-х гг. доминируют сюжеты классовой борьбы и постепенного превращения крестьян в новый класс колхозников под руководством носителей классового сознания, приобщенных к марксизму и вовлеченных в социалистическое строительство. А в кинематографе второй половины десятилетия транслируется советский миф, в котором советское предстает как общество свободы, равенства и братства, вертикальной мобильности в категорию «лучших» представителей советского народа²⁸.

Официальные документы при их информационной насыщенности в большей степени демонстрируют то, как власти разного уровня представляют или хотели бы видеть образ «настоящего советского человека» (наглядный пример – сводки партийных государственных органов, «Моральный кодекс строителя коммунизма» или «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические и развивающиеся страны»). В то же время документы личного происхождения (особенно массовые) позволяют уловить то, что сами граждане вкладывали в содержание советскости, так как они не только подвергались целенаправленному воздействию, но сами участвовали в реализации советского проекта. В частности, контент-анализ писем во власть²⁹ свидетельствует, что в 1928–1935 гг. в них чаще всего прилагательное «советское» использовалось с существительными «власть», «государство» и «учреждения», то есть связывалось с институтами новой государственности. Значительно реже сами корреспонденты идентифицировались с этими институтами. Но с середины 1930-х гг. употребление категории «советское» значительно расширяется, охватывая не только институты (науку, юстицию, разведку и пр.), но и различные социальные группы (интеллигенцию и тружеников, молодежь и детей, ученых и летчиков, учителей и школьников). Феномен советскости получает территориальное измерение (страна, земля, родина) и распространяется на проживающее на этой территории население (народ, граждане). Признаком новой государственности становятся «советские порядки», а нового человека – «советская позиция».

²⁴ Рожков А.Ю. Визуальные образы «советскости» в школьном букваре 1927–1932 гг.: контент, структура, динамика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2017. Вып. 45. С. 58, 61.

²⁵ Рыжкова О.В. Визуальные образы «советскости»... С. 99–100.

²⁶ Губогло М.Н. Концепт «советскости»... С. 11.

²⁷ Солощенко Н.В. Конструирование «нового рабочего» в годы первых пятилеток (контент-анализ материалов фабричных многотиражек) // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25–26 сентября 2019 г. Екатеринбург, 2019. С. 95,97.

²⁸ Мазур Л.Н. Социальные трансформации в отражении советского кинематографа 1917–1930-х гг. // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 372, 374, 377.

²⁹ Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002.

Выходом из сложившейся историографической ситуации может стать выделение основных (определяющих исследовательский мейнстрим) линий историографического раскола без деления большого массива работ по дисциплинарному принципу, которое непродуктивно в силу междисциплинарного характера категории «советскость».

Сложившееся и в современной историографии совмещение в феномене советскости разных смыслов («советский образ жизни», «советский человек», «советское общество», «совок» и др.) актуализировало поиски ответа на вопрос о способах «сосуществования» столь богатого смыслового контента. Условно все объяснительные модели сущности советскости можно разделить на три группы:

- 1) через действительные или конструируемые противоположности (несоветскость, постсоветскость, человечность);
- 2) методом кажущейся синонимичности (социализм, совковость, русскость);
- 3) путем «вписывания» основных черт советского в определенные смысловые конструкты (цивилизация, наднациональная идентичность, набор ценностей/антиценностей, особый культурный код, специфическая модель поведения).

Рассмотрим подробнее данные подходы.

«Единство и борьба противоположностей»

1. *Советскость vs несоветскость*. Все попытки понять «советскость» через ее противоположность (несоветскость) вызывают вопросы к критериям такого сравнения. Если для советской историографии характерным было противопоставление социалистического и буржуазного образа жизни, то сегодня сведение несоветскости к буржуазности некорректно. Мало что проясняет в феномене «советскости» и ее противопоставление антисоветскости.

2. *Советскость vs постсоветскость*. Современная семиосфера советскости имеет два основания (ностальгию по советскому прошлому и постмодернистскую игру с советскими символами) и, соответственно, два уровня – реликты советской эпохи и симулякры советской реальности³⁰. Поэтому в силу взаимопроникновения советского и постсоветского пространств невозможно их точно разграничить.

3. *Советскость vs человечность*. У самых жестких критиков советского прошлого³¹ негативные оценки во многом связаны с рассмотрением советского человека как идеально-типической конструкции. Другое дело, если рассматривать его не как оторванную от жизни абстракцию, а как продукт исторического развития во всем его многообразии.

«Мнимые синонимы»

1. *Советскость как социализм/коммунизм*. Если одни авторы используют советское в «качестве синонима социалистического общества»³², то их оппоненты разводят эти феномены, исходя из нетождественности понятий «советский чело-

³⁰ Тимофеев М. Знаки «советскости» в современной России: семантика, синтактика и прагматика // Михаил Юрьевич Тимофеев. URL: <http://timland.narod.ru/nation/sovietica.htm> (дата обращения: 01.04.2022).

³¹ См., например, выступление М.В. Раца: Междисциплинарный семинар под руководством Л.А. Гордона «Советский Союз и советское общество – что это было?» (идеи и материалы к разработке концепции Музея СССР) // Сахаровский центр. URL: <https://old.sakharov-center.ru/projects/ussr-museum/seminar11.htm> (дата обращения: 12.02.2022). (Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.)

³² Скоробогачкая Н.А., Скоробогачкий В.В. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. 2020. Т. 20. Вып. 2. С. 34. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>

век» и «коммунист»³³. В этом плане любопытно наблюдение: в советской традиции Родина всегда советская, а Отечество – социалистическое. Чаще всего в единый конструкт сплавлялись советскость и партийность.

2. *Советскость как совковость*. Так как образ «совка» достаточно широко представлен в литературе, не будем на этом останавливаться. Гораздо интереснее посмотреть на аргументацию противников сведения советского к совковости. Для них советскость связывается с лучшими чертами советского образа жизни – равенством в доходах, всеобщим бесплатным образованием и бесплатной медициной, заботой о детях и стариках и т. п. Тогда как совковость выражается в уравниловке и лицемерии, идеологическом давлении и «телефонном праве», блате и черно-белом видении мира. Как мы видим, речь идет о разных наборах характеристик советской действительности в духе антиномий Канта.

3. *Советскость как русскость*. Попытки отождествления русскости и советскости предпринимаются преимущественно в антисоветском контексте, нередко замешанном на русофобии. С одной стороны, для отождествления есть основания, так как в Советском Союзе признаком советского человека считалось свободное владение русским языком и приобщение к русской культуре³⁴. Этим, видимо, объясняется восприятие иностранцами в качестве русских всех туристов из СССР. С другой стороны, советскость была окончательно приравнена к русскости только после Великой Отечественной войны. В период Великой Отечественной войны произошло начатое накануне массовое возвращение персонажей русской истории (учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова) и символов (погон, воинского звания генералиссимуса). Проявилась и определенная переключка времен. Этот идеологический поворот был закреплен тостом И.В. Сталина за здоровье русского народа на приеме в Кремле командующих Красной армией 24 мая 1945 г.³⁵ Но вряд ли сегодня стоит апеллировать к «банкетной» традиции. Тем более что «русский поворот» оказался недолговечным, уступив место идеологической конструкции «единый советский народ».

«Большие смыслы»

1. *Советскость как цивилизация*. В российской историографии (как, впрочем, и на Западе) спектр оценок варьируется от отказа советскому в статусе даже локальной цивилизации до уникальности советской цивилизации³⁶. Впрочем, существуют и более осторожные формулировки, оценивающие советскость как «проект цивилизации, формально очерченной и обособленной от другой (западной), но в основном посредством запретов и отрицаний»³⁷.

2. *Советскость как форма наднациональной идентичности*. Одни исследователи считают, что складыванию наднациональной идентичности препятствовало отсутствие у народов СССР, связанных общей идеологией, «общего религиозного прошлого и общего религиозного настоящего»³⁸. Но есть аргументы в пользу уникальности советской социокультурной идентичности (советскости), конструируемой властью в качестве надетнической идентичности, завязанной на политическую лояльность³⁹.

³³ Сомов В.А. Феномен советскости... С. 19.

³⁴ Барбашиш М.Ю. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 45.

³⁵ Застольные речи Сталина. Документы и материалы / вступ. ст., сост., коммент., прил. д. и. н. В.А. Неvejeина. М.; СПб., 2003. С. 470.

³⁶ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М., 2004.

³⁷ Скоробогачкая Н.А., Скоробогачкий В.В. Советское... С. 52.

³⁸ Померанц Г. Выход из трансa. М., 1995. С. 235.

³⁹ Попов М.Е. Антропология советскости: Философский анализ: дис. ... канд. философ. наук. 2004.

3. *Советскость как набор ценностей или антиценностей.* Чаще всего в литературе встречается попытка выделить доминирующую ценностную составляющую (например, стабильность или обоснование действий великой целью) или выстроить иерархию ценностных установок – работа важнее денег, духовное важнее материального и т. п. Но советскость по-разному воспринималась людьми разных поколений и социальных групп. Еще до легитимизации термина «советский патриотизм» в годы Великой Отечественной войны сквозь ценности интернационализма пробируют дорогу ценности патриотизма.

Многие представители послевоенного поколения оставались носителями «настоящих» (с позиций довоенных поколений) советских ценностей во многом формально⁴⁰. Для других советский человек предстает как совокупность скорее антиценностей – внерелигиозного отношения к жизни; убежденности в своем превосходстве в сочетании с ощущением собственной неполноценности; стремлении решать проблемы насилием; деления мира на «мы» и «они»⁴¹. Но чаще всего «совок» предстает сложным переплетением ценностей и антиценностей, где политический инфантилизм, эгалитаризм, иждивенчество и идейная нетерпимость соседствуют с верой в «светлое будущее», любовью к Родине, самоотречением и христианским долготерпением⁴². И в таком подходе заложено рациональное зерно.

4. *Советскость как особый культурный код.* Двусмысленность советского культурного кода объясняется его зарождением на пересечении деревенской и городской культур. В силу этого, с одной стороны, он представляет утопический образ желаемого будущего, а с другой, несет установку на аннигиляцию предшествующей реальности⁴³. То есть и в этом подходе мы видим признание двойственной природы советскости.

5. *Советскость как поведенческий комплекс.* Советскость рассматривается также как самовоспроизводящийся поведенческий комплекс человека, который во многом определялся характером советской повседневности – условиями жизни, специфической структурой потребления, новой сексуальной моралью, политизацией досуга и т. п.⁴⁴ В этом плане высокий объяснительный потенциал имеет категория «советская жизнь» как система «бытования советского социума, его отдельных групп и индивидов в определенных условиях», как регулируемых, так и возникающих спонтанно. Делается вывод, что советская жизнь обладает устойчивыми признаками, закрепленными в ритуалах и обыденных практиках – от трудовых до досуговых и от предписываемых до отклоняющихся⁴⁵.

Выводы

Рассмотренные историографические подходы показывают, что понимание феномена «советскости» может быть основано на следующих принципах: междисциплинарности, поиске «больших смыслов», признании двуединой природы советскости и «прозрачности» границ между советским и постсоветским хронотопами. Мы видим, что исторические (советская жизнь), социологические (советское общество) и антропологические (советский человек) измерения феномена «советскости»

⁴⁰ Сомов В.А. Феномен советскости... С. 18, 19.

⁴¹ Выжуртович В. Мы такие же, как все // Российская газета. 2013. 22 января.

⁴² Килин А.П. «Ното economicus»... С. 237–268; Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 10; Поршинева О.С. Сознание и поведение человека... С. 237.

⁴³ Скоробогачук Н.А., Скоробогачук В.В. Советское... С. 33–34, 47, 55.

⁴⁴ Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей... С. 10; Поляков Ю.А. Человек в повседневности. Исторические аспекты // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 127.

⁴⁵ Зубкова Е.Ю. Советская жизнь... С. 882, 885.

формируют исследовательское пространство, заполненное разными теоретическими и методологическими подходами, многообразием признаков «советскости» и нередко диаметрально противоположными их оценками, из которых наиболее перспективной является идея двойственной природы советскости. В определенной мере подобная «разноголосица» связана с характером вовлекаемых в объяснительные модели источников. Очередной историографический поворот в изучении феномена советскости может быть связан с расширением источниковой базы и прежде всего за счет массовых источников личного происхождения, таких, как, например, письма во власть, которые позволяют уточнить процесс утверждения новых советских ценностей и, соответственно, верифицировать теоретические и методологические основания современных исследований. Это позволяет относиться к феномену советскости не только как к идеологическому конструкту или способу манипуляции властными решениями, но и как к маркеру новой идентичности.

Поступила в редакцию / Submitted: 31.03.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 17.08.2022

References

- Abramov, R.N. “Muzeefikatsiya sovetskogo. Istoricheskaia travma ili nostalgii?” *Chelovek*, no. 5 (2013): 99–111 (in Russian).
- Barbashin, M.Yu. “Sovetskaia identichnost’ v etnosotsial’nom prostranstve: institutsional’nye osobennosti.” *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 7 (2012): 45–50 (in Russian).
- Chernyavskaya, Yu.V. “Na rendez-vous s epokhoi: sovetskii intelligent v poiskakh identichnosti.” *Chelovek*, no. 5 (2007): 25–43 (in Russian).
- Fokina, A.A. “Relikty i simuliakry sovetskogo v sovremennom rossiiskom mediaprostranstve.” *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 1/2 (2016): 64–73 (in Russian).
- Glebkin, V.V. *Ritual v sovetskoi kul’ture*. Moscow: Yanus-K Publ., 1998 (in Russian).
- Guboglo, M.N. “Kontsept «sovetskosti» v etnologo-antropologicheskom kontekste.” *Vestnik antropologii*, no. 3 (2017): 204–221 (in Russian).
- Gurova, O.Yu. *Sovetskoe nizhnee bel’yo: mezhdru ideologii i povsednevnost’yu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008 (in Russian).
- Ivanova, A.S. *Magaziny ‘Beryozka’. Paradoksy potrebleniia v pozdnem SSSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017 (in Russian).
- Kara-Murza, S.G. *Sovetskaia tsivilizatsiia. Ot Velikoi Pobedy do nashikh dnei*. Moscow: Eksmo Publ.; Algoritm Publ., 2004 (in Russian).
- Kilin, A.P. “«Homo economicus» & «homo soveticus»: praktiki ekonomicheskogo povedeniia sovetskogo cheloveka.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 237–268. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Kozlova, N.N. *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii*. Moscow: Evropa Publ., 2005 (in Russian).
- Lebina, N. *Entsiklopediia banal’nostei: Sovetskaia povsednevnost’: Kontury, simvoly, znaki*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2006 (in Russian).
- Lisina, E.A. “Ritual v post-traditsii: na primere sovetskoi kontseptsii obryadnosti.” *Kontekst i refleksiia: filosofiiia o mire i cheloveke* 6, no. 1A (2017): 215–220 (in Russian).
- Livshin, A.Ya., Orlov, I.B., and Khlevnyuk, O.V., eds. *Pis’ma vo vlast’. 1928–1939: Zaiavleniia, zhaloby, donosy, pis’ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdiam*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002 (in Russian).
- Lovell, S. “Dosug v Rossii: ‘svobodnoe’ vremia i ego ispol’zovanie.” *Antropologicheskii forum*, no. 2 (2005): 136–173 (in Russian).
- Matveeva, Yu.V. “Vvedenie.” In *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra*, 11–17. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2021 (in Russian).
- Mazur, L.N. “«Chelovek sovetskii» kak rezul’tat sotsial’nogo inzhiniringa.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi*

- proekt, 1917–1930-e gg.*, 180–188. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Mazur, L.N. “Sotsial’nye transformatsii v otrazhenii sovetskogo kinematografa 1917–1930-kh gg.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 364–377. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Nevezhina, V.A., ed. *Zastol’nye rechi Stalina. Dokumenty i materialy*. Moscow: AIRO-XX Publ.; St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Pivovarov, Yu.S. “... I v razvalinakh vek’.” *Polis*, no. 6 (2011): 52–77 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A. “Chelovek v povsednevnosti. Istoricheskie aspekty.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2000): 125–132 (in Russian).
- Pomeranets, G. *Vykhod iz transa*. Moscow: Yurist Publ., 1995 (in Russian).
- Popov, M.E. “Antropologiya sovetskosti: Filosofskii analiz.” PhD diss. in Philosophy, Stavropol State University, 2004 (in Russian).
- Popov, M.E. “Metamorfozy nadetnicheskoi identichnosti: sovetskost’, etnichnost’ i rossiiskaya grazhdanskaya natsiya.” In *Natsional’naya identichnost’ Rossii i demograficheskii krizis*, 607–617. Moscow: Nauchnyi ekspert Publ., 2007 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “«Novyi chelovek» kak fenomen sovetskogo proekta industrial’nogo razvitiia (1920 – nachalo 30-kh gg.).” In *Industrial’noe razvitie regiona i mira: istoriia i sovremennost’: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, 231–240. Yekaterinburg: LLC Izdatel’stvo UMTS UPI Publ., 2019 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Soznanie i povedenie cheloveka rannesovetskogo obshchestva: predposylki, etapy, kharakter transformatsii.” In Mazur, L.N., Gorbacheva, O.V. eds. *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik statei*, 372–382. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2018 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Soznanie i povedenie cheloveka v postrevolyutsionnuyu epokhu: etapy, kharakter, rezul’taty transformatsii.” In Mazur, L.N., ed. *Sovetskoe obshchestvo: kul’tura, soznanie, povedenie*, part 2 of *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial’nyi proekt, 1917–1930-e gg.*, 207–237. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Porshneva, O.V. “Formirovanie «cheloveka sovetskogo»: evolyutsiia teoreticheskikh podkhodov bol’shevistskogo rukovodstva (1900–1930-e gody).” In *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra: monografiya*, 32–49. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2021 (in Russian).
- Rozhkov, A.Yu. “Vizual’nye obrazy «sovetskosti» v shkol’nom bukvarе 1927–1932 gg.: kontent, struktura, dinamika.” In *Vestnik PSTGU*, no. 45 (2017): 57–72 (in Russian).
- Ryzhkova, O.V. “Vizual’nye obrazy «sovetskosti» v detskom zhurnale «Murzilka» 1920–1930-x godov.” *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii. Sbornik nauchnykh trudov*, 98–103. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2018 (in Russian).
- Shanin, T. “Istoriia pokolenii i pokolencheskaia istoriia.” In *A generational analysis of contemporary Russia*, 17–38. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005 (in Russian).
- Skorobogaczkaia, N.A., and Skorobogaczkiy, V.V. “Sovetskoe: istoriko-kul’turnyi kontekst fenomena.” *Antinomii* 20, no. 2 (2020): 33–74 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10202>
- Smolina, N.S. “Tema «sovetskogo» v sotsial’no-filosofskom diskurse 2000-kh: problematizatsiia kollektivnoi identichnosti na postsovetskom prostranstve.” *Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena*, no. 97 (2009): 154–161 (in Russian).
- Soloshchenko, N.V. “Konstruirovanie «novogo rabochego» v gody pervykh piatiletok (kontent-analiz materialov fabrichnykh mnogotirazhek).” In *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Ekaterinburg, 25–26 sentyabrya 2019 g.*, 94–99. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2019 (in Russian).
- Somov, V.A. “Fenomen sovetskosti: istoriko-kul’turnyi aspekt.” *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2 (2015): 12–20 (in Russian).
- Timofeev, M. “Znaki «sovetskosti» v sovremennoi Rossii: semantika, sintaktika i pragmatika.” In *Mikhail Yur’evich Timofeev*, 2022, August 1, <http://timland.narod.ru/nation/sovietica.htm> (in Russian).
- Timofeev, M.Yu. “Psevdosovetskii obshchepit kak imperiya znakov: sistemno-semioticheskii analiz. Ch. I. Artefakty.” *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, no. 5 (2012): 39–51 (in Russian).
- Vyzhutovich, V. “My takie zhe, kak vse.” *Rossiiskaia gazeta*. January 22, 2013, <https://rg.ru/2013/01/22/pivovarov.html> (in Russian).

Yurchak, A. *Eto bylo navsegda, пока ne konchilos`*. *Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014 (in Russian).

Zhuravlyov, S.V., and Gronov, Yu. *Moda po planu: istoriia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR, 1917–1991 gg.* Moscow: IRI RAN Publ., 2013 (in Russian).

Zinov'ev, A.A. *Faktor ponimaniia*. Moscow: Algoritm Publ., 2006 (in Russian).

Zubkova, E.Yu. "Sovetskaia zhizn` kak predmet istoricheskoi rekonstruktsii." *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* 90, no. 9 (2020): 882–890 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320090091>

Информация об авторе / Information about the author

Игорь Борисович Орлов, д-р. истор. наук, профессор, заместитель руководителя департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11; IOrlov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

Igor B. Orlov, Dr. Habil. Hist., Professor, Deputy Head of the Department of Politics and Management, National Research University Higher School of Economics; 11, Pokrovskiy Bul'var, Moscow, 109028, Russia; IOrlov@hse.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1443-8452>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Рецензия на книгу:

Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.

Дина Аманжолова

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

✉ amanzholova19@mail.ru

Для цитирования: Аманжолова Д. Рецензия на книгу: Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 608–613. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Review of

***Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostiyavshikh deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)] by Abylkhozhin, Zh.B. Almaty: KBTU Publ., 2019. 468 p.**

Dina Amanzholova

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

✉ amanzholova19@mail.ru

For citation: Amanzholova, Dina. “Review of *Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i nesostoiavshikh deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)] by Abylkhozhin, Zh.B. Almaty: KBTU Publ., 2019. 468 p.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 608–613. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-608-613>

Монография Ж.Б. Абылхожина посвящена малопопулярной для историографии современного Казахстана проблематике. Между тем изучение и осмысление так называемого постсталинского периода весьма актуально уже потому, что происходившие тогда процессы и сложившиеся реалии стали объективной основой функционирования постсоветских стран после распада СССР, как бы ни пытались иногда доказать отсутствие фундаментальной советской почвы, на которой строится их независимость. Автор к тому же заявил стремление к научно-рациональному анализу в рамках академического дискурса, дабы избежать крайностей «очернения» или «отбелива-

ния» анализируемых вопросов (С. 3). Название книги обосновывается достаточно просто: сам факт распада СССР из-за «глубокой иррациональности его социально-политической и экономической системы» подтверждает именно такую формулировку (С. 4). Эта предустановка должна убедить читателя в непреложности основной идеи и освобождает от поиска некой интриги в авторской драматургии. Казахстан как третья по экономическому потенциалу союзная республика редко удостоивается внимания историков применительно к избранному периоду (видимо, поэтому в монографии нет историографического обзора), что определяет внимание к ее конкретному опыту. Похвальные отзывы о рецензируемой книге К. Пужоль, С. Плохия и С. Абашина на последней странице обложки как бы подкрепляют значимость издания. К тому же интерес к этой стране стал особенно злободневным в связи с драматическими событиями начала 2022 г., истоки которых так или иначе связаны с ее недавним прошлым.

Основу работы составили опубликованные источники, в том числе официальные документы, статистические сборники, периодика 1950-х – начала 1990-х гг., мемуарная литература, а также наиболее известные труды современных ученых. Архивные данные извлечены из фонда 708 Архива Президента РК (бывший архив филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) – «Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана». Внимание автора сосредоточено на социально-экономической и общественно-политической истории Казахской ССР в 1953–1991 гг., что нашло отражение в структуре книги.

Первый раздел состоит из четырех глав, посвященных «хрущевским новациям в народном хозяйстве», реализации «Целинного проекта», тенденциям народно-хозяйственного развития в 1965–1985 гг. и «новой и последней “реформации”» в годы перестройки. Рассказ о достижениях и проблемах социально-экономического развития, которые иллюстрируются большим количеством статистических данных и в целом равновесно представляют плюсы и минусы позднесоветской экономики на примере Казахской ССР, включает рефреном мысль о порочности экстенсивной модели экономики и превосходстве рыночного хозяйствования, которое власть отвергала.

По убеждению Ж.Б. Абылхожина, в СССР «в целях самосохранения Система» всякий раз подчинялась «всепоглощающей цели – экстенсификации» (С. 56, 80). Правда, приведенные им данные о числе построенных предприятий, росте сельхозпроизводства, улучшении повседневной жизни людей в республике заставляют несколько иначе оценивать потенциал и результаты советской социально-экономической политики, если учесть данные о развитии экономики и ее структуре после 1991 г. Так, оценивая несомненную значимость освоения целины для КазССР (превращение в третью после России и Украины республику с мощной продовольственной базой, включение в список стран, производящих достаточно зерна для стабильно гарантированного решения продовольственной проблемы, вхождение в десятку мировых лидеров по производству твердой пшеницы и др.), автор обратил внимание и на порожденные этим проблемы. Среди них – экологическая рациональность, степень экономической оправданности и социальный аспект. Сегодня именно эти вопросы активно дебатуются в общественном пространстве Республики Казахстан. Почвозатратный характер земледелия в СССР, считает автор монографии, с трудом, но целенаправленно выправляется, действительную же цену экономических издержек целины точно подсчитать невозможно. К ним относятся масштабы привлечения техники и трудовых ресурсов, включая студенчество и армию, что порождало огромные и нерациональные расходы энергии и труда, невозможные, как подчеркивается в книге, в западном фермерском хозяйстве. Социальная составляющая целинной эпопеи была противоречива: появление множества поселков с хорошей социально-

культурной инфраструктурой, обновление старых городов региона, развитие системы образования, соцкультбыта в них и др. Негативной проекцией целинной эпохи, по мнению Абылхожина, стал рост населения за счет межреспубликанской миграции, хотя и с учетом позитивного мирового опыта интернационализации общественной жизни. Однако именно целинная миграция, отмечено далее, породила острейший дефицит ресурсов в Нечерноземье, а для казахов дело обернулось «объективной угрозой языку» вследствие сокращения на 30 % удельного веса титульного населения, а также и региональными диспропорциями в размещении производительных сил (С. 68–81).

Действительно, амбивалентные последствия социально-экономических новаций 1950–1980-х гг. для разных регионов или отраслей экономики СССР очевидны. Но вряд ли можно отрицать, что интернационализация социального ландшафта, характерная для советского государства и особенно интенсивная на определенных этапах истории Казахстана, служила взаимному обогащению национальных культур и повседневных практик, формированию ценнейшего опыта конструктивного межэтнического взаимодействия, в том числе в обмене профессиональными компетенциями и навыками адаптации к разным природно-климатическим условиям.

В книге приводится значительный массив данных, которые на примере Казахской ССР призваны подтвердить обреченность реформ 1960-х гг. в промышленности, сложившиеся в позднесоветский период проблемы общественного потребления, факторы динамики и сдерживания урбанизации, негативные экологические последствия превращения республики в «космическую гавань страны» (С. 152), развития военно-промышленного комплекса и гонки вооружений, которая сыграла свою роль в развале СССР. Интересно повествование о складывании архитектурного облика Алма-Аты, строительстве здания Дома правительства, так называемого «Цековского дома» для номенклатуры и жилья, что предопределило неповторимую и столь любимую казахстанцами символическую и общественную атмосферу города (С. 50–55). Последовательно подчеркивая превосходство рыночной экономики над советской, Ж.Б. Абылхожин считает примитивной концепцию «ускорения», как и идею «социалистического рынка» (С. 192, 200), которая меж тем вполне успешно реализуется в КНР. Данные о нарастании кризиса в экономике и социальной сфере к концу 1980-х гг. на примере Казахстана призваны доказать изначальную обреченность советского проекта.

Главы второго раздела названы публицистически: «Утопия «коммунистического завтра» (1953–1964 гг.)», «Замкнутый круг брежневской стабильности (1964–1985 гг.)» и «Непредвиденная логика “перестройки” (1985–1991 гг.)». Термины «сталинщина», «брежневщина», «советское этнократическое государство», «великодержавно-центристская государственническая практика» предопределяют оценки автора в освещении социально-политических процессов. Общую канву событий, связанных с «оттепелью», реформами 1960-х гг., принятием новой Программы КПСС, внутрипартийными реформами, усилением консервативно-охранительной идеологии в 1970-е гг. и перестройкой автор дополняет подробностями внутриреспубликанских проявлений общесоюзных процессов. Это составляет ценную часть монографии, поскольку создает достаточно конкретный образ времени.

Позитивные изменения, по мнению историка, неподдельный энтузиазм конца 1950-х – начала 1960-х гг. не могли исправить общую неприглядную картину искусственной преданности партии, которую были принуждены демонстрировать не только чиновники, но и в целом все общество. Образовательный уровень партноменклатуры республики был невысоким, национальный состав руководства недостаточно отражал интересы титульного этноса (С. 288–303), а комсомольские инициативы (ударные объекты, студенческие стройотряды и др.) были больше продиктованы «стремлением

подзаработать денег» (С. 315–316). Поскольку «тоталитаризм являл собой сущностную природу советской социально-политической системы» (С. 303, 308, 322–323), маргинальная элита, по мнению автора, лишь имитировала «советскость» (С. 470), и мимикрия стала частью поведения элиты и интеллигенции.

Описывая эксплуатацию символического капитала, в том числе казахской интеллигенцией, автор обращает внимание на воспроизводство неформальных социальных сетей и иерархий, «квазитрайбалистского инструментария», поведенческих стереотипов традиционного общества. Названные им симптомы, порождавшиеся в том числе так называемой «второй коренизацией» под руководством Д.А. Кунаева, весьма важны для понимания качества постсоветской элиты Республики Казахстан. Историк считает руководителей СССР носителями маргинализованного сознания, а их «великодержавно-шовинистические симпатии» гораздо более опасными, нежели этнонационалистические проявления на местах, так как первые порождали «гнетущий морально-психологический комплекс ущемленности и приниженности» у нерусских (С. 372–380). Автор признает, что Н.С. Хрущев в деле реабилитации народов поступал «достаточно последовательно и твердо» (С. 256), но указывает, что для него «вопросы национальных отношений находились на периферии внимания» (С. 262). Интерес представляют сюжеты о реабилитации «депортированных» народов, передаче ряда районов южных областей Казахстана в состав Узбекской ССР в 1956 и 1963 гг., что, впрочем, не вызвало протестов, хотя они увязываются с неким напряжением «этнонационального сознания» по аналогии с «передачей» Крыма в состав Украины в 1954 г. (С. 256–265). Периодические всплески беспорядков объясняются провокацией со стороны КПСС (С. 269), когда массовый приток целинных новоселов вследствие «экстенсификации в Казахстане» породил восприимчивость «рекрутов» партийных проектов к «девиантным позывам». Показаны сложности расселения, быта и межэтнических отношений, обусловившие конфликты на целине, подавленные силой беспорядки и погромы во время строительства Карагандинского металлургического завода в Темиртау в 1959 г. (С. 271–275).

Характеризуя проявления неформального поведения (спекуляция, стилиги и т. п.), Абылхожин замечает, что действенная, как он убедился на личном примере, агитация за «коммунистическое завтра» была «весьма схожа с пропагандистскими образчиками Третьего рейха», а идеологическая бдительность партработников доходила до абсурда. Подобные сравнения совершенно недопустимы – факты истории, многочисленные документы и научные исследования подтверждают принципиальную противоположность советской и фашистской систем, в том числе в пропаганде и агитации. Советская агитационно-пропагандистская система опиралась не только на известные классовые принципы, но и отстаивала фундаментальные ценности интернационализма, равенства народов и рас.

Характеризуются проблемы с товарами повседневного спроса вплоть до хлеба в 1963 г. и «саморазрушительная скорость» разложения партии (С. 278–295). Автор не устает подчеркивать свой постулат о тоталитарной природе государства, где имитировавшие преданность идеалам П. Корчагина комсомольские активисты «превращались в скороспелых демагогов-краснобаев», что не могли изменить пользовавшиеся огромной популярностью массовые молодежные и детские военно-патриотические, спортивные, эстрадные, научно-технические и иные движения и конкурсы (С. 292, 315, 323). Обращается внимание на изменения в партийных организациях и качество номенклатуры, проявления социальной мимикрии в обществе, на социологические выкладки и характерные для позднесоветского периода способы выживания в условиях тотального дефицита, породившие забытые ныне бытовые практики и анекдоты и создавшие «одно из самых коррупционных обществ в ряду

развитых государств» (С. 347). Столь радикальный вывод вряд ли правомерен, как с учетом реальной ситуации для подавляющего большинства граждан СССР, так и на основе давно известных и лишь подтверждающихся современными фактами коррупционной системы социально-политических институций так называемых развитых государств.

Весьма интересны рассуждения историка о служебном протекционизме и непотизме, характерном для групповых неформальных сетей, ревитализации региональных и трайбалистских идентификаторов в казахском обществе в 1970–1980-е гг. Это важно для понимания трансформации и качества этнополитической элиты после 1991 г., ее роли в недавнем кризисе в Казахстане. Рассуждая о взаимосвязи моделей поведения с устойчивыми аграрно-традиционными стереотипами, автор называет маргинальной сущность советского массового сознания, которое в Казахстане (точнее, среди казахов) соединяло публичную демонстрацию преданности советской идеологии и приватную приверженность «коллективно-сакральной родоплеменной идентичности» (С. 361–382). Увы, такие явления не анализируются в связи со сложным национальным составом населения, стандартами поведения и социальным самочувствием представителей других национальностей. Растущий «защитный» этноцентризм автор считает следствием сталинской борьбы против местного национализма и сохранившимся великодержавным шовинизмом. Впрочем, и данный вывод в монографии никак не обоснован. Более того, такой подход не объясняет обнажившиеся ныне противоречия межнациональных отношений и причины оттока русскоязычного населения из Казахстана уже в позднесоветское время.

В описании событий декабря 1986 г. в Алма-Ате, которые стали одним из основных мифов нациестроительства, Ж.Б. Абылхожин не углубляется в механизм организации протестных выступлений молодежи, обращая внимание на их роль в деэскалации обещанной демократизации и несправедливость обвинений в национализме, ссылаясь на 40%-ю долю казахов в органах управления, что соответствовало структуре населения республики, тогда как среди занятых в промышленности казахи составляли 21% (С. 411–412). Однако изменения в этническом самосознании стоит анализировать с учетом роли национальной интеллигенции (преимущественно гуманитарной). Как показала Л.М. Дробижева, политика развития и сближения наций на основе формул интернационализма и дружбы народов имела риски, в том числе по части подпитки этнонационализма¹.

Время распада СССР автор связывает с отсутствием либерально-демократической культуры и ролью «массового советского человека как социального продукта тоталитаризма» с «сильнейшими садомазохистскими склонностями», у которого «страх» был снят процессами «демократизации». Здесь вновь стоит отметить не подтвержденный научно публицистический радикализм оценочных суждений Абылхожина. Представляют интерес данные об общественно-политических движениях и структурах в 1990–1991 гг., их ярко выраженной этноцентристской конфигурации, рождении новых партий. В Казахстане показатель поддержки сохранения СССР в ходе известного референдума 1991 г. был одним из самых высоких, позитивно оценивается создание СНГ (С. 437–454). Этой констатацией монография и завершается. Меж тем читатель не получил ответ на важнейший вопрос – почему руководство Казахской ССР столь настойчиво выступало за сохранение СССР, какую роль сыграл Н.А. Назарбаев в раскладе политических сил в республике и на общесоюзной арене

¹ Дробижева Л.М. Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий // Этнический и религиозный фактор в формировании и эволюции российского государства. М., 2012. С. 332–379.

перед закрытием ее занавеса. Было бы полезно получить оценку личности Д.А. Кунаева, популярность которого существенно выросла в независимом Казахстане.

Заданный изначально тон в отношении советского проекта и «Центра», упущенный анализ внутриэлитной динамики и конфигураций в номенклатуре, роли казахской интеллигенции в эволюции общественной атмосферы, увы, не позволяют увидеть культурную сложность позднесоветского общества. Намеченные подходы к учету этносоциальных противоречий и проблем многомерной идентичности личности не получили развития. Написанная в научно-популярном ключе книга может быть адресована не только специалистам по советской истории. Детали повседневности, описание бытовых ситуаций и конкретные примеры взаимодействия представителей власти с отдельными группами населения, которые были обычной рутинной, помогут читателям, рожденным после 1991 г., полнее представить некоторые реалии из жизни старших поколений.

Поступила в редакцию / Submitted: 09.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.08.2022

References

Drobizheva, L.M. "Etnichnost' v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh SSSR poslednikh dvukh desyatiletiiy." In *Etnicheskiy i religioznyy faktor v formirovaniy i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva*, 332–379. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Дина Ахметжановна Аманжолова, д-р. истор. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Dina A. Amanzholova, Dr. Habil. Hist., Professor, Chief Researcher, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 19, Dmitriya Uliyanova Str., Moscow, 117292, Russia; amanzholova19@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 40 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами «Чикагского стиля цитирования» («Chicago Manual of Style») в 17-й редакции в варианте «Note and Bibliography System». При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press, если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>